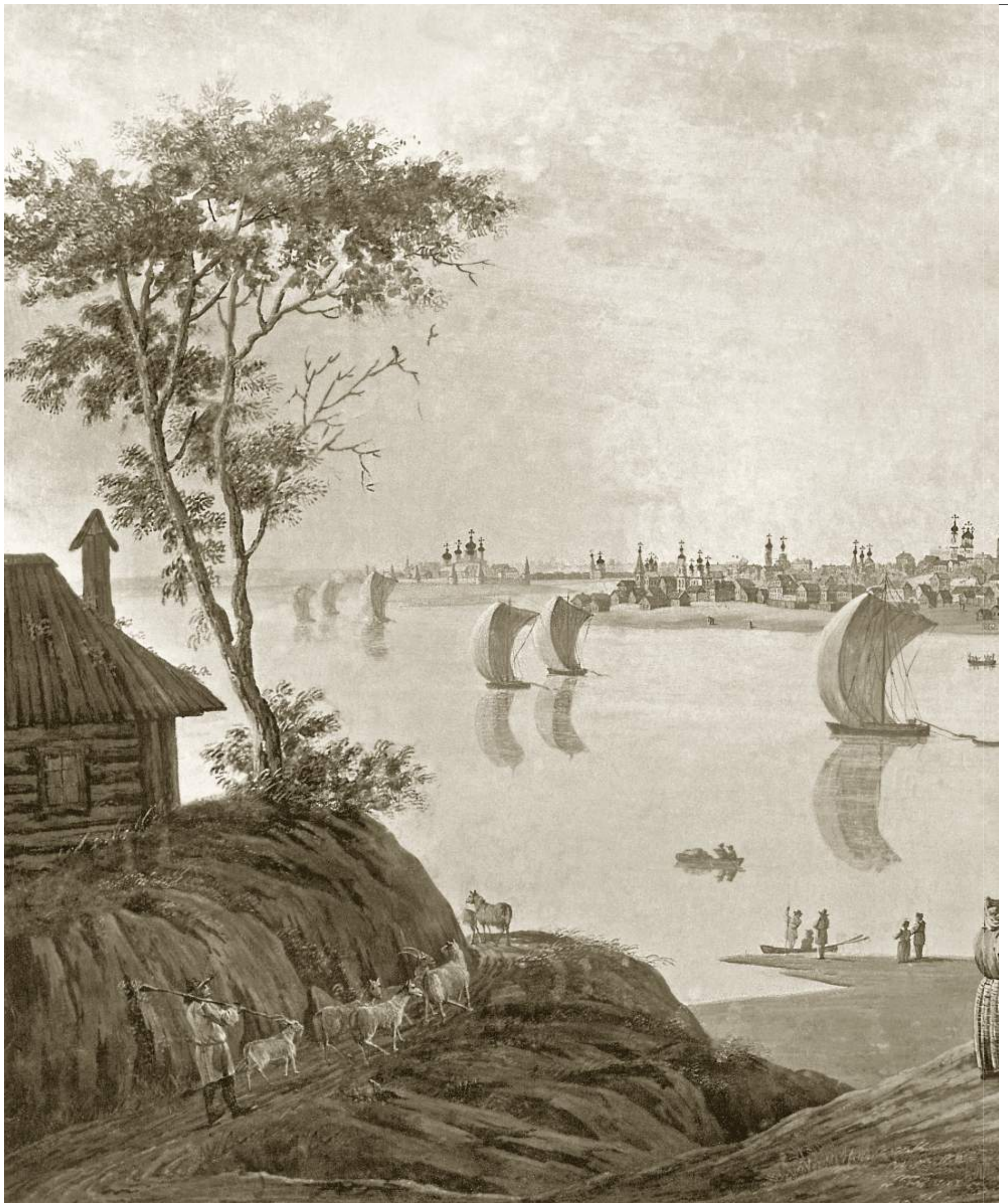

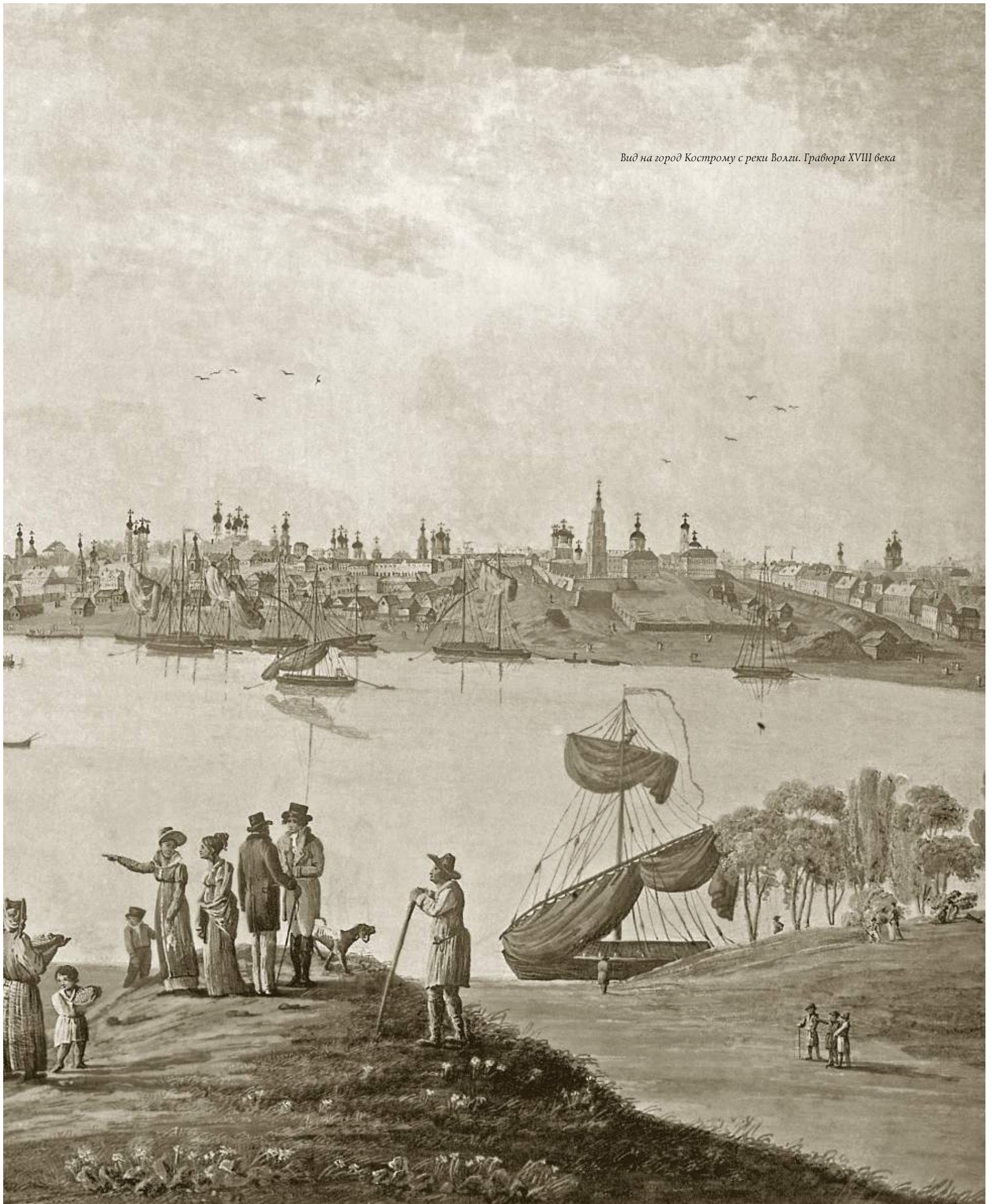
История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме

В СВЯЗИ С ПОВЕСТЬЮ
О ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ,
КРАТКОЙ ИСТОРИЕЙ И ТОПОГРАФИЕЙ
ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Вид на город Кострому с реки Волги. Гравюра XVIII века

Протоиерей Д. И. Лебедев

История соборных храмов Феодоровскаго и Успенскаго в городе Костроме

(в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери,
краткой историей и топографией древняго города)

ИСТОРИКО - АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

КОСТРОМА
1913

Работая с рукописью, мы старались как можно бережнее обращаться с авторским материалом и даже пытались в допустимых границах сохранить некоторые особенности дореволюционной орфографии. В результате публикуемый текст максимально приближен к оригиналу и, в то же время, вполне понятен и доступен для современного читателя.

Конечно, за столетие появились и некоторые новые, ранее неизвестные исторические подробности, в том числе и относящиеся к излагаемым в публикации сведениям. Не считая себя вправе вносить поправки в авторский текст, мы лишь позволили себе в необходимых случаях в сносках дать современную точку зрения. Это ни в коей мере не умаляет огромного значения труда Д. И. Лебедева и, одновременно, создает возможность с максимально достижимой на сегодняшний день полнотой дать читателю интереснейшие данные об истории родного края.

Б. К. Коробов

Перед вами удивительная книга.

Удивительная не только своим глубоким и неординарным содержанием, но и своей поистине мистической судьбой.

Говорят, что рукописи не горят. Наверное, это относится к тем рукописям, которые вобрали в себя не только ум и интеллект автора, но и нечто неизъяснимо большее, именуемое Божьим промыслом. Именно он хранил труд протоиерея Д. И. Лебедева, бережно передавая его из одних чутких и бережных рук в другие. Именно он позволил этому труду прорваться сквозь толщу времени, обрести, наконец, благодарную и восторженную аудиторию, восстановить историческую память, соединить распавшуюся связь времен и, что очень важно, найти того, кому, видимо, и было суждено исполнить эту предначертанную свыше миссию.

Так духовный подвиг протоиерея Лебедева спустя почти столетие продлился в деяниях Бориса Константиновича Коробова, добровольно «по обету и благословению» взявшего на себя задачу публикации этого труда, сумевшего найти и сплотить вокруг этой благой цели творческих, равнодушных, бескорыстных и духовно одаренных людей. Каждый из них вложил в эту книгу частицу своей души. Каждый из них, прикоснувшись к рукописи, стал лучше, чище, возвышенней. Каждый из них заслуживает и достоин благодарности живущих и восхищенной памяти потомков.

Аксиос! Аксиос! Аксиос!

Сергей Павлов

ЖИВОТВОРЯЩАЯ СВЯТЫНЯ

В записке «О народном воспитании» А. С. Пушкин сказал: «Россия слишком мало известна русским... Изучение России должно будет преимущественно занять умы молодых людей, «готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целью искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие, - утверждал он. - "Государственное правило, - говорит Карамзин, - ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному". Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения». Пушкин считал, что без знания родной истории человек теряет себя и уподобляется степной травке перекатиполо. Он пронизательно почувствовал надвигающуюся на русское общество духовную болезнь, превратившуюся к концу XIX века в общенациональную эпидемию.

«Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна, - цинично заявлял в "Братьях Карамазовых" Достоевского лакей Смердяков. - В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с».

Болезнь духовной смердяковщины в нашем обществе появилась не случайно. Ещё в начале XX века костромич, замечательный русский писатель и мыслитель, Василий Васильевич Розанов с горечью замечал:

«У нас нет совсем мечты своей родины».

И на голом месте выросла космополитическая мечтательность.

У греков есть она. Была у римлян. У евреев есть.

У француза - "chere France", у англичан - "Старая Англия".

У немцев - "наш старый Фриц".

Только у прошедшего русскую гимназию и университет - "проклятая Россия".

«Яучился в Костромской гимназии, и в 1-м классе мы учили: "Я человек, хотя и маленький, но у меня 32 зуба и

24 ребра". Потом — позвонки. Только доучившись до VI класса я бы узнал, что "был Сусанин", какие-то стихи о котором мы - дома и на улице - распевали еще до поступления в гимназию:

...не видно ни зги!

...вскричали враги.

И сердце замирало от восторга о Сусанине, умирающем среди поляков. Но до VI класса (т. е. в Костроме) я не доучился. И очень многие гимназисты до VI класса не доходят: все они знают, что у человека "32 позвонка", и не знают, как Сусанин спас царскую семью.

Потом Симбирская гимназия (2 и 3 классы) - и я не знал ничего о Симбирске, о Волге (только учили - "3600 верст", да и это в IV классе). Не знал, куда и как протекает прелестная местная речка, любимица горожан — Свяга.

Потом Нижегородская гимназия. Там мне ставили двойки по латыни, и я увлекался Боклем! Даже странно было бы сравнивать "Минина и Пожарского" с Боклем: Бокль был подобен "по гордости и славе" с Вавилоном, а те, свои князья, - скучные мещане "нашего закоулка"...

Потом университет. "У них была реформация, а у нас нечесанный поп Аввакум". Там - римляне, у русских же - Чичиковы.

Как не взять бомбу: как не примкнуть к партии "ниспровергателей существующего строя".

«У нас слово "отечество" узнается одновременно со словом "проклятие"...

И все "жалит" Россию. "Как бы и куда ей запустить яда"...

Жалит ее немец. Жалит ее еврей. Жалит армянин, литовец. Разворачивая челюсти, лезет с насмешкой хохол. И в середине всех, распоясавшись, "сам русский" ступил сапожищем в лицо бабушки-Родины».

Причины русской смердяковщины очевидны. «В основе все просто, - говорит Розанов. - Учась в Симбирске, - ничего о Свяге, о городе, о родных (тамошних) поэтах - Аксаковых, Карамзине, Языкове; о Волге - там уже прекрасной и великой».

Учась в Костроме - не знал, что это имя - еще имя языческой богини; ничего — о Ипатьевском монастыре. О чудотворном образе местной Феодоровской Божией Матери - ничего.

Учась в Нижнем - ничего о "Новгороде низовые земли",

о «Макарии, откуда ярмарка», об Унже (река) и ее староведах».

Смердяковское отношение к отечественной истории устойчиво и поныне. Достаточно включить телевизор, чтобы убедиться, что над его программами по-прежнему трудится неистребимый лакей.

Но эта застарелая болезнь излечима, если русское общество повернётся лицом к славному историческому прошлому, к национальным духовным традициям. «...Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, даёт нам особенный национальный характер, - говорил А. С. Пушкин. - В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей истории».

А между тем и до сих пор в забвении остаются многие костромские духовные писатели: Семен Иванович Ширский, преподаватель Костромской духовной семинарии, а затем магистр Петербургской духовной академии; митрополит Филофей, с 1853 по 1857 гг. - епископ Костромской и Галичский; Владимир Петрович Ухалов, смотритель Макарьевского духовного училища, автор вышедшего в 1888 г. в Костроме труда «Жуковский и Карамзин», а также сочинений исторического и богословского характера; Иоанн Яковлевич Сырцов, духовный писатель, ректор Костромской духовной семинарии, автор трудов по истории русского раскола и описания «Архипастыри Костромской епархии за 150 лет ее существования» (Кострома, 1898) и многие, многие другие. А сколько трудов остаётся в рукописях, так и не увидевших свет! Достаточно вспомнить выдающегося костромского учёного краеведа, протоиерея Михаила Диева, творческое наследие которого хранится в рукописном отделе Института русской литературы РАН в Санкт-Петербурге и рассыпано частично по страницам «Костромских губернских ведомостей».

Предлагаемая вниманию читателя книга смотрителя Кинешемского духовного училища, священника Дмитрия Лебедева «История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме (в связи

с повестью о Феодоровской иконе Богородицы, краткой историей и топографией древнего города)» подготовлена к печати Борисом Константиновичем Коробовым - коренным костромичом, известным общественным деятелем, внёсшим заметный вклад в процветание города Костромы, в возрождение исторической памяти, в воскрешение наших национальных святынь.

Работа о. Дмитрия (Лебедева) в августе 1912 года была рекомендована Советом Московской духовной академии в качестве магистерской диссертации по церковной археологии. Но драматические события двух первых десятилетий XX века (Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции) привели к тому, что замечательный труд остался в рукописи, хотя и сохранился промыслительно до наших дней.

Б. К. Коробов, готовя эту рукопись к изданию, бережно отнёсся к содержанию работы и к стилю автора (оставлено дореволюционное написание, исключены лишь буквы «ять» и «ер»). Сопровождающие текст подстрочные примечания - извлечения из трудов современных историков-краеведов, - призваны внести уточнения там, где суждения о. Дмитрия расходятся с данными новейшей науки. Наконец, книга сопровождается любовно подобранными Б. К. Коробовым уникальными видами старой Костромы, её древних соборов, многие из которых навеки утрачены в период наших атеистических лихолетий.

Книга эта внесёт свою лепту в воспитание молодого поколения на основе вековых национальных традиций. Ведь только на любви к истории своего края и своей Родины основано, по Пушкину, «самостояние человека», только через приобщение к ним возможно восстановление личности, воскрешение русского национального характера:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Профессор КГПУ Ю. В. Лебедев

Триумфальн.

История и топография г. Костромы
иногда тесно связ с историей г. Вятки гра-
фов этого народа - древнего, более или менее
тому назад уручмакского, уручмакского
соборного храма в честь св. Давида Сурбана-
лоста, существовавшего XIII-XIV в., и камен-
ного Успенского собора, существующего и в
настоящее время. Судьбы эти двух храмов
тесно связаны с историей монгольской свирости
- судобной Давидовской иконы Богоматери.
Эта икона, иудейско-попугайской костома-
нской, сущим во все времена судобававав
города централь его религиозной и церковно-
Богословенной жизни и связующий эти две
попугайской соборных храмов. Во первые
время Авинская икона была поставлена в
древлянский собор св. Давида Сурбана-
ло, ее построением Успенского каменного
соборного храма, более переделана в 1810 и в
ныне находится до настоящего времени,
за историческим Успенским временем, когда она
перенесена в восстановленный в самый конец

ПРЕДИСЛОВИЕ

История и топография г. Костромы имеют тесную связь с историей двух храмов этого города - древняго, более ста лет тому назад уничтоженного, деревянного соборного храма в честь св. Феодора Стратилата, существовавшего в XIII-XVIII вв., и каменного Успенского собора, существующаго и в настоящее время. Судьбы же этих храмов тесно связаны с историей местной святыни - чудотворной Феодоровской иконы Богоматери. Этот образ, издавеле почитаемый костромичами, служил во все времена существования города центром его религиозной и церковно-общественной жизни и связующим звеном помянутых соборных храмов. В первое время явленная икона была поставлена в деревянном соборе св. Феодора Стратилата, но, с построением Успенского каменного соборного храма, была перенесена в него и в нем помещается до настоящего времени, за исключением холодного времени, когда она переносится в выстроенный в самом конце XVIII в. теплый Богоявленский собор.

В печати имеется несколько очерков истории г. Костромы и его более древних храмов. Но, написанные в XIX ст., очерки эти очень мало затрагивают историю первого костромского собора Феодора Стратилата, да и Успенский собор более или менее подробно описывается последние два-три столетия его существования. Это объясняется тем, что письменных документов, касающихся древней судьбы вышеупомянутых храмов, по которым можно было бы составить их историю, не сохранилось - все документы сгорели во время опустошительных пожаров г. Костромы в 1413, 1493, 1654, 1679 и 1773 гг. Летописи же, хотя и касаются исторической жизни г. Костромы, но не дают почти никаких археологических данных для описания городских храмов, и делают только слабые намеки на древнюю топографию города.

Главным и почти единственным письменным документом для древней истории костромских соборных храмов, в связи с топографией города, служат - повесть о явлении чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, Писцовые книги по г. Костроме от 1628-1630 гг. и летопись Богородицкой (Богоотцовской) церкви в г. Костроме. Нельзя игнорировать и немногих иконографических памятников, дающих тоже некоторые археологические указания по затронутому вопросу.

Первый источник - повесть о явлении чудотворной Феодоровской иконы Богоматери, - находится в многочисленных списках, значительно различающихся по общему содержанию. В г. Костроме - в церквях и археологическом музее, в книгохранилищах г. Петербурга, Москвы и у некоторых частных лиц, мною исследовано более 20 списков этой повести; но, ни один из найденных списков нельзя отнести ко времени ранее XVII в., как бы, ни желательно было найти список повести более ранний. Очевидно, более раннего списка повести не существовало: она составлена была на основании древняго народного предания о Феодоровской иконе Богоматери и церковной службы в честь Ея только в XVII в., при великом государе Михаиле Феодоровиче. Все найденные списки

повести сводятся к трем редакциям, значительно различающимся между собою и по объему, и по содержанию.

Обращаясь к повести во всех ее редакциях, как источнику для исследования вопроса о древних соборных храмах Костромы, и сравнивая ее с летописными указаниями, приходится признать, что повесть сама по себе не может служить в полном своем объеме таким историческим документом, на основании которого можно делать категорические заключения о первоначальной судьбе Феодоровского, а особенно, Успенского собора. Ее необходимым дополнением являются Летописи, Писцовые книги и, в частности, летописи Богородицкой церкви. Писцовые книги 1628-1630 гг. по г. Костроме и летопись Богородицкой церкви дают историко-археологические указания о Феодоровском и Успенском соборах за последние три века их существования. Причем, нельзя не заметить, что на последний документ, весьма важный для исследования истории храма св. Феодора Стратилата за последнее время его существования, до сего времени почти не было обращено внимание. Для определения древней топографии г. Костромы немалое значение имеет и аналогичное сравнение его топографии с другими древними городами Ростовского края.

В церковной истории г. Костромы является довольно спорным вопрос о времени построения каменного Успенского собора. В то время, как почти все местные костромские историки, основываясь единственно на вышеупомянутой повести о явлении Феодоровской иконы Богоматери, приписывали постройку Успенского храма великому князю костромскому Василию Квашне во второй половине XIII в., некоторые члены IV областного археологического съезда склонны были отнести постройку его не ранее, как к XVII в. Решение этого спорного вопроса важно и для нашей задачи - для выяснения вопроса о взаимном отношении двух древних костромских соборных храмов - Феодоровского и Успенского. Поэтому, не придавая такого исключительного значения в этом вопросе повести о Феодоровской иконе Богоматери, мы признаем необходимым сравнить планы и технику постройки храмов владими́ро-суздальского и московского периодов церковного зодчества и храмов от XVII в. в г. Костроме и соседнем г. Ярославле. Такое сравнительное изучение церковной архитектуры достаточно ясно показывает, что основание костромского Успенского собора нельзя отнести ни к владими́ро-суздальскому периоду строительства, ни к XVII в., а всего естественнее - к начальному периоду московского зодчества; это не противоречит и некоторым летописным указаниям. Не противоречит такому заключению и свидетельство повести, составленной в XVII в. о явлении в г. Костроме чудотворного образа Богоматери.

Подробно описывать Успенский собор за последний период его существования и, тем более, в современном его состоянии мы считаем излишним, потому, что за это время есть хорошие и довольно подробные описания собора прот. П. Островского и прот. И. Сырцова.

В. Ш. М.

КАНЦЕЛЯРІЯ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОСЛОВЕНІЮ,

О.Смотрителю Кинешемскаго духовнаго учили-

ща, священнику Димитрію Лебедеву.
Сентября 27 дня 1912 г.

№ 574.

Сергіевскій Посаль.

Канцелярія Московской Духовной Ака-
деміи долгомъ считаетъ увѣдомить ВАШЕ В
СОКОБЛАГОСЛОВЕНІЕ, что опредѣленіемъ Совѣ-
та Академіи отъ 31 августа текущаго 1912
года, съ утвержденія ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕН-
СТВА, ВАМЪ разрѣшено переработать курсовое
сочиненіе по церковной археологіи маги-
стерскую диссертацию.

СЕКРЕТАРЬ

Александр

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБИЯ

- Летописец Переясл. - Суздаля, изд. кн. Оболенского. М. 1851 г.
Лаврент. Летопись. Изд. Арх. Ком. 1872.
Полн. Соб. Р. Лет. Т. 1, VII, IX и XV. Изд. Археогр. Комиссии.
Воскресен. Лет. в П. С. Р. Л. Т. VII и VIII. Изд. Археогр. Ком.
Никонова Лет. в П. С. Р. Л. Т. X, XI и XII. Изд. Археогр. Ком.
Тверская Лет. в П. С. Р. Л. Изд. Археогр. Ком.
Летописец, содерж. русс. ист. С. 852-1598 гг. М. 1781.
Софийский временник. Т. I.
В. Н. Татищев. История Российская. Т. 2 и 3. М. 1774.
Н. Карамзин. История Государства Российского. Т. IV (изд. 3, 1830 г.), V (изд. 2, 1819 г.), IV (изд. 2, 1819 г.).
Примечания к Истории г-ва Российского. Т. IV-VI. Изд. I, Смирдина.
Костромские церкви и монастыри по Писцовым книгам XVII в. с примечаниями И. Баженова. Костр. Епарх. Ведом. 1899-1901 гг. Приложения.
Пролог печатный. Изд. 1640-1643, 1660, 1662 и последующия издания.
Новое небо, или повесть о чудесах Богородицы. Сост. Иоанник Галатовский. М. 1850.
Летопись о мятежах. С 1584 по 1634 гг.
Прот. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского собора. М. 1855.
Его же - Историчес. записки о Костроме и ея святине. Кострома. 1864.
Прот. И. Арсеньев. Описание Успенского собора. В Отечеств. записках 1820 г. Июнь.
Прот. И. Сырцов. Костром. Успенский собор. К. Е. В. 1908. № 19-23.
Его же. Кострома в ея прошлом и настоящем. Кострома. 1909.
Кн. А. Козловский. Взгляд на историю Костромы. М. 1840.
И. Миловидов. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома. 1886.
Его же - Материалы для истории гор. Костромы. Костром. муз., № 283.
Его же - О Костроме в историко-археологич. отношении. Труды VII археологического съезда в г. Ярославле в 1887 г.
Я. Кржижовлоцкий. Материалы для геогр. и статистики России. Костромская губерния. С-Пб. 1861.
Памятная книжка Костромской губернии. 1862.
Волга от Твери до Астрахани. 1862.
Историч. вестник 1906 г. Т. CV и CVI. Ст. И. Тюменева - «Путешествие по Волге от Ярославля до Нижняго».
И. В. Баженов. Костромской кремль. Кострома. 1905.
Его же - Богоявленский Анастасий монастырь. Приложение к К. Е. В. 1894-1895 гг. и отдельный оттиск 1895 г.
Прот. И. Сырцов. Сказание о Феодоровской чудотв. иконе Божией Матери. Кострома. 1908.
Известия IV Обл. Историко-археологич. съезда в г. Костроме в 1909 г.
Труды I Археол. съезда в Москве в 1869 г. Доклады об архитектуре во Владимиро-Суздальском княжестве XII в.
Свящ. В. А. Соколов. Опис. и крит. разбор рукоп. Костром. архив. ком., содерж. службу и сказания о явл. и чуд. Феодоров. ик. Б. М. Изд. 1901 г.
Вестник Археологии и Истории, вып. XIX, С-Пб. 1909.
Сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Богоматери. Костромская старина. Вып. 1, 5 и 6.
Костромская десятина жилых данных церквей 1628-1746 гг. Приложение к К. Е. В. 1904-1905 гг.
К. Е. В. 1888 г. № 13, 14 - ст. «Историко-археол. опис. церквей г. Костромы. Древняя церковь во имя великом. Феодора Стратилата».
Аф. Щекатов. Географич. словарь. Т. 3 (К-М). М. 1804.
Упраздненные мон-ри Костр. Епархии. С предисл. А. Титова. 1909 г.
П. С. Троицкий. Костромской край. Кострома. 1909.
Д. Корсаков. Меря и ростовское княжество. Казань. 1872.
А. М. Павлинов. История Русской Архитектуры. М. 1894.
Бекаревич. О каменном веке Костр. губернии.

П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. 1-3.

Князь М. Щербатов. История Росс. от древнейших времен. Т. 2-6.

А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период. С-Пб. 1889. Т. 1 и 2.

Чтения в Моск. общ. дух. просв., 1868 г. Кн. 4. Ст. Иер. Иосифа «Оглавл. Четых-Миней Свящ. Ио. Милютина».

Москов. Универс. известия. 1870. Кн. 8 и 1871 г. С. 1-2. Ст. Д. Красина «Четых-Миней Свящ. Ио. Милютина».

Самоквасов. Древние города России. С-Пб. 1873.

Д. Ивайловский. История России. Т. 2. М. 1880.

Слава Пресв. Владычицы нашея и Приснодевы Марии, открывшаяся в явлениях чудотворных Ея икон в России. Ч. 3. М. 1853.

Иконописный сб. Вып. IV. Иконогр. Богоматери. Ст. Н. Кондакова.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Повесть о Феодоровской иконе Божией Матери, в разных редакциях, более 20 списков, хранящихся:

в Костром. Архив. Музее (три списка);

Петербургской Духовн. Акад., в сбор. № 280;

Киевской Духовн. Акад., в рукоп. прол. № 26;

Императорской публичной библиотеке. № 1140 - Самохваловский;

№ 332, Л. Q в собр. рукоп. гр. Толстого;

за № 934 собр. рук. Погодина;

№ 26 собр. рукоп. Эрмит. библ.;

№ 1139 собр. рук. А. Титова;

за № 1138 - сп. Дуралятинский и № 1118 - Третьяковский;

в собрании Общ. люб. древней письмен., в Петербурге, в Сбор. № 3099; в Московском Румянцев. Музее, за № 364, в библ. граф. Уваровой за № 1267;

в Московской Синод. библ. за № 808, и Симон. собр. № XIV;

в Казан. Духов. Акад. № 609. Солов. рук.;

в Богородицкой (Богоотцовской) церкви г. Костромы;

в Костромском Кафедр. Соборе и в частных руках разных лиц.

Прот. М. Диев - Историч. зап. о г. Костроме. Черновая рук. библ. А. Титова. № 4019. Есть две более тщательно переписанные самим же Диевым схожие рукописи в библ. Об-ва любителей древней писм. в Петербурге.

Его же. Костром. библиотека, или собрание старинных грамот и разных рукописей, служащих к поясн. Археол. и Истории Костр. края. Рукоп. библ. Костр. Арх. Ком. № 111.

Его же. 112 лет Костр. епархии. В библ. Моск. Духов. Акад. рукоп. Пр. А. В. Горсаго № 15 и 17.

Летопись Богородицкой (Богоотцовской) церкви г. Костромы.

МЕЛКИЕ ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ

1. Москвитянин. 1849. № 8, апрель. Кострома и Одесса (о чудотворной иконе Феодоровской Божией Матери).

2. Изд. жур. Мирск. Вестн. 1871 г. - Описание Костромской губернии в историческом и географическом отношении.

3. Костр. Губ. Ведом. 1856 г. № 5 - Материалы для истории Успенского собора и при нем Крестовоздвиженского монастыря.

4. Костр. Губ. Ведом. 1858 г. № 35-38 - Укрепленные места Костр. обл. Пр. М. Диев.

5. Костр. Губ. Ведом. 1861 г. № 48-50 - Какой народ населял Костр. сторону. Пр. М. Диев.

6. Костр. Губ. Ведом. 1838 г. № 45-48. Ст. М. С. Травьянского - о Костр. кремле (на основании писцовых книг).

7. Поволжский Вестник 1910 г. Ноябрь. Статьи Л. П. Скворцова «Религия и церковь» (описание храмов г. Костромы).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Краткий очерк начального периода г. Костромы (до княжения Ярослава Всеволодовича)

Географическое положение г. Костромы. Первые поселенцы Костромского края - Меряне. Славянизация края. Начало г. Костромы. Происхождение и смысл названия города. История Костромы в XIII в. до княжения Ярослава Всеволодовича.

ГЛАВА I

Древняя топография г. Костромы и древний соборный храм св. Феодора Стратилата

Возстановление г. Костромы после нашествия Батгя (в 1237 г.) великим князем Ярославом Всеволодовичем. Неосновательность мнения некоторых историков о первоначальном местоположении Костромы на правой стороне р. Волги. Преимущество положения города при слиянии двух рек - Костромы и Волги. Укрепление Костромы Ярославом Всеволодовичем. Княжение Василия Ярославича. Соборный храм Феодора Стратилата: его построение Ярославом Феодоровичем. Местоположение этого храма в древнем кремле между рр. Сулой и Костромой.

ГЛАВА II

Повесть о Феодоровской иконе Божией Матери (в разных ее редакциях)

Феодоровская икона Богоматери. Первоначальное ее пребывание в Городце Нижегородской губернии. Повесть о явлении сей чудотворной иконы в г. Костроме князю Василию Ярославичу. Три редакции повести. Списки первой редакции повести, ее характер и краткое содержание. Служба Феодоровской иконе Богоматери, как рукописный источник для составителя повести о явлении в г. Костроме чудотворной иконы. Время написания службы. Черты содержания ее, относящиеся к явлению чудотворной иконы в Костроме и вошедшие в повесть об этой иконе. Анализ второй редакции повести: более известные ее списки; составитель повести в этой редакции; отличительный характер ее изложения и содержания. Первые три чуда от иконы по описанию повести во второй ее редакции. Третья редакция повести. Ее списки. Отличие этой повести по форме изложения и объему содержания от первых двух редакций. Вопрос о времени, лице и месте явления чудотворной иконы Богоматери. Значение повести как источника для истории древних храмов Феодора Стратилата и Успенского собора.

ГЛАВА III

Свидетельства повести и иконографических памятников
о древнем храме Феодора Стратилата в связи с топографией г. Костромы

Что говорит повесть о древнем храме св. мученика Феодора Стратилата. Значение упоминания об этом храме как соборной церкви. Спасо-Запрудненский монастырь. Значение княжения в г. Костроме великого князя Василия Ярославича. Иконографические памятники Феодоровской Божией Матери с деяниями, как выразители народного предания о древнем храме св. Феодора Стратилата, и его местоположение в древнем храме. Смерть великого князя Василия Ярославича и погребение его в храме св. Феодора Стратилата. Пожар храма в 1304 г., его возобновление и бракосочетание в нем князя Михаила Тверского в 1320 г. Пожар храма в 1413 г. Сравнение

летописного сказания об этих пожарах со сказанием повести. Дальнейшие события, имевшие отношение к истории храмоздательства в г. Костроме. Значение пожара 1413 г. в истории Феодоровского собора. Заключительный вывод.

УСПЕНСКИЙ СОБОР В КОСТРОМЕ

ГЛАВА IV

Первоначальная история Успенского собора до XVII века
и отношение к нему за это время храма св. Феодора Стратилата

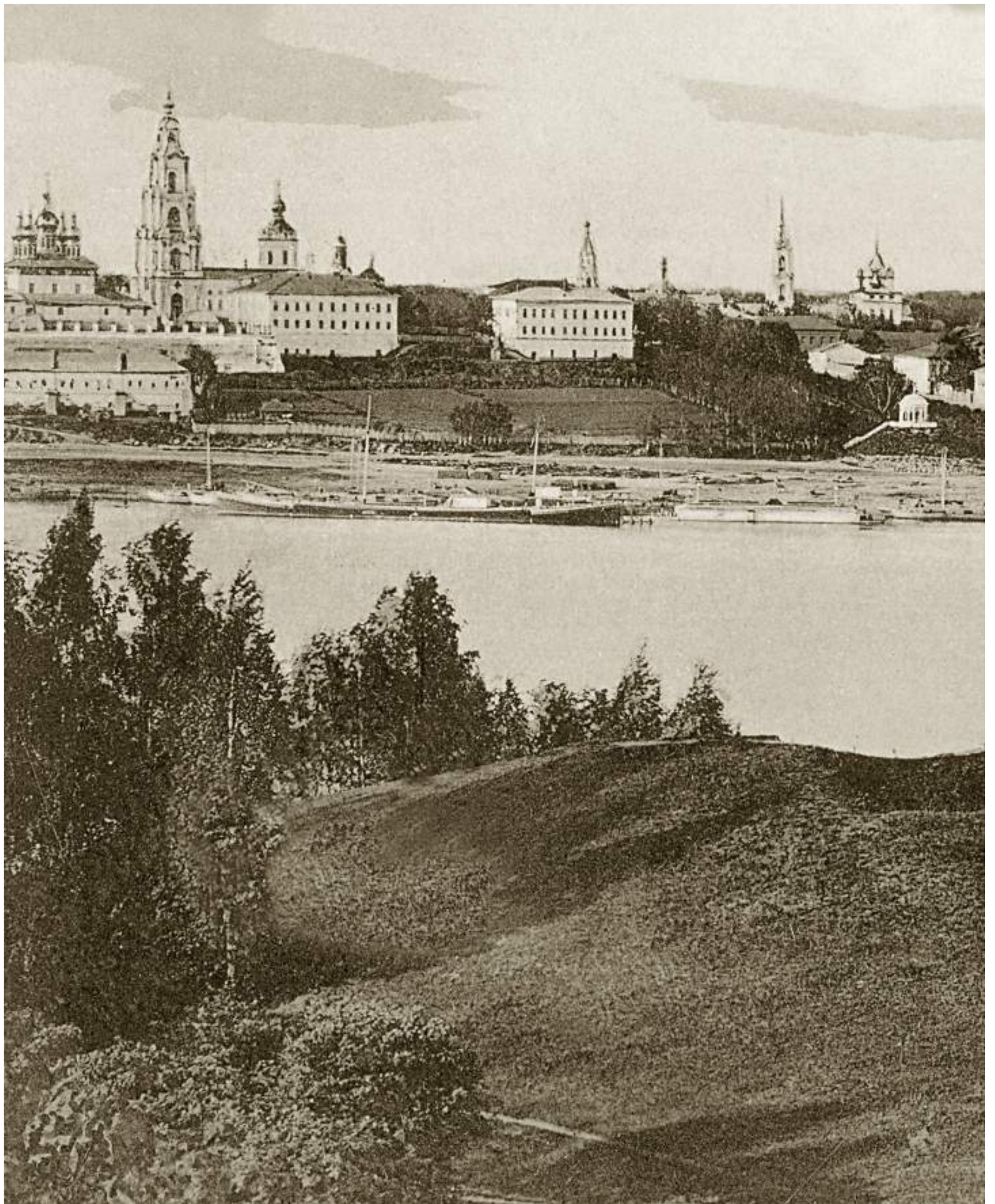
Современный вид костромских соборных храмов. Отсутствие исторических свидетельств о первом периоде существования Успенского собора; повесть о явлении Феодоровской иконы Богоматери как единственный исторический документ, смутно упоминающий о времени постройки этого храма. Печальные исторические обстоятельства в конце XIII и XIV вв., препятствовавшие росту и красе города Костромы. Археологические данные для решения вопроса о времени постройки Успенского собора. Архитектура подвальной части соборного храма. Решение вопроса о времени постройки основного ядра собора чрез техническое сравнение кладки его стен с другими древними храмами в г. Костроме. Перенесение Костромского кремля после пожара 1413 г. на другое место. Первое основание в новом кремле Каменного Успенского собора в 1415-1416 гг. Зависимость архитектуры Костромского собора от архитектуры Московских (а не Владимирских) храмов. Основная часть собора, сохранившаяся от начала постройки до настоящего времени. Первое помещение в Успенский собор перенесенной сюда Феодоровской иконы Божией Матери. Значение для топографии Костромы и для судьбы древнего храма св. Феодора Стратилата постройки Успенского собора после пожара 1493 г. Несудимая грамота царя Феодора Иоанновича от 1586 г. Древний образ св. Феодора Стратилата с изображением местности, прилегающей к древнему храму в честь этого св. угодника.

ГЛАВА V

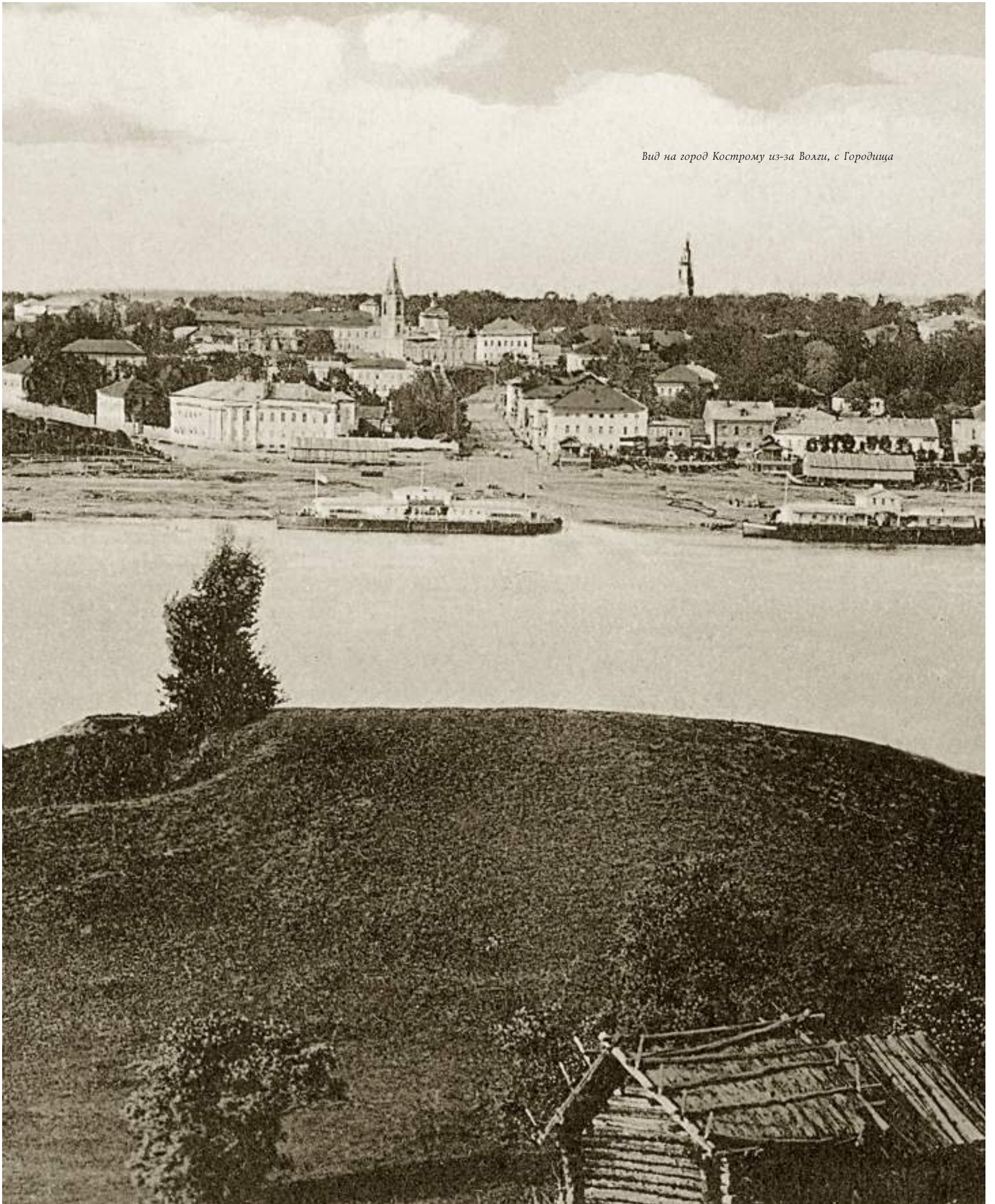
Успенский собор и храм св. Феодора Стратилата
в XVII-XIX вв. в связи с топографией г. Костромы за это время

Костромской кремль и Успенский собор по Писцовым книгам 1628-30 гг. Значение Успенского собора и его чудотворной святыни в истории Костромы, особенно со времени воцарения в 1613 г. Михаила Феодоровича Романова на всероссийский престол, и установление в память этого события праздника на 14 день марта. Составление на этот день в 1678 г. особой службы Феодоровской иконе Богоматери. Паломничество Государя Михаила Феодоровича в Успенский собор в 1619 г. Обновление Феодоровской иконы Богоматери в 1636, 1677 и 1745 гг. Попечение Михаила Феодоровича о благоустройстве г. Костромы. Город Кострома и кремлевские храмы к концу царствования Михаила Феодоровича. Кострома в церковно-археологическом отношении во второй половине XVII в. Постройка при Успенском соборе крытой каменной галереи и придельного храма св. Феодора Стратилата. Успенский собор в XVIII в. Древний соборный храм Феодора Стратилата и Симеоновский монастырь в XVII и XVIII вв. Уничтожение древнего Феодоровского храма и построение на месте его новой каменной церкви в честь Феодоровской иконы Божией Матери. Пожары Костромы 1773, 1779 и 1789 гг. Новые постройки к Успенскому собору и новая распланировка города по плану 1781 г.

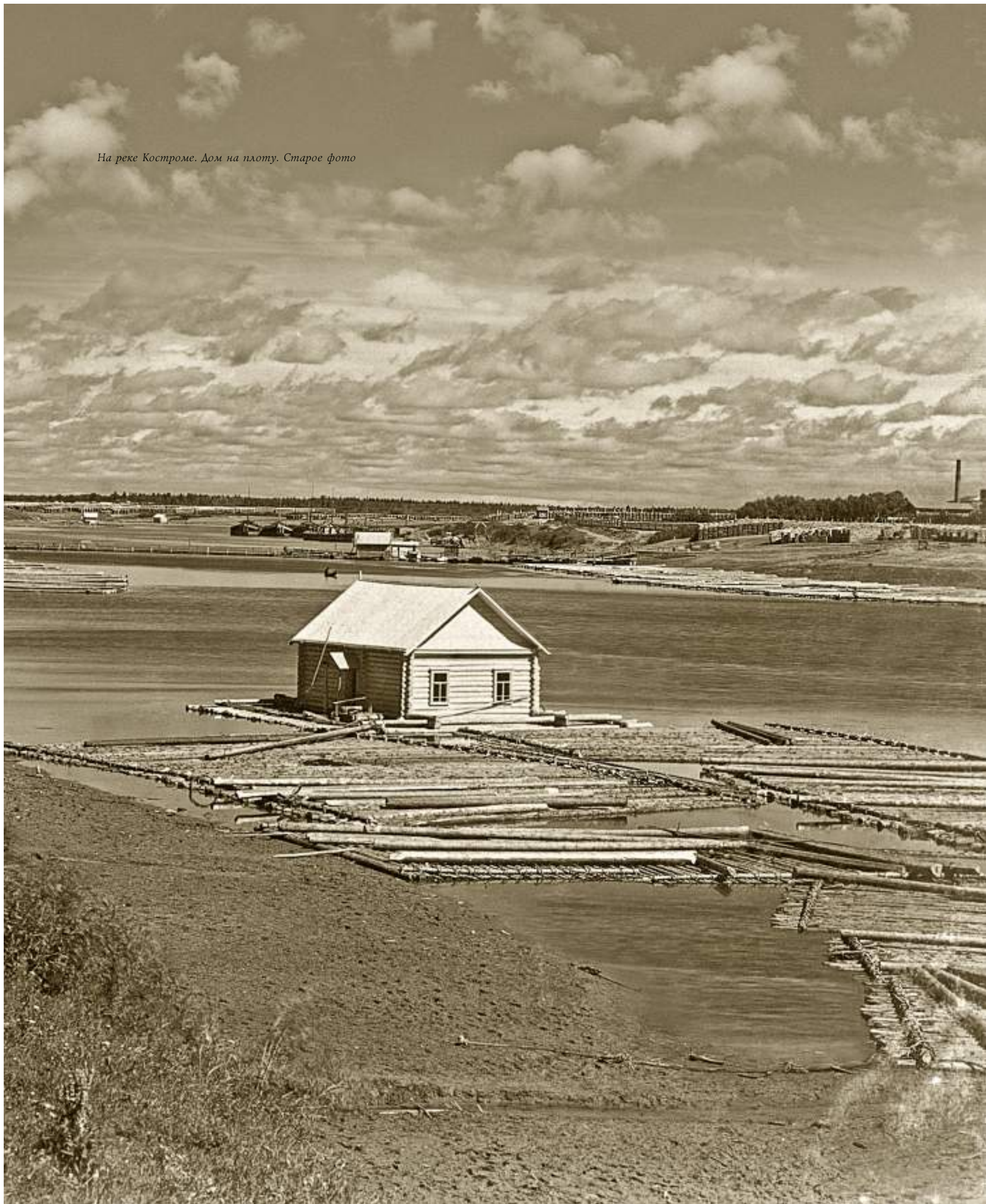
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вид на город Кострому из-за Волги, с Городища

На реке Костроме. Дом на плоту. Старое фото

ВВЕДЕНИЕ

Краткий очерк начального периода истории г. Костромы (до княжения Ярослава Всеволодовича с 1238 г.)

Географическое положение г. Костромы. Первые поселенцы Костромского края - Меряне. Славянизация края. Начало г. Костромы. Происхождение и смысл названия города. История Костромы с XIII века до княжения Ярослава Всеволодовича

Из многих городов, раскинутых по берегам красавицы Волги, Кострома принадлежит к числу самых древних и замечательных как в историческом, так и, особенно, в церковно-археологическом отношении. Расположенная под $57^{\circ}45'52''$ сев. шир. и $58^{\circ}36'2''$ вост. долг., она раскинулась версты на 4 вдоль по луговому, но возвышенному в этом месте левому берегу Волги, углубляясь внутрь материка на север версты на три. С юго-западной стороны город омывается Волгой, с северо-запада рекой Костромой, с юго-востока маленькой реченкой Черной, с северо-востока прикрывается мелким лесом. От Москвы он находится в расстоянии 345 в., а от Петербурга в 846 в.

Лучший вид Костромы открывается с р. Волги. Верст на 10 выше и на столько же ниже по течению р. Волги открывается весь город, униженный многочисленными каменными храмами и красивыми зданиями. Одни из храмов и зданий как бы омываются Волгой, особенно весной; другие лепятся к косогору; большая же часть лучших и обширных зданий и храмов занимает самая возвышенная места берега и центральной части города. Самый центр города увенчан золотоглавым летним Успенским собором, стоящим почти на обрыве, и величественным нового стиля зимним Богоявленским собором с массивною весьма высокою, красивой архитектуры колокольнею.

Достоверная история Костромы начинается с начала XIII века, но первоначальное основание ее можно отнести на много лет ранее. Область, занимаемая Костромою, была заселена людьми еще в период каменного века (IV-VII вв. по Р. Х., а м. б. и ранее). Курганные раскопки, произведенные в окрестностях города Костромы, обнаружили множество остатков от того времени¹. Но еще более

КОСТРОМА - влад.-муром. чучело из соломы и рогож; при встрече страдных работ, прощаясь с хороводами (на всехсвятской, в воскресенье пред петровым постом, в русальное заговенье), хоронят Кострому, топят в Оке, а где ее нет, в речке или озере. Часть провожан плачут и причитают, жалея Кострому и не давая ее в обиду, прочие, с грубыми остротами, продолжают свое; спроводив Кострому, пьют и веселятся в последний раз до осенян, до уборки хлеба. Игра: баба, среди ребятишек, названная Костромой, сказывается мертвою, а потом вдруг вскакивает и распугивает ребят.

Толковый словарь Даля

Великий князь Владимирский Юрий Долгорукий (1090-1157)

найден здесь остатков бронзового века финской культуры VII-X веков². Последние находки достаточно подтверждают известия летописи, что в Ростовской области и, в частности, в Костромской местности, в дохристианский период жило финское племя Меря³. Это племя обитало на левой стороне верхней Волги, затем на берегах озера Мера (около Ростова) и Клешино (Переяславское), и вообще на всем пространстве от устьев рр. Мологи и Шексны приблизительно до реки Унжи. Многие названия городов и рек и до сего времени свидетельствуют о древних обитателях Костромского края, таковы - г. Нерехта (Мерехта), г. Галич, называемый древними летописями в отличие от Галича на Волыни Мерским, или Меряжским⁴, река Мера, текущая Костромским уездом и впадающая в Волгу в 8 в. от г. Кинешмы, речка Сентимерь в Костромском уезде, наконец, близ Костромы, подле Ипатьевского монастыря, был и Мерский стан⁵.

В течение IX, X и XI вв. начинается славянская колонизация поволжского края, сопровождавшаяся распространением здесь христианства. Движение славянской коло-

низации на бассейн верхней Волги направлялось двумя путями: частью с юго-запада с р. Днепр через Вятичи по р. Оке, но, главным образом, с северо-запада из Новгородской области по верхним притокам Волги. Новгородские повольники очень рано начали делать на своих ладьях набеги на берега Волги и ее притоков, а следом за ними должна была пойти и колонизация земледельческая, которая одна могла повести к прочному занятию новых земель. Захваченные колонизационным славянским потоком финны постепенно русели и всю свою массу, со всеми своими антропологическими особенностями, со своим языком, обычаями и верованиями входили в состав русской народности - великороссийской⁶. Таким образом, славянское племя слилось с финским племенем и образовало великорусский народ, которым заселился и Костромской край.

Что касается вопроса о том, когда получила свое начало Кострома как город, то есть выделенное от других поселений и огороженное для защиты от посторонних вторжений рвом, валом или деревянным тыном место, - до полного слияния финнов со славянами и христианизации края, или после него, точно решить этот вопрос довольно затруднительно, потому что Кострома - один из тех городов Ростово-Суздальской земли, о начале которых нет прямых известий в летописях. Определенно в первый раз о г. Костроме упоминается в списках Воскресенской и Тверской летописей под 1213 г. в повествовании о том, что в усобицу между сыновьями великого князя Всеволода III (Большое гнездо) - Константином Ростовским и Юрием Владимиро-Суздальским из-за великокняжеского Владимирского стола г. Кострома был сожжен Константином как пограничный город, принадлежавший к волости его брата Юрия, и жители Костромы отведены в плен в г. Ростов⁷. На основании этого летописного показания, при отсутствии решительных

МЕРЯ - народ славянского поколения, живший в Ростовской области, вмещавшей пространство, занимаемое ныне Ярославской и Костромской губерниями (Несторовская летопись. Часть I, с. 16), вероятно, границу имел в Кинешемском округе, в 10 верстах ниже города, при впадении с левой стороны р. Меря в Волгу. Доказательством тому служит село Богоявленье, находящееся против города Кинешмы, следовательно, на правом берегу р. Мери, принадлежащее по духовному управлению к Ростовской Епархии, а село Никола на Мери, находящееся на левом берегу р. Мери, причисляется к Суздальской Епархии ... Страна, занимаемая теперь Костромою, вероятно обитаема была народами славянского поколения, именовавшимися Меря. В подтверждение мнения сего служат река Студенец и озеро Волское и Славянское, находящиеся в пределах Костромской Губернии, а также весенние песни, коими оглашаются берега реки Волги; в них и доселе находится много славянских слов и выражений. 1152 г. есть наивернейшая эпоха, означающая время построения Костромы. По достоверным историческим сведениям, что Великий Князь Юрий (Георгий) Владимирович, сын Великого Владимира Мономаха, не имевший достаточно сил для удержания престола Киевского, оставя южные страны, удалился в северные пределы России и основал там независимое владение Суздальское; построил в оном многие города, населил их Болгарами, Мордовою, Венграми; выведши жителей из мрака невежества и идолопоклонства, распространил там Христианскую веру, построил церкви во Владимире на берегах Нерли; умножил число духовных пастырей, единственных наставников в благонравии и просвещении разума; открыл пути в лесах дремучих; оживил дикия мертвые пустыни знаменами человеческой деятельности. Но, будучи знаменит в нашей Истории гражданским образованием восточных Российских стран, Юрий, проведши в них все цветущия лета своей жизни, не равнодушно оставил оныя, и потому, имея всегда лобезный оный край в своем воображении, к удовольствию своему украсил вновь построенные города теми приятными наименованиями, коими названы были города южного края. Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, Дмитров, Галич, Кострома и другие суть памятники его деятельности.

Взгляд на историю Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. М. 1840, с. 133

мнений наших историков (Карамзина, Соловьева, Иловайского и др.), можно утверждать лишь то, что, если этот город существовал в начале XIII в., то основание его следует относить не позднее XII в.

Некоторые историки полагают, что г. Кострома построен мерянами финского племени в пору начавшагося слияния этого племени со славянским (во второй половине IX в.); по другому мнению (С. М. Соловьев), он появился позднее, «в эпоху стремления северных князей распространить славянскую колонизацию вниз по Волге» (особенно при Юрии Долгоруком, +1157 г.), и имел население, смешанное из мерян и славян.

Опору для своего суждения о древнейшем времени возникновения Костромы многие историки ищут в объяснении самого названия города, причем, по одному мнению, с названием г. «Кострома», будто бы, неразлучно связано указание на крепость или понятие о ней. Так, например, граф Уваров в своем исследовании о быте мерян по курганным раскопкам (Москва. 1872. С. 47) название Костромы производит от так называемого местного Элтонского или Офенского слова «Костр», «Кострыга», что значит крепость, укрепленное место. В таком именно значении, говорит он, Кострома встречается в наших летописях, особенно в Псковских (Псков. лет. Погодина. С. 153). Окончание же «ма» он сближает с мордовским «мас» - красивый; отсюда все название Кострома будет означать «красивую крепость». Причем, эта крепость первоначально, по мнению большинства местных историков, будто бы находилась не на настоящем месте, а на правом нагорном берегу р. Волги против теперешних соборных домов и храмов⁸.

Трудно согласиться, прежде всего, с верностью такого натянутого словопроизводства одного названия из двух слов мало сродных наречий, хотя оно несколько и поддерживает мысль о древнейшем (финском) происхождении г. Костромы. Поэтому новейшие историки Костромы вслед за г. И. Миловидовым более склонны к мифологическому объяснению этого названия и на основании такого объяснения приписывают городу уже славянское происхождение. В старину у наших предков славян-язычников словом

Великий князь Константин Всеволодович (1185-1219)

«Кострома» называлось божество весны или «Весняк», которое олицетворяло (как и божества Купало и Ярило) живительные силы природы. В частности «Костромой» называлась девица, избранная для купальского игрища, представляющая собой божество Кострому, а в других местах, например, в Муромском уезде, таким олицетворением божества было чучело его, кукла, наряженная в женское платье, приготовленное из соломы и из сорных трав и прутьев (так как в областных говорах и слово Кострома означает прут, ветвь и растущая во ржи сорная трава). От обрядов похорон божества «Кострома», древле принадлежавших купальским игрищам и распространенных у славян как на юге, так и на севере Руси, и получили название как город, жителями которого в языческой древности совершались празднества и обряд похорон Костромы в реке, так и самая река, впадающая в Волгу близ этого города⁹. Если признать справедливость этого объяснения, то возникновение города Костромы, имевшего первоначально смешанное население из мерян и славян, можно с достоверностью относить ко времени не ранее второй половины IX в., периоду распространения между мерянами славянской колонизации.

Большаго, по нашему мнению, внимания заслуживает предположение другого местного историка кн. Козловского¹⁰. Он производит наименование Костромы от города Остра в 60 в. от Чернигова, вниз по реке Двине, или от

С 1157 по 1176 год Кострома находилась во владении Великих Князей: Андрея, Михаила II, а потом Всеволода III-го Георгиевичей ... Великий Князь Всеволод Юрьевич дал в удел Константину Ростов с пятью городами, в числе коих Кострому и Галич. С того времени города сии присоединились кудельному Княжению Ростовскому. По кончине великаго Князя Всеволода Юрьевича в 1213 году, возникли между сыновьями его, Константином и Юрием несогласия ... отчего и возгорелась между ними война. Константин в 1214 году, собрав войско, послал его по Волге, и Кострому, помогавшую Георгию (Юрию), выжечь ... В 1216 году, Апреля 25 числа, Константин, победив брата, хотя и восшел на Владимирский престол, но движимый добротою своего сердца, в сем неприятном положении утешил Георгия, объявив его наследником Великаго Княжения, и сверх того, дав ему Суздаль, приказал детям своим чтить Георгия, как втораго отца. Почему из детей, по назначению Константина, старший десятилетний Василько получил Ростов и Кострому ... При нашествии Батыевом на Россию, Татары, завоевав Владимир, разделились: одни пошли к Городцу, Галичу и Костроме, другие к Ростову и Ярославлю; сожгли множество городов, в том числе вторично и Кострому.

Взгляд на историю Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. М. 1840, с. 9-11

Великий князь Ярослав Всеволодович (1188-1238)

литовского города Костра (недалеко от Юрьева - Дерпта), или, наконец, от Кострума - замка на месте теперешнего Ревеля, который по местоположению на морском берегу несколько походит на город Кострому, особенно в весеннее половодье. Одним словом, он видит в названии Костромы заимствование из названий юго-западных городов. В самом названии всех упомянутых западных и юго-западных городов можно видеть один корень с латинским или романским словом «castrum», которое означает укрепленный лагерь, крепость, а Кострома за весь период своей истории и была всегда более или менее сильной крепостью.

Такое наименование городу Козловский приписывает вел. кн. Долгорукому, и ему же он, вслед за историком Татищевым¹¹, приписывает и основание самого города (1152 г.).

Действительно, сын Владимира Мономаха Юрий (Георгий), прозванный Долгоруким, основал около XII в. Суздальское княжество и, построив там многие города, любил давать им названия городов южного края; таковы названия - Юрьев-Польский или «в Поле» в 1150 г. (в отличие от Юрьева Вольнского), Переяславль-Залесский (сходен с Переяславлем Полтавской губернии), Дмитров, 1154 г. (по имени сына Юрия - Димитрия - Всевол.), Галич Мерский в отличие от Галича на Днестре, и др. (Татищев. Т. III, с. 76 и Козловский, с. 6).

Подобно сему, основав и г. Кострому, или, скорее, укрепив это и ранее населенное место, он, естественно, мог пожелать перенести и на него название какого-нибудь уже хорошо известного ему города южной или западной России¹².

В подкрепление этого предположения следует обратить

Ал. Васнецов. Двор удельного князя

внимание и на следующее обстоятельство. Известия об основании городов сопровождаются в летописях нередко известиями и о построении церкви. Причем, заметно, что в наименовании церквей также, как и в наименовании городов, Юрий Долгорукий выразил тоже любовь к своей родине - юго-западному краю. Так, например, во Владимире, Переяславле, Суздале, Угличе и Галиче он, в память своей родины - Чернигова, строил соборы в память Преображения Господня, соименные Черниговскому Преображенскому собору¹³. Наконец, и названия некоторых рек во Владимиро-Суздальском княжестве тоже указывают на юго-славянское их происхождение, таковы Лыбедь и Почайна в Киеве и во Владимире, Ипрень - приток Днепра в Киевской земле, и Ипренью же называется приток Клязьмы во Владимирском уезде, Сула в г. Костроме и в южной России близ Клязьмы¹⁴.

В частности, название Костромы повторяется в трех различных формах и в соседней Владимирской губернии, которую населил юго-западными выходцами более всех князей Юрий Долгорукий, таковы: Костромино - деревня в Александровском уезде недалеко от реки Дубны, Костромиха - Суздальского уезда на реке Нерли и Кострочица в Гороховецком уезде¹⁵, а в летописи по Ипатьевскому списку под 1258 г. упоминается сходное с названием Кострома урочище «Коструга» в Вольнской губернии¹⁶.

В 1216 году, Апреля 25 числа, Константин, победив брата, хотя и восшел на Владимирский престол, но движимый добротою своего сердца, в сем неприятном положении утешил Георгия, объявив его наследником Великого Княжения, и сверх того, дав ему Суздаль, приказал детям своим чтить Георгия, как второго отца. Почему из детей, по назначению Константина, старший десятилетний Василько получил Ростов и Кострому ... При нашествии Батыевым на Россию, Татары, завоевав Владимир, разделились: одни пошли к Городцу, Галичу и Костроме, другие к Ростову и Ярославлю; сожгли множество городов, в том числе вторично и Кострому.

Взгляд на историю Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. М. 1840, с. 10-15

Очевидно, перенесение южнорусской географической номенклатуры на отдаленный Суздальский север было делом и других переселенцев, приходивших сюда с Киевского юга.

Таким образом, вместе с Татищевым, Козловским и прот. М. Диевым¹⁷ мы полагаем, что название Кострома дано городу Юрием Долгоруким, который вместе со многими другими, выстроенными им городами, если не вновь основал, то, по крайней мере, укрепил этот город по образцу других древних городов-крепостей и дал ему новое имя «Castrum-a» (Пр. В. Ключевский - Курс Русс. Истории. Ч. I, с. 357), имеющее корень в романском наречии.

Со времени Юрия Долгорукаго и до 1207 г. город Кострома принадлежала к великому княжению Владимирскому. В этом году великий князь Всеволод Юрьевич (Большое гнездо) отдает Ростов с другими пятью городами в удел своему старшему сыну Константину (Мудрому)¹⁸. Летописец не называет этих городов, но из позднейших раздроблений Московскаго княжества многие историки заключают, что эти города были: Ярославль, Белоозеро, Углече-Поле, Устюг Великий, (а м. б. и Галич) и Кострома¹⁹. В 1212 г.

Великий князь Всеволод - Дмитрий Юрьевич,
Большое гнездо (1154 -1213)

«Всеволод Юрьевич наче изнемогати» и послал в Ростов за Константином, чтобы его, как старшаго, «благословить» великим княжением Владимирским, Ростов же дать второму сыну Юрию. Но Константин не пожелал разстаться с своей родиной Ростовом; он три раза просил отца: «Дадждь ми старый, начальный город Ростов, и к нему Владимир», но

Вступление

просьба его успеха не имела, - «Князь великий Всеволод, вследствие его упорства, не благослови его», а по совету с боярами завещал перед смертью великое княжение второму сыну Юрию²⁰; которому, надо полагать, возвратил от Константина в то же время и Кострому, как пограничный город Владимирского княжества. В 1213 г. Всеволод умер, не помирившись со старшим сыном Константином. Последний, разгневанный предсмертным решением отца, не приехал даже на погребение его²¹. После этого начались «усобицы» между Константином и Юрием, и открылась между ними междоусобная война. Костромичи взяли сторону Юрия Всеволодовича и дали ему против Константина значительную помощь; за это последний излил свой гнев на Кострому: отрядил против костромичей большой отряд войска, сожег их город и отвел жителей в плен²². В 1222 г. Константин

разбил войско своего брата под Юрьевом и, сделавшись великим князем, подчинил Кострому под свою власть. Но это продолжалось недолго. Незадолго до своей смерти (2 февраля 1219 г.) он возвратил в 1218 г. Владимирский престол опять Юрию, приказав детям своим чтить Юрия как второго отца, при этом 18-летнему своему сыну Васильку (Василию) он дал в удел города Ростов и Кострому. Под властью Василька Кострома находилась до нашествия Батыя - 1237 г.²³

В 1237 г. татары, разорив Владимир, подобно гибельной лаве, ринулись к северу разными отделениями, одно из которых направилось к Городцу, Костроме и Галичу. За варварами везде следовали смерть и опустошение. В продолжение одного февраля месяца 1237 г. татары разорили и сожгли 14 городов, в числе которых и Ярославль

О КНЯЗЕ А. Д. КОЗЛОВСКОМ (1802-1845). Александр Дмитриевич происходил из древнего княжеского рода, ведущего свое начало от князя Рюрика. Его отец Дмитрий Николаевич состоял на военной службе в Преображенском и Севском полках, после чего вышел в отставку в чине секунд-майора, поселившись в своем костромском имении в селе Борщовка на Волге. На гражданской службе он был предводителем дворянства г. Плеска, а затем г. Кинешмы. Имел свой дом в Костроме, который сохранился до настоящего времени. Мать Александра Дмитриевича Прасковья Трофимовна была из крепостных. Кто и каким образом привил молодому князю любовь к местной истории доподлинно неизвестно, не обнаружен пока и его личный архив, если таковой был, но результаты его исторических исследований и фольклорных записей частью дошли до нас в виде публикаций в журналах и сборниках того времени. Одной из первых печатных работ Александра Дмитриевича было его письмо, адресованное издателю Отечественных Записок Павлу Петровичу Свиныну, только что вернувшемуся из поездки по Волге, и помещенное в этом же журнале в 1823 г. В частности, А. Д. Козловский писал следующее: «В нынешнее плавание Ваше Волгою в Казань, может быть, заметили Вы в 70 верстах от Костромы, на правом берегу Волги, на высокой горе, осеняемой густыми березовыми рощами, с каменную церковь и домом старинной архитектуры, село Борщовку, принадлежащее покойному родителю моему...». Далее он описывал посещение Борщовки Екатериной 2-й во время ее путешествия по Волге в 1767 г. [Отечественные Записки, часть 16, № 43-44, с. 304-306]. В тех же «Отечественных Записках» в 1824 г. он печатает материалы по истории торгового села Вичуги: «Вичуга, прекраснейшее село, находится в 25 верстах от уездного Костромской губернии города Кинешмы, по большой Владимирской дороге, на речке Вичуге: Ныне оно принадлежит Действительному Камергеру Сергею Павловичу Татищеву и отстроено прекраснейшим образом» [«Отечественные Записки», ч. 18, с. 127-136]. На чрезвычайном заседании «Общества Истории и Древностей Российских» 8 марта 1829 г. Александр Дмитриевич был принят членом-соревнователем в это общество [А. А. Титов. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии, М. 1892 г., с. 24]. В «Летописях», издававшихся обществом, князь публикует статью «Об Юрьевце» - уездном городе Костромской же губернии. [Книга 2, с. 171-174]. В 1834 г. во время путешествия Николая I в Н. Новгород и его остановки в Кинешме А. Д. Козловский преподносит царю рукопись своей книги «Взгляд на историю г. Костромы». Об этом событии есть упоминание в письме А. Д. к Федору Петровичу Корнилову, в котором

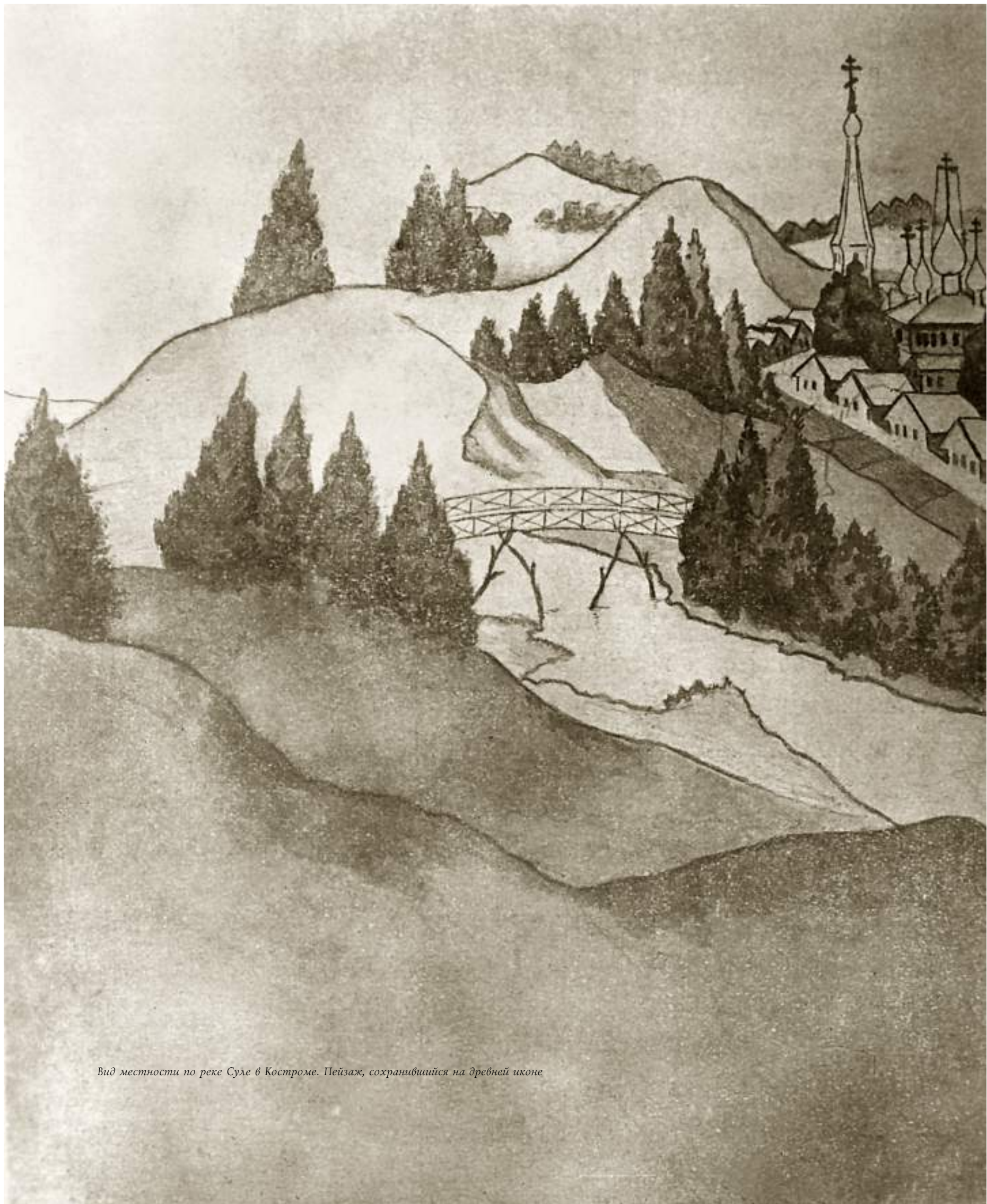
князь просит его о содействии в издании рукописи: «... нельзя ли чрез знакомых Ваших похлопотать в Канцелярию графа Бекендорфа, о рукописи моей «Взгляд на историю Костромы», которую я 1834 года октября 9 дня в городе Кинешме поднес Государю Императору и которая теперь находится в Канцелярии графа, куда Государь повелел [господи]ну предводителю ея отправить...». [ОПИ ГИМа, ф. 90, о. 1, д. лл. 55-55 об.]. В 1840 г. книга была издана, и на ее было обращено внимание. Так профессор М. П. Погодин после прочтения книги писал следующее: «Надо возбуждать в народе охоту к историческим знаниям: пусть всякий мещанин знает что-нибудь ...о своем городе: когда он построен, что с ним было, кто из жителей оставил по себе добрую память». [Н. Барсуков «Жизнь и труды М. П. Погодина», Спб., 1892 г., кн. 6, с. 116-117] В свою очередь В. Г. Белинский резко отрицательно отзывался о труде князя: «Рецепт для составления взглядов (!) подобных взгляду князя А. Козловского, обходится весьма дешево. Нужно только взять «Историю Государства Российского» Карамзина...». [Литературная газета, СПб, 1840 г. № 17, стб. 402]. Но, несмотря на высказывание известного критика, книга в себе содержит достаточно интересного материала, касающегося местной истории, что очень важно сейчас, когда мы теряем много из того, что нам досталось в наследство. Из фольклорных записей А. Д. Козловского широкую известность получили собранные им свадебные песни, напечатанные в сборнике «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» под редакцией профессора И. М. Снегирева. М. Забелин в своем известном труде «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» приводит полный текст одного из свадебных обрядов, при этом не упоминая имя Александра Дмитриевича. О других печатных работах Козловского, посвященных народной словесности почти ничего неизвестно, хотя есть предположение, что таковые были, но авторы статей или сборников, печатая в своих текстах фольклорный материал князя, не утруждали себя делать ссылки на его имя. В 1840 г. Александр Дмитриевич познакомился в Костроме со священником Михаилом Яковлевичем Диевым - известным исследователем костромской старины. В 1842 г. Козловский написал Диеву письмо и послал экземпляр своей книги «Взгляд на историю города Костромы». Но только что начавшаяся переписка неожиданно оборвалась. В 1845 г., находясь на службе в г. Юрьевце в должности уездного судьи, А. Д. Козловский скончался.

А. А. Любимов. Народные праздники, поверья и предания сельских жителей Костромского Поволжья. Фольклорный сборник, 2000

с Костромою были жертвами их неистовства²⁴. При реке Сити в 30 верстах до впадения ее в Мологу, Василько с братом Владимиром стал под знамена великаго князя Юрия II Всеволодовича. Русские бились, как львы, но уступили многочисленности татар: великий князь Юрий пал в битве, а Василько, взятый татарами в плен, был убит ими в Шеронском лесу (Воскресенская летопись. Т. VII, с. 142). После этого Кострома снова соединилась с великим княжеством Владимирским, престол котораго занял после смерти Юрия (Георгия) Всеволодовича по старшинству следующий брат Ярослав Всеволодович (1238-1246 гг.).

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВСТУПЛЕНИЮ

- 1 Раскопки курганов около деревень Святое в 3 в. от Костромы, Огарино в 7 в. от Костромы и в некоторых других местах обнаружили признаки целых фабрик и мастерских каменных изделий доисторического человека. При раскопках на буграх на расстоянии 10-20 см от дерновой покрывки обнаружен культурный слой темно-бураго цвета; при тщательном его исследовании находятся небольшие угли, черепки глиняной посуды и небольшие частички костей, а также осколки кремней, главным образом каменные разнаго вида стрелы, наконечники копий (дротиков длиною до 11 см и шириною до 4-5 см, долота, молотки и клинообразные топоры, пряслица, глиняные черепки с примитивными орнаментами и проч. Значительное количество кремниевых изделий найдено также в окрестностях с. Шунги, деревни Стрельникова и с. Селища (Н. Н. Бакаревич - О каменном веке Костромской губернии. М. 1902. Много из этих находок хранится в Костромском Арх. музее.
- 2 Масса бронзовых изделий, найденных при раскопке весьма многих курганов в окрестностях Костромы и хранящихся в Костр. Арх. музее (особенно привесок, верных признаков финской культуры) свидетельствует, что до распространения в Костромском крае христианства здесь жили люди финского племени.
- 3 В летописи *Нестора* сказано: «На Белом озере сидят Весь, а на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере (Плещеево, Переяславское Меря же. По Оке реке, где втечет в Волгу, Мурома язык свой и Черемиси свой язык, Мордва свой язык» (Лаврентьевский список. Изд. Арх. Ком. 1872, с. 10. Д. *Иловайский* Ист. Рос. Ч. 2, с. 201. М. 1880.
- 4 Продолж. лет. *Нестора*, с. 23. Ср. Прот. М. *Диев* - Какой народ в древ. врем. населяет Костром. сторону и что известно об этом народе? - в Костром. Губ. Ведом. 1861. № 48-50 и чт. в Импер. Общест. Истор. и Древн. Рос. 1865. Т. 4, с. 167-178.
- 5 Там же.
- 6 В X веке выходцы Новгородские, следуя по течению р. Волги, впервые явились в устье реки Костромы и покорили туземное племя, которое с тех пор слилось со славяно-русским, и утратило уже навсегда свой самобытный характер - Описание Костромской Губернии в историческом и географическом отношениях С. П. Б. 1871. Изд. журнала «Мирской Вестник». Среди многих деревень Костромского края с финскими названиями мы теперь часто встречаем деревни с чисто славянскими названиями. Таковы, например, «Русиновка» - недалеко от г. Плеса, в 5 в. от с. Семеновскаго на Колдоме Кинешем. у., в 3 в. от Лука и в др. м. «Русиха» - в 5 в. от с. Ивановскаго Нерех. у., «Русениха», «Славены» в Кологр. у., «Киово», Нерех. у., «Москвиниха» Юрьевец. у. и т. п.
- 7 Воскрес. лет. в П. С. Р. Л. VII, с. 119 и Тверск. лет. в П. С. Р. Л. XV, с. 313. Изд. Археол. Ком.
- 8 И. *Миловидов* - Очерк ист. Костромы, с. 16. И. *Баженов* - Костр. кремль, с. 6, пр. 2.
- 9 В таком мифологическом смысле подробно объясняет название города «Кострома» и И. *Миловидов* в своем очерке ист. Костромы, с. 16-20.
- 10 *Князь А. Козловский* - Взгляд на историю Костромы. Москва. 1840, с. 6-8.
- 11 *Татищев* первый из историков приписывал основание города Костромы Юрию Долгорукому в 1152 г., одновременно с Переяславом Залесским, см. История России Т. III, с. 76, 482.
- 12 В сказаниях летописей в ряду городов, построенных Юрием Долгоруким, Кострома, правда, не упоминается, но отсюда не вытекает необходимость отрицать построение или, по крайней мере, наименование г. Костромы именно этим великим князем (ср. с *Соловьев* - Ист. России Т. I, с. 257 и Д. И. *Ключевский* - Курс Русской ист. Ч. I, с. 356-358).
- 13 Жур. Мин. Н. Пр. 1900. № 7, с. 15.
- 14 См. Энциклоп. Лексикон. Т. II, цит. по *Козловскому*, с. 134, пр. 4.
- 15 *Уваров* - Быт мерян по кург. раскопкам, с. 12.
- 16 И. *Миловидов*, с. 18.
- 17 Прот. М. *Диев* - Историч. записки о г. Костроме, рукоп. из библиот. А. *Титова*, № 4019.
- 18 Полное Собрание лет. Т. I, с. 183 - Изд. Арх. Ком. 1846; В. *Татищев* - Ист. Рос. Т. III, с. 362; Воскр. лет. в П. С. Р. Л. Т. VII, с. 115 - изд. Арх. Ком.
- 19 Д. *Корсаков* - Меря и Ростовское княжество. Казань. 1872, с. 150; ср. пр. М. *Диев* - Истор. зап. о Костроме. И. *Миловидов* не признает Кострому в числе 5 городов, данных Всеволодом Константиному, а полагает, что Кострому он оставил за собою, с. 24-25.
- 20 *Никон. лет.* Изд. Археолог. ком. Т. X, с. 63-64. *Иловайский* - История России. Ч. 2, с. 233-234.
- 21 Летописец Переяслав. - Суздальска, 110. Изд. кн. *Оболенскаго*, Москва. 1851.
- 22 Там же, с. III. Ср. Ист. Гос. Росс. *Карамзина*. Т. VI, с. 143. *Татищев* - История Рос. Т. 3, с. 376. *Крживоблоцкий* - Материалы для географии России, с. 2. *Миловидов*, с. 26.
- 23 *Татищев* История России. Т. II, с. 415 и прим. с. 600. *Крживоблоцкий* - с. 2. *Островский* - Исторические записки о Костроме, с. 3. И. *Миловидов* - Очерк Костромы, с. 26-27 и *Экземлярский* (великие и удельные князья. Т. II, с. 263) утверждают, что Кострома в 1218 г. не была отдана во владение Васильку, а всю первую половину XIII в. не выходила изпод власти великаго князя Владимирскаго.
- 24 В «Древнем Русском Летописце», содержащем в себе Российскую историю от 6360/852 г. до 7106/1598 г., т. е. по год кончины царя Федора Иоанновича, напеч. в Московской Синодальной типографии 1781 г., на с. 57 сказано: «В лето 6745/1237 прииде со восточных страны царь Батый на русскую землю ратью со многими силами без вести месяца февраля в 7 день. И бысть брань велика, разгневание Божие; поплене и высече князей русских и всю землю русскую. Тогда убиша князя Юрия Всеволодовича с детьми и с братаничи, и Владимир сожгли, и много грады плени, Рязань, Коломну, Муром, Суздаль, Юрьев, Ростов, Ярославль, Кострому, Переяславль, Москву, Волоколоской, Дмитров, Тверь, Кашин, и иные множи города; избиха много князей, и княгинь, и мужей, и жен, и детей ... не дошед за 100 верст до Новгорода воротитиша у Игнача креста». Сравнить Воскресенскую Летопись. Т. VII, с. 141 и Тверск. летопись. Т. XV. Прот. П. *Островский* - Историческая записка о Костроме, с. 4. Кн. *Козловский* - с. 11, *Татищев* - Т. III, с. 474 и прил. с. 649.

Вид местности по реке Суле в Костроме. Пейзаж, сохранившийся на древней иконе

ГЛАВА I

Древняя топография города Костромы и древний соборный храм Святого Феодора Стратилата со своей главной святыней - чудотворной Феодоровской иконой Богоматери

Восстановление г. Костромы после нашествия Батыя (в 1237 г.) великим князем Ярославом Всеволодовичем. Неосновательность мнения некоторых историков о первоначальном местоположении Костромы на правой стороне р. Волги. Преимущество положения города при слиянии двух рек - Костромы и Волги. Укрепление Костромы Ярославом Всеволодовичем. Княжение Василия Ярославича. Соборный храм Феодора Стратилата: его построение Ярославом Всеволодовичем. Местоположение этого храма в древнем кремле между р. Сулой и р. Костромой.

После разорения Владимиро-Суздальского княжества Батыем в 1237 г. обновителем и устроителем его явился великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович (1191-1246 гг.). О его начальной деятельности в этом крае летописец (Воскресенская летопись П. С. Л. Т. VII, с. 143) повествует следующее: «Ярослав, сын великого князя Всеволода Юрьевича, пришел из Киева седе на стол во Владимире и обнови землю Суздальскую и церкви очисти от трупия мертвых и кости их сохранив и пришельцы утеши и люди много собра и бысть радость велика христианом». В чем именно состояло обновление земли Суздальской, об этом тот же летописец в другом листке пишет: «Ярослав Всеволодович по Батыеве пленении прииде с детьми своими (на Владимирское княжение) и нача грады, разоренные от Батыя, ставити по своим местом и на Волге постави город (перенес с леваго, затопленнаго Волгою и Тверцею берега, на правый, высокий, и наименова его Тверью, по Тверце реке, а наперед того в том месте град не был²⁵). В числе многих разоренных татарами и обновленных этим великим князем городов была и Кострома.

Особым побуждением к восстановлению Костромы для великаго князя Ярослава Всеволодовича было желание дать

приличный город в удел родившемуся у него в 1241 г. девятому сыну Василию, после того, как другие дети все уже получили от отца устроенные города. Возстановив город Кострому, князь, как усердный христианин, по общему обычаю своих предшественников, позаботился не только об укреплении его, но и о построении в нем храмов Божиих, посвятив главный из них тому святому, имя котораго сам получил в таинстве крещения, т. е. Феодору Стратилату. Имя Ярослава он носил как придаточное (Воскресенская летопись. Т. VII, с. 101).

По мнению некоторых местных историков (Миловидов, Баженов и др.), г. Кострома до этого времени находилась не на левой стороне Волги, а на правой, на месте нынешняго села «Городище», расположеннаго на противоположном крутом берегу Волги напротив соборных храмов. Основание такому мнению дает, будто бы, самое название села - «Городище». В исследовании графа Уварова «О быте мерян по курганным раскопкам» (Москва, 1872 г.) о происхождении и значении Городищ, между прочим, говорится, что «Городища», находящаяся вблизи мерянских курганов древнейшей эпохи, можно отнести к памятникам того же народа, т. е. мерян. Такие курганы находятся

Ярослав, сын великого князя Всеволода Юрьевича, пришел из Киева седе на стол во Владимире и обнови землю Суздальскую и церкви очистил от трупия мертвых и кости их сохранив и пришельцы утешил и люди много собра и бысть радость велика христианам

большую часть и доселе возле селений или урочищ, носящих названия: «Городище», «Городок» и т. п., и само название селений - «Городище» показывает связь их с находящейся здесь или бывшей искусственной насыпью. Мы полагаем, говорит далее граф Уваров, что Городища, занимая центральное положение, и, вероятно, самое лучшее, возвышенное место посредине мерянских поселений, служили укрепленными местами для самих жилищ обитателей. Прямая уже связь некоторых Городищ с городами как бы подтверждает догадку, что в древнейшие времена Городища были населены и составляли первоначальный центр оседлости для будущих городов (там же, с. 94). Разделяя всецело такой взгляд гр. Уварова и применяя его к Костроме, упомянутые историки видят подтверждение своего мнения о начальном построении г. Костромы на месте нынешнего Городища в занимаемой этим селом возвышенности, которая, полагают, не всецело натуральная, но отчасти искусственно увеличена насыпью землей из тех глубоких рвов, признаки которых и донныне сохранились; один с юго-восточной стороны от села, а другой - с западной, у самой Спасской слободы. Время основания на этом месте Костромы, по их мнению, следует отнести к половине IX века, поре начавшагося слияния финских племен со славянскими, а перенесение города на левый берег Волги - ко времени великаго князя Ярослава Всеволодовича.

Трудно согласиться с этим мнением. Селений с названием «Городище», «Городок», как в Костромской, так и в соседних губерниях - Ярославской, Нижегородской и Московской - находится довольно много²⁶. И вопрос еще не решенный:

следует ли Городища считать исключительно остатками городков и крепостей (Уваров), или иногда памятниками мест языческих богослужебных собраний, или, наконец, могильниками для усопших. Второго мнения придерживаются такие видные историки и археологи, как Анучин, Погодин, Срезневский и Ходаковский²⁷, третьего мнения - г. Котляревский (Арх. Вестн. Моск. Археолог. Обществ. Т I, с. 66).

Предположим, согласно с гр. Уваровым, что Городище, находящееся против Костромы на правом берегу Волги, есть остаток не языческого мольбища или кладбища, а какого-нибудь мерянского городка, или селения, отсюда вовсе не следует, что одновременно с этим городком на противоположном берегу Волги, при впадении в нее р. Костромы, не было и другого городка или городища мерянского, или, немного времени спустя - славянского, укрепленного в половине XI в. Юрием Долгоруким, существовавшего затем до нашествия Батюга и восстановленного на том же месте великим князем Ярославом Всеволодовичем. Курганные раскопки в окрестностях г. Костромы, произведенные в конце минувшаго столетия (см. карту курган. раскопок), показывают, что еще в эпоху финской культуры население на левой стороне р. Волги было гораздо гуще, чем на правой.

Великий князь Ярослав Всеволодович обновляет города

Древняя топография города Костромы и древний соборный храм Св. Феодора Стратилата

Славяно-русское же племя в эпоху слияния его с финнами, селясь между последними, как народ более промышленный и предприимчивый, предпочитало сосредоточиваться по самым берегам больших рек, при впадении в них притоков; особенно это можно сказать про Новгородских колонизаторов. Владимиро-Суздальские князья в период быстрого расцвета славянской колонизации предпочитали основывать города тоже около больших озер и рек, при впадении в них больших притоков²⁸. Обратим внимание на города, основанные в XII и XIII вв. по р. Волге: Зубцов при устье Вазузы, Тверь (в начале своего существования) при устье Тверцы, Молога - реки того же имени, Кснятин - при устье р. Нерли, Ярославль - Которосли, Юрьево - Унжи, Нижний Новгород при устье реки Оки и т. д. Расположенные при впадении больших притоков в Волгу, эти города, естественно, делались торговыми пристанями и рынками для соседних областей, а по водным путям могли удобно сношаться с внутренностью страны и другими городами. То же можно сказать и про Кострому, которую по началу своему лучше всего отнести к периоду колонизации в XII в. Расположенный при устье реки Костромы этот город имел важное значение по своим стратегическим и торговым сношениям через р. Вексу (приток Костромы) с г. Галичем Мерским, расположенным на озере (исток Вексы), и хорошо был защищен Волгой от нападения врагов с южной стороны.

Следует заметить и то, что большая часть Волжских городов, начиная от верховья реки до Нижнего Новгорода, расположена на правом берегу Волги. Надо полагать, что Владимиро-Суздальские и впоследствии Московские князья,

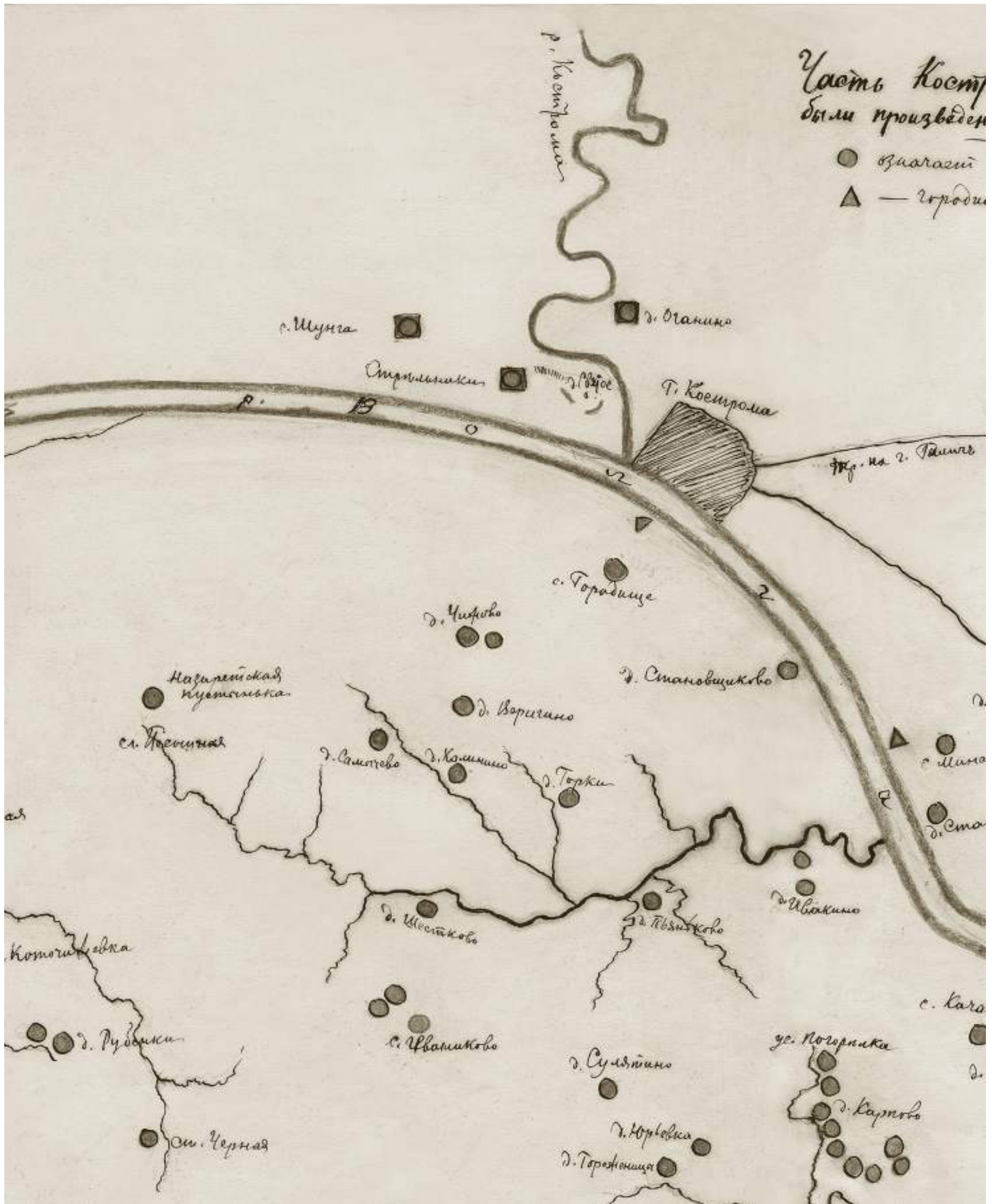
основывая по реке Волге города, для большого удобства своих сношений с ними, в случае нападения внешних врагов, вовсе не желали отрезывать себя от них этой большой рекой, которая в иное время года, например, весной и осенью, могла служить большим препятствием для сношений костромитян со своим князем. Следовательно, если бы Кострома с самого начала была основана, как укрепленный пункт на правом, южном берегу, а не на левом, при слиянии двух больших рек, то едва ли бы и после разорения ее Батыем в 1237 г., великий князь Ярослав Всеволодович решился совершенно оставить это место и вновь основать город на другом берегу, отделенном от его столяного города такой большой рекой. Очевидно, и до 1237 г. Кострома существовала не на правом, а на левом берегу р. Волги, при впадении в нее реки Костромы.

Наконец, в интересах самого г. Костромы положение его при слиянии двух рек было с самого начала города полезнее и в стратегическом, и в торгово-промышленном отношении. Городище на правом берегу Волги представляет пункт совершенно открытый и удобный для нападения с южной стороны, а с этой стороны и совершались вначале набег врагов на Кострому. Между тем, город, расположенный при устье реки Костромы, имел такие естественные преграды для внезапного нападения от врагов, каких редко можно встретить в другом месте, особенно, если принять во внимание прежние орудия нападения. Город Кострома самой природой с трех сторон был окружен водою: с южной стороны текла река Волга, с западной - река Кострома, с восточной - небольшая, но протекающая прежде по довольно глубокому рву речка Сула, а с северной стороны прилегали

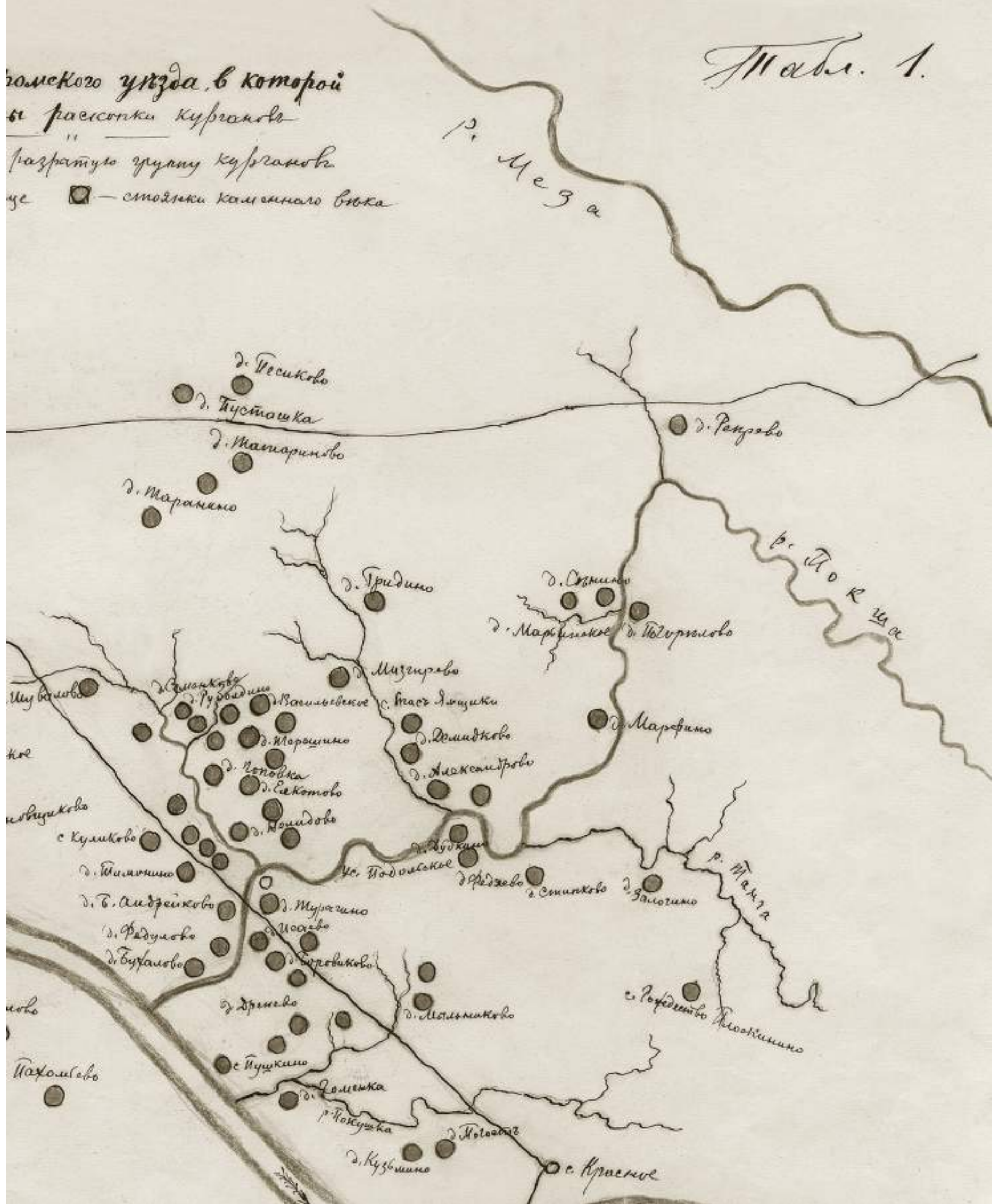
Часть Костромской губернии
были произведены

- означают
- ▲ — городища

оломекого уезда, в которой
 и раскопки курганов
 разработано группу курганов
 где \blacksquare — стоянки каменного века

Табл. 1.

Глава I

непроходимыя лесные дебри и болота, куда жители удобно могли скрыть свое имущество и скрыться сами, если на город напал и овладевал им какой-либо сильный неприятель. Трудно предположить, что при самом основании города, жители могли предпочесть пункт, занимаемый селом Городищем, этому, самую природою укрепленному месту²⁹.

Итак, более естественно полагать, что с самого начала Кострома была основана при впадении реки того же имени в Волгу, при чем не город получил свое название от притока Волги, а река Кострома получила свое наименование от города³⁰.

Поэтому вполне естественно, что соответственно своему названию (Castrum) и благодаря своему счастливому топографическому положению Кострома во все периоды своей истории была укрепленным городом; но особенно она приняла вид крепости со времени княжения Ярослава Всеволодовича и после него. Нет сомнения, что в то время по малочисленности населения разоренный татарами город занял не такое пространство по берегу реки Волги, как теперь, а небольшой пункт между Сулою и устьем реки Костромки. В настоящее время центр города, занимаемый каменными соборными храмами, лежит вне этого участка, немного менее версты от устья реки Костромы. А в прежнее время, даже, по-видимому, не очень отдаленное,

А. Васнецов. Древнерусский город

устье притока было еще удаленнее от настоящего собора на северо-запад и гораздо ближе к Ипатьевскому монастырю. Река Волга протекала ближе к Ипатьевскому монастырю и имела своим руслом теперешний, иногда пересыхающий в лугах проток «Воложку», наполовину (около полуверсты) промежуточного расстояния приближающийся к стенам Ипатьевского монастыря. Отсюда и городская Успенская церковь издревле называлась «церковью Успения, что у реки Волги»; между тем в настоящее время она стоит на берегу р. Костромы немного выше впадения ее в Волгу и много ниже Воложки. Поэтому безошибочно можно полагать, говорит прот. П. Островский³¹, что место, занимаемое Ипатьевским монастырем было в прежнее время при самом впадении р. Костромы в Волгу, как бы на стрелке³², и, следовательно, плавающим по Волге на судах естественно было иметь остановку для роздыха на этом месте, поросшем вековыми дубами, как это и сделал впоследствии (в 1330 г.) татарский мурза Четь, основавший здесь Ипатьевский монастырь.

Возобновленная Ярославом Всеволодовичем (умер в 1246 г.) одновременно со многими городами Владимирского княжества на своем прежнем месте - на левом берегу р. Волги, - между притоками ее - речкой Сулою и р. Костромой в такой местности, которая несколько возвышеннее окрестностей, г. Кострома был назначен в удел последнему из девяти его сыновей, Василию, так называемому Мизинному, при самом его рождении в 1241 г.³³ К этому же князю Василию в 1272 г. перешло и звание великого князя, почему в летописных известиях этого времени в первый раз появляется название «Великий князь Костромской Василий». Желая наградить своего малолетнего сына этим городом, Ярослав Всеволодович, конечно, не мог дать ему разоренный, в развалинах город, а постарался устроить его по образцу городов, данных другим детям, которые, как более возрастные, и сами могли заняться возобновлением своих городов, назначенных им во владение отцом.

Какой вид должна была принять укрепленная Кострома того времени, об этом мы, не имея письменных свидетельств, можем судить лишь по аналогии с другими соседними городами Владимирского княжества того времени, например, Ростовом, Владимиром, Ярославем. По общерусскому обычаю древних городов, город Ростов, как известно из летописей, состоял из кремля и «рубленого» города, т. е. укрепленного бревенчатыми стенами, и города «земляного», или внешнего, обведенного валом с деревянным тыном (т. е. со стоячими заостренными бревнами) и деревянными боевыми башнями и воротами. К земляному городу примыкали еще пригороды, или посады и слободы. Внутри «рубленого города», который назывался иначе «детинцем», стояли деревянные княжеские и боярские терема и епископския палаты. Тут же находился камен-

А. Максимов. На службу Государю

ный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы и другие большие важные храмы - Михаила Архангела и Иоанна Предтечи³⁴. Подобное устройство имел и столичный город Владимир: он состоял тоже из внутреннего города, т. е. детинца, или впоследствии кремля³⁵ и внешнего или острога; первый назывался «Печерным городом», а второй «новым». Внутри кремля, почти над самым обрывом Клязьмы, красовался соборный храм Успения Богородицы. Неподалеку стоял княжеский двор. С западной и северной стороны огибала его речка Лыбедь, впадающая в Клязьму³⁶. Наконец, и соседний с Костромою Ярославль имел свой кремль и детинец, расположенный на мысу между Волгою, устьем Которосли и ее притоком, Медведицей; поселение же за Медведицей, окопанное валом, образовало так называемый Земляной город. В кремле на крутом берегу Волги находились, по обычаю, деревянный княжий терем и подле него каменный Успенский собор, построенный известным храмоздателем Константином Всеволодовичем Ростовским; а в Земляном городе был другой каменный храм, Спасо-Преображенский с монастырем, заложенный тем же князем и оконченный его сыном Всеволодом³⁷.

Нет сомнения, что подобное же устройство дал возобновляемому городу Костроме и Ярослав Всеволодович, а затем и подросший его сын, первый удельный князь Костромской Василий Всеволодович, который после смерти своего отца в 1246 г. утвержден был по воле отца на Костромском княжении и преемником Ярослава по великому княжению, Святославом Всеволодовичем³⁸.

Отметив рождение в 1241 г. у великаго князя Ярослава Всеволодовича сына Василия и утверждение его, после

Василий Ярославич (1241-1276) - князь Костромской (с 1247) и Великий князь Владимирский (1272-1276)

смерти отца (1246 г.), на Костромском княжении в 1247 г. (см. Никоновскую летопись. Т. X, с. 134), летописи затем в продолжении 20 лет почти ничего не говорят об этом юном князе. Только под 1266 г. в Никоновой летописи (Т. X, с. 145) есть весьма важная для нас заметка: «в лето 6774/1266 женися князь великий Василей меньшой Ярославич Костромской, внук Всеволож, и венчан бысть в церкви св. Феодора Игнатием, епископом Ростовским, на Костроме». И далее неоднократно в летописях и других письменных документах XII-XIV вв. исключительно только этот храм святого Феодора Стратилата в различных обстоятельствах исторической жизни Костромы выступает как главный, соборный храм города.

Спрашивается, когда же выстроен этот памятник церковной и гражданской истории города того времени: при Костромском ли князе Василие Ярославовиче, или до него?

В XII и XIII вв. Владимиро-Суздальские князья, основывая и укрепляя на территории своего княжения города, прежде всего заботились о распространении христианства среди своих подданных и об удовлетворении их христианских потребностей. В каждом, вновь основанном городе, они прежде всего строили соборный храм, под сенью которого быстро нарождались и другие приходские церкви. Во Владимире, Ростове, Ярославле и других городах в конце XII и начале XIII вв. мы встречаем не только много деревянных храмов, но даже каменные соборные церкви. Такие соборы и более знаменитые приходские церкви посвящались большей частью памяти Успения Пресвятой Богородицы; например, во Владимире на Клязьме, в Ростове и Ярославле; или Преображения Господня, как, например, в Переяславле-Залесском и Нижнем Новгороде, или, наконец, в честь святого, тезоименитаго князю-строителю, например во Владимире, в кремле - каменный Дмитровский собор, устроенный Всеволодом III Дмитрием; каменный Георгиевский храм с монастырем, построенный там же Юрием Долгоруким в 1152 г.; соборный храм в честь Георгия Победоносца,

устроенный тем же князем в кремле в г. Юрьеве Польском; Георгиевский храм в г. Юрьевце Поволжском, устроенный в 1225 г. Юрием Всеволодовичем; Михаил Александрович, князь Тверской, строил церкви в честь Архангела же Михаила. Даже и в новой русской истории мы имеем важный пример, что в крепости, заложенной на острове Юсть-Эйланде Петром Великим, прежде других храмов сооружена церковь во имя Апостолов Петра и Павла. Поэтому в то время, как костромскому князю Василию Ярославичу не было никакого примера и основания построить главный храм в своем городе в честь св. Феодора Стратилата, чтобы затем венчаться в этом храме и быть даже погребенным в нем, как об этом говорится в Воскресенской летописи (Т. VII, с. 173), - его отцу, Ярославу Всеволодовичу, было полное основание посвятить главный соборный храм в г. Костроме именно в честь этого святого угодника. Из летописей мы знаем, что князь Ярослав при крещении получил имя Федора, Ярославом же он был прозван после. Летописец (Воскресенская летопись. Т. VII, с. 101) так повествует: «1191 г. родися у великаго князя Всеволода сын Феодор, а прозван бысть Ярослав, в Переяславли, февраля 8». Федором он был очевидно назван в честь св. великомученика Феодора Стратилата, память которого чествуется церковью 8 февраля. Вот основание, по которому мы заключаем, что древнейшая церковь в г. Костроме, находившаяся, как мы после увидим, на месте нынешней Богородицкой, или более известной под именем Богоотцевской, построена Ярославом Всеволодовичем в честь святого, имя которого ему было дано при крещении. Как главная городская церковь, назначенная служить памятником о великом князе-строителе города, она могла быть построена при самом обновлении города, т. е. в

А. Максимов. В усадьбе князя

1241-1245 гг. Другого князя, который носил бы в период Владимиро-Суздальского княжества имя Феодора Стратилата, история не знает.

Кроме церкви св. Феодора и до нашествия Батыева и после него, можно с уверенностью полагать, были в Костроме и другие церкви, это подтверждается установившимся на Руси, с принятием христианства, порядком при устройстве городов строить соборные храмы и приходские церкви; подтверждается и всеми сказаниями о явлении Феодоровской иконы Божией Матери.

Местность, где построен был в древности храм св. Феодора Стратилата, между рекой Сулой и Костромкой, в древности была болотистая и покрытая мхами. Устраивая в этом месте кремль и желая основать посреди кремля Соборный храм и княжеские палаты, великий князь Ярослав Всеволодович предварительно насыпной землей из окружающих кремль рвов возвысил это место и на самом высоком пункте, посреди городской площади, основал храм в честь своего тезоименитого святого. В повести о явлении в Костроме чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери говорится, что икона принесена была в город в соборную церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, что на площадке (I и II ред. повести), по прозванию Мшанская улица (I ред. - слово). О местоположении храма св. Феодора Стратилата на городской площади говорят и писцовые книги XVII в. Площадь эта, где находится храм св. Феодора Стратилата, и теперь выше ближайшей окрестности и сажень на сорок от Богородицкой церкви к Волге кончается крутым обрывом, который мог быть остатком старинного кремлевского вала с деревянными стенами и башнями, а за этим валом кругом кремля мог быть расположен посад или слобода. Только название прилегающей здесь улицы Мшанская показывает, что тут некогда были болота, покрытые мхом, да и теперь подпочва окружающей местности топкая, а в садах при домах есть остатки прежних больших прудов, поспешно засыпаемых домовладельцами.

Должно заметить, что в XII и XIII вв. нет примеров, чтобы главные соборные храмы в городах строились не в детинце или кремле города, а вне его. Кремлевский собор, окруженный княжескими палатами и воеводскими избами, был всегда главным средоточием церковно-гражданской жизни города.

Какой мог быть внешний вид этого кремля, об этом, как ранее сказано, можно судить частью по аналогии с кремлями других вышеупомянутых городов, частью на основании предания, запечатленного на иконографических памятниках позднейшего времени. Только на основании иконографии и позднейших письменных документов мы

можем что-либо предположить и о внешнем виде деревянного храма в честь св. Феодора Стратилата. Но об этих памятниках мы скажем после.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

- 25 Воскресенская летопись под 1238 г. Т. VII, с. 245. Изд. Арх. Ком. 1856 г.
- 26 *Миловидов* - Очерк Костромы, с. 11-35; *И. Баженов* - Костромской кремль, с. 5-6. В Ярославской губернии Городищ насчитывается более 15, см. *Миловидов*, с. 12. В Костромской губернии нам известно 14 Городищ. Костромского уезда - Городище в приходе села Буракова, в 2 в. от этого села; Гороженицы в приходе села Сойкина, в 2 в.; Городино в приходе села Буякова; Солигаличского уезда - Городищево в приходе села Гусева в 69 в.; Макарьевского уезда - Городище в приходе села Бовыки на 5 в. и Острога (усад. в 1/4 в.; Кологривского уезда - Городище в приходе села Матвеева в 4 в.; Шири в 1 в. и Верхнемежского в 5 в.; Городищево в приходе села Верхневолостного в 1 в.; Городок в приходе села Покровского при Белбаз. м. в 2 в.; Кинешемский уезд - Городок в приходе села Лезговца в 4 в.; Гороженица в приходе села Воздвиженского в 1 в. См. Кост. Губ. Введ. 1876. № 21 - «Поселения в Костромской губернии с названием Городищ».
- 27 Проф. Д. Н. Анучин, описав городища, как искусственные земляные сооружения большей частью на берегах рек, на возвышенных местах, окруженные рвами, валами и частоколом, говорит: «Не всегда городища служили местами поселений; иногда это были места религиозных собраний и жертвоприношений. И теперь еще на многих холмах и возвышенностях стоят церкви, а ранее в дохристианскую эпоху их место занимали языческие мольбища. По-видимому, уже с отдаленной древности с возвышенными пунктами соединялось представление о наибольшей пригодности их для сношения их с духами и богами, может быть вследствие возвышенного их положения, их большей близости к небу». (пр. Д. Н. Анучин - Доисторическая Москва, отдельные оттиски из издания «Москва в ее прошлом и настоящем». М. 1909, с. 24. Подобный же двойственный взгляд на значение городищ высказывает Д. Корсаков - Меря и ростовское княжество. Казань. 1872, с. 59-60. Г. Погдин говорит: «Городища - это места богослужения»; см. его «Исследовательские Заметки и Лекции. Т. II, с. 400. Г. Хадаковский: «Городища были святыми оградами или приходскими местами,

где свадьбы и другие обряды языческие совершались». См. Вестник Евр. 1819. № 20, с. 280. Г. Срезневский: «Городища суть памятники древняго богослужения». См. Записки Одесского Общ. Ист. и Древн. Т. II, с. 533, свят. и обр. язык. богосл. древ. славян, с. 40. *Погодина, Хадаковского и Срезневского* цит. по книге Д. Самоквасова - Древние города России. С. П. Б. 1873. Здесь же приведены и другие взгляды на значение городищ.

- 28 *Иловайский* - История России. Ч. 2, с. 257. Г. *Перетяткович* - Поволжье в XVI в. М. 1877.
- 29 Известный Костромской историограф Пр. М. Диев предполагает: не было ли в этом месте двух крепостей - одна на нагорном берегу Воли, а другая на луговом, составляя, таким образом, Волжския Дарданеллы? К. Г. В. 1858. № 37 - «Укрепленные места древней Костромской области».
- 30 Название самой реки Костромы было мало известно даже в первой половине XIV в. В рукописи, носящей заглавие: «Воскресенская летопись, что у Соли-Галичской», говорится, что Галичский князь Федор Семенович, основатель Солигалича, лета 6843/1335, когда прибыл туда для построения Воскресенского монастыря, то не знал и не мог наведаться, какая река протекает тем местом. Поэтому он послал лодку, чтобы наведаться об имени реки. Посланные плыли до г. Костромы и там узнали, что это р. Кострома. Очевидно, что не р. Кострома была названием городу, а город - реке. К. Г. В. 1858. № 37 - «Нечто о названии г. Костромы».
- 31 Пр. Н. *Островский* - «Историко-Статистическая опись Костромского Ипатьевского монастыря». Кострома. 1870, с. 2.
- 32 Старожилы не знают теперешней стрелки: она есть остаток прежняго наноснаго Волжскаго острова, что ясно видно при непосредственном изучении в этом месте топографии лугов.
- 33 П. С. Р. Л., т. I, с. 201, 225; т. VII, с. 146, 156. *Татищев*, т. IV, с. 6.
- 34 Д. *Иловайский* - История России. Москва. 1880, ч. 2, с. 269.
- 35 Слово «кремль» означает городскую цитадель или внутреннюю крепость, заключающуюся в разных укреплениях, и имеет одинаковое значение с греческим акрополисом и с русским вышгородом. А. *Кубарев*, поддерживаемый М. *Погодиным*, полагал, что слово «кремль» происходит от греческого - крутой, и привилось случайно в Москве при великом князе И. Калите - в значении «коренное» место города, которое заботливо оберегается и в котором находит себе убежище царский двор, находятся казенные здания, соборные храмы и дома знатных обывателей. И. *Баженов* - «Костромской кремль», с. 3, прим. 1.
- 36 Там же, с. 258-259.
- 37 Там же, с. 270-271.
- 38 П. С. Р. Л., т. I, с. 201; т. VII, с. 156; Никон, т. X, с. 134.

ДИЕВ МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ (1794-1866) - протоиерей, исследователь старины и быта Костромского края; по окончании курса в Костромской Духовной Семинарии в 1813 г., был сельским священником и законоучителем в нерехтском уездном училище; в 1832 г. был переведен в село Сыпаново, лежащее в двух верстах от города Нерехты. Из напечатанных трудов Диева главные: «О вирах у россиян X и XI веков» («Русский Исторический Сборник») и «Изъяснение некоторых выражений Правды Русской» («Журнал Министерства Народного Просвещения», том XXII). Более обширные труды Диева остались ненапечатанными, каковы: исторический словарь разных писателей православной церкви, преимущественно тех, чьи сочинения переводом вошли в «славяно-русскую литературу»; исторический и генеалогический лексикон бояр, дворян и других членов Российского государства до Петра; проверка иерархических каталогов; материалы для истории Российской иерархии; история новгородских владык; костромская Вивлиофика; история костромской епархии; исторический словарь городов, волостей, сел и разных мест Костромской губернии и мн. др. Рукописи Диева приобретены А. Титовым,

который напечатал список их («Библиографические Записки», 1892, № 2) и один из трудов его: «Ученые делатели Костромского вертограда» (словарь писателей Костромской губернии; там же, № 5 и 8). Диев много помог Снегиреву в составлении трудов его: «Русские простонародные праздники и свадебные обряды» и «Русские народные пословицы и притчи», состоял в постоянной переписке с митрополитом Евгением Болховитиновым, ревностно трудился над продолжением его словаря писателей духовного чина; в особенности много сведений сообщил он архиепископу Филарету для его «Обзора русской духовной литературы». Диев состоял членом московского общества истории и древностей российских и сотрудником общества любителей российской словесности.

Чудотворная икона Божией
Матери Федоровской.
Старое фото

ГЛАВА II

ПОВЕСТЬ О ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ *(в разных ее редакциях)*

Феодоровская икона Богоматери. Первоначальное ее пребывание в Городце Нижегородской губернии. Повесть о явлении сей чудотворной иконы в г. Костроме князю Василию Ярославичу. Три редакции повести. Списки первой редакции повести, ее характер и краткое содержание. Служба Феодоровской иконе Божией Матери как рукописный источник для составителя повести о явлении в г. Костроме чудотворной иконы. Время написания службы. Черты содержания ее, относящиеся к явлению чудотворной иконы в Костроме и вошедшие в повесть об этой иконе. Анализ второй редакции повести: более известные ее списки; составитель повести в этой редакции; отличительный характер ее изложения и содержания. Первые три чуда от иконы по описанию повести во второй ее редакции. Третья редакция повести. Ее списки. Отличие этой повести по форме изложения и объему содержания от первых двух редакций. Вопрос о времени, лице и месте явления чудотворной иконы Богоматери. Значение повести как источника для истории древних храмов Феодора Стратилата и Успенского собора.

С назначением великим князем Ярославом Всеволодовичем в удел меньшему (Мизинному) сыну его Василию г. Костромы получает начало удельное княжество Костромское. Малолетний сын князя Ярослава Василий Ярославич получил в наследство от отца, после разорения от татар, город, восстановленный из развалин, более или менее укрепленный и освященный построением соименного отцу нового соборного храма в честь великомученика Феодора Стратилата.

Сделавшись сам удельным князем и переселясь по смерти отца на жительство в Кострому, подросток сын Ярослава старался хранить и чтить в новосозданном Феодоровском храме память о своем отце-строителе; но, проведя детство в стольном городе Владимире под покровом издревле чтимой в княжеском роде Владимирской иконы Богоматери, видя и в других более известных городах храмы в честь Пресвятой Богородицы (в Киеве, Новгороде,

Владимире, Ярославле, Суздале) и Спасителя (в Чернигове, Переяславле-Залесском, Галиче и др.) или, видя в главных городах почитаемые чудотворные иконы Богоматери (в Киеве, Новгороде и др.), помня, наконец, что и стольный город Владимир стал расти и шириться с тех пор, когда великий князь Андрей Боголюбский принес из Вышгорода чудотворную (Владимирскую) икону Богоматери и построил для нее знаменитый Успенский собор, он, как набожный и благочестивый, по сказанию летописей (Никон. лет.) и народному преданию, юноша, естественно, всею душою желал и стремился иметь для утверждения и своего нового княжества более известного и славного небесного покровителя и защитника, чем мало известный в народе великомученик Феодор Стратилат. Господь скоро услышал доброе желание и молитвенное настроение князя: «Позна Бог сущия своя» (2 Тим. 2, 19) и явил великому князю Василию Ярославичу и городу Костроме спасение свое,

Глава II

Древнейшее русское поселение - Городец

открыв пред взором благочестиваго князя чудесное явление Городецкой чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии, ставшей с того времени покровительницей города Костромы и всего царства русского. Ранее эта икона составляла святыню небольшого городка «Городец», существующаго и в настоящее время с этим названием в виде богатой торгово-промышленной слободы Нижегородской губернии.

Городец принадлежит к числу древнейших русских поселений на средней Волге. Он существовал еще в XII в. и с давних пор был известен под тройким названием - Радилова, Городца, или Малаго Китежа³⁹. Основание этого города народное предание приписывает то Юрию Долгорукому в 1149-1154 гг., то Юрию Всеволодовичу (нач. XIII в.). У жителей Городца (или Китежа), едва ли не со времени основания поселка, была деревянная часовня, стоявшая на кладбище, и в ней особенно чтимая местными жителями икона Божией Матери, называемая «Одигитрия» (Путеводительница). Жители просили князя Юрия перенести эту икону в город и поместить ее в главном городском храме во имя св. Архистратига Михаила. Юрий сам с духовенством крестным ходом пошел к часовне за иконою, но икона, удерживаемая невидимою силою, осталась на своем месте недвижимою. Такое чудесное событие внушило князю благочестивую мысль устроить на том месте благолепный храм в честь Богоматери с обителью для иноков. Монастырь был устроен и икона осталась в монастыре, известном под именем Радилковского, чтимая далеко по Волге, как чудотворная. Это и была та самая икона, которую и до сего времени имеют счастье лицезреть жители г. Костромы и чтить под именем Феодоровской иконы Божией Матери. Когда и кем она была написана и поставлена в кладбищенскую часовню поселка Малый Китеж (или Городец), об этом не сохранилось никаких сведений, ни письменных памятников, ни преданий. Признавшие икону в Костроме за свою, некоторые

Великий князь Василий Ярославич со священным собором перед чудотворным образом Феодоровской Божией Матери в лесу на Запрудне. Роспись на фронтоне колокольни Спасо-Запрудненской церкви. 1930-е гг.

из обывателей разоренного Городца лишь благоговейно рассказывали Костромскому князю Василию Квашне и костромичам: «Воистину сия чудотворная икона у нас на Городце была и много от нея преславные чудеса содеяшася, а лет и времени Бог весть, колико была у нас, и не веьмы, ким написана бысть. Толико мы слышахом от отец наших преславныя ея чудесы и нам дарова Бог слышанное видети» (см. рукопись о явлении иконы в Костроме - первая редакция в форме слова, напеч. в Вест. Арх. и Ист., вып. XIX, с. 215).

Чудотворная икона находилась в Городце до разорения его полчищами Батыея, нахлынувшими в пределы Волги в XIII в. Во время этого нашествия Городец был взят и сожжен татарами. В день погрома исчезла чудотворная икона Божией Матери и «чрез некоторое время» обретаена в Костроме князем Василием Квашнею на речке Запрудне в сосновом лесу на дереве, и, принесенная с крестным хо-

Святой Феодор Стратилат несет по улицам Костромы чудотворный образ Феодоровской иконы Богоматери. Фреска из часовни на Святом озере

А НА ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ ЯВИЛАСЬ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА, Князь Василий воздвигнул храм Нерукотворнаго Спаса, так как в этот день была обретаена икона, и устроил монастырь, наименовав его по имени речки Запрудни. Некоторые Костромские жители видели накануне явления святыи иконы, т. е. 15-е Августа, что по улице, называемой Мшанскою, несена была воином, подобным Феодору Стратилату; жители же разореннаго Батыею Городца свидетельствовали, что икона сия из их города, и они лишились ее во время раззорения...

Феодоровский Городецкий монастырь. Начало XX в.

дом на руках священников в город, была поставлена в соборной церкви Феодора Стратилата и сделалась от имени этого храма известною под именем Феодоровской иконы Богоматери. Городчане, возобновив снова свой разоренный город и узнав, где находится их чтимая икона, вскоре (не позднее 1263 г.) сняли с нее копию и поместили у себя в построенном вновь после разорения татарами монастыре, который тоже стал известен под именем Феодоровского⁴⁰.

Не дерзая входить в изыскание тех неведомых причин, из которых Господу угодно было скрыть от жителей Городца видимое знамение своего благоволения - чудную икону своей Пречистой Матери, - и того, где в продолжение многих лет до явления своего близ Костромы князю Василию Ярославичу пребывала святая икона, одно можем сказать: «Един Бог ведает, где сокрывался долгое время чудотворный образ Приснодевы».

Церковь приняла на свои скрижали повесть лишь о чудесном явлении в г. Костроме иконы (называемой Феодоровскою) Божией Матери и о ея чудесах, явленных после обретения образа, для поучения читателей этой великой святыни нашей русской христианской церкви (Пролог под 14 марта).

В эту повесть, составленную в XVII в., извлечено все, что непосредственно относится к предмету ея, из рукописей более древних и из народного предания и иконных изображений Пресвятой Богородицы с деяниями, т. е. с чудесами, последовавшими за явлением чудотворного образа: разные списки отличаются и большими или меньшими под-

робностями, даже в некоторых существенно важных местах.

Мы имели возможность рассмотреть более 20 списков повести о Феодоровской иконе Богоматери, хранимых в разных книгохранилищах; некоторые списки, тождественные по содержанию, можно встретить и в печати, а некоторые до сего времени хранятся только в рукописях. Все списки по содержанию, за исключением некоторых в них деталей, можно свести к трем редакциям.

Первая, самая полная редакция повести о Феодоровской иконе Богоматери, известна под заглавием «Слово о Чудеси». Повесть в этой редакции (слово) сохранилась до нашего времени в очень многих, почти не имеющих между собою разницы, рукописных списках. Объясняется это тем, что она читалась в 17 веке в церквях за богослужением во время всенощного бдения в честь Феодоровской Богоматери, и потому часто переписывалась для церковного употребления. Напечатана она в первый и единственный раз И. В. Баженовым в «Вестнике археологии и истории» 1909 г., вып. XIX, и взята им из рукописного сборника под № 13, принадлежавшего Богоявленскому монастырю в г. Костроме. В своем предисловии И. В. Баженов дает довольно подробное описание своего Сборника, в котором помещено это сказание. На первом листе Сборника, прежде сказания, помещена служба Божией Матери под заглавием: «Книга молебная, служба и чудеса Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Приснодевы Марии чеснаго и славнаго ея ради чудотворныя иконы явления, во граде Костроме, яже нарицается Феодоровская»..., но далее идет нарочно составленная служба Феодоровской Богоматери,

Господь скоро услышал доброе желание и молитвенное настроение князя: «Позна Бог сущия своя» и явил князю Василию Ярославичу и городу Костроме спасение свое

Глава II

которая помещена во многих других сборниках пред самым сказанием об иконе, а служба «на Пресвятую Владычицу Богородицу Живопримный Источник». С 15-го листа Сборника и до 64-го листа написано сказание: 1) о явлении Феодоровской иконы Божией Матери князю Костромскому Василию Квашне, 2) о древних чудесах, 3) об обновлении иконы 4 мая 1636 г. и 4) о последовавших от нея чудесах по 12 января 1646 г. Напечатанная рукопись Богоявленского монастыря написана была в 1708 г. и представляет, как видно из 1-го листа, копию с рукописи, написанной еще ранее игуменом Печенгского монастыря Кириллом в 1670 г.

В разных книгохранилищах можно видеть более 15 рукописей известий и сказаний этой редакции, именно: три списка в Костромском Археологическом музее; один в Феодоровской (Богоотцовской) церкви г. Костромы; пять списков в Петербургской Публичной библиотеке: 1) за № 934 в собрании рукописей Погодина; 2) за № 26 в собрании рукописей Эрмитажной библиотеки; 3) за № 1139 в собрании рукописей, пожертвованных А. Титовым, в сборнике в 4-ку полууст. XVIII в.; 4-5) списки, так называемые по прежним владельцам - Дурлягинский за № 1138, написанный в 1742-1749 гг. при императрице Елизавете, и Третьяковский за № 1118, написан в 1767 г., оба списка из рукописи М. Диева; один список в библиотеке Общества Любителей Древней Письменности в Петербурге в сборнике за № СХХХVII (3909), совершенно сходный во всем по службе и по сказанию о чудотворной иконе со списком за № 13 Богоявленского монастыря; список за № 1267 в библиотеке гр. Уваровой, написан полууст. XVIII в.; список за № 364 в Румянцевском музее в Сборнике исхода XVII и начала XVIII вв., плохая скоропись разных рук; список № 609 библ. Казанской Духовной Академии в собрании рукописей Соловецкой библ., на листе 210; есть рукопись новаго полууст. письма в библ. Костромского кафедрального собора; есть древний список службы и сказаний, написанный полууставом XVII в., составляющий мою собственность.

Все рукописи по изложению и содержанию почти буквально сходны между собою. Существенную разницу они представляют только в имени князя, которому явилась икона: почти во всех списках он ошибочно именуется «великий князь Василий Георгиевич Костромской и Галичский, рекомый Квашня, сей же бы сын благоверного и великаго князя Георгия Ярослава (или Ярославича) Владимирскаго, внук же преподобнаго и благоверного и великаго князя Александра Невскаго. Только в списке № 934 Императорской публичной библиотеки из собрания рукописей Погодина, полууст. XVIII в., имя князя везде значит правильно - «великий князь Василий Ярославич Костромской

Богоматерь Феодоровская. Лицевая сторона иконы

и Галичский, рекомый Квашня, сей же бы сын благоверного и великаго князя Александра Невскаго». Этот список наиболее верный и сходный в имени князя с повестью других редакций. По форме изложения повесть расчленена на несколько отделов, соответственно разновременности событий, касающихся Феодоровской иконы Богоматери. Эти отделы изложены в форме отдельных слов, читаемых при богослужении, или за трапезой в монастырях. В большинстве списков они так и озаглавливаются - «слово о том-то ... Благослови, Отче» (т. е. прочитайте).

Во всех списках повесть состоит из следующих отделов:

1. Слово (или сказание) о чудесах и о явлении Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, честнаго и славнаго ея чудотворнаго образа, нарицаемаго Феодоровския, како явился на Костроме граде. Благослови, отче.

2. Слово о пришествии народа во святую Божию соборную и апостольскую церковь и о свидетельстве их, како видеша сию чудотворную икону, несому сквозь град святым великомучеником Феодором Стратилатом и о исцелении недужных.

3. Повесть о пожаре соборной церкви.

4. О победе благоверного и великаго князя Василия Ярославича (Георгиевича). Како победи прегордаго Батюя царя.

5. Чудо третье Пресвятыя Богородицы о погоревшей соборной церкви, и о исхождении чудотворнаго ея образа из огня.

6. Сказание о чудесах пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии и о обновлении честнаго и славнаго ея чудотворнаго образа, яже нарицается Феодоровская, иже на Костроме граде. Благослови, отче.

7-40. Чудеса исцелений одержимых разными телесными недугами, со времени первого обновления иконы в 1636 г. по 1646 г. (всего 34 чуда).

41. Краткое сказание о поновлении образа (наложением как и в первый раз только новой олифы) в 185/1677 г. Апреля 10-14 при государе Феодоре Алексеевиче и патриархе Иоакиме по челобитью дьяка Якова Поздышева.

Сказание об этом втором поновлении образа помещено не во всех списках, а, очевидно, только в тех, которые написаны значительно позднее этого события.

Для истории Феодоровской иконы и храма Феодора Стратилата в этой редакции повести имеют значение особенно те, лишь здесь находящиеся замечания, где говорится, что соборная церковь во имя св. великомученика Феодора Стратилата, куда принесена была явленная икона, стояла «на площади по прозванию Мшанская улица, (яже) пройде из града до берегу Костромы реки» (Вест. Ист. и Арх., вып. XIX, с. 209); на сретение чудотворной иконы, явившейся «вне града», в разстоянии единаго поприща (версты), в чащи леса на сосновом древе, пошли с крестным ходом протопоп со священниками и диаконами, облаченными во вся священныя одежды, князь, «с ним же и бояре его, и вельможи градстии, и вси людие и иноцы и прости» (там же, с. 212); явленную икону, несомую священным собором из лесу в город, в храм св. великомученика Феодора встретили толпы народа с великою радостью, «необычный звон творяще повсюду» (там же, с. 213); в те времена окропленные святою водою получили исцеления от чудотворнаго образа многие одержимые разными болезнями душевными и телесными (с. 214).

Самый Лик Пресвятой Богородицы описан в повести в том виде, в каком мы встречаем его на иконе и в настоящее время: он написан «на сухе древе» (с. 214), «на десней бо руце ея держим Превечный младенец, и десная у него нога простерта и покровенна ризою, левую же ногу, имея поджату и нагу по колено» (там же, с. 211). На оборотной стороне иконы мы видим изображение св. муч. Параскевы,

нарицаемая Пятницы (пострадала в Иконии в III в. при Диоклетиане, память 28 октября). Было ли это изображение на оборотной стороне иконы в момент ея явления в Костроме, об этом трудно с уверенностью сказать.

Лик Богоматери ясно сохранился на иконе и до настоящего времени, лишь краски на одежде сильно потемнели, а в некоторых местах повреждены и поправлены⁴¹.

Далее, после подробнаго описания двукратнаго пожара соборной церкви Феодора Стратилата, в повести говорится, что по велению князя выстроены были, «на прежнем месте», т. е. на площади Мшанской улицы, каждый раз новые храмы в честь того же святого.

Некоторые данные в самом содержании этого сказания указывают и на то, кто мог быть автором этой повести. Именно, весь характер изложения сказания, его содержание и витийственные разглагольствования, например, в слове о первом обновлении иконы в 1636 г., свойственны лишь оратору или проповеднику, а не простому летописцу. Они показывают, что автор слова был пастырь церкви, при том лицо, жившее во время первого обновления иконы:

Святая великомученица Параскева Пятница. Обратная сторона иконы

«такожде и ныне», пишет он, «в сие последнее время в лета 7144/1636 г., месяца Апреля в 20 день ... милосердный Господь своим богодухновенным духом вдохну в сердца царя и патриарха о одушевленном Божии киоте и о ея богонаписанном образе» (там же, с. 225). Кто же был этот пастырь? Им всего естественнее мог быть кто-либо из священников при Успенском соборе, так как они ближе всех стоят к иконе и более других знают все, что при ней было и бывает. Только они, как очевидцы событий, могли так точно, ясно и обстоятельно изложить подробности: год, день исцеления, а равно имя, отчество, звание, место жительства исцеленного или его родственников, ход болезни и исцеления, как это описывается в сказании. То же предположение об авторе подтверждают такие выражения при описании чудес, как - «поведа нам» (чудо 20, 22, 23) или - «поведа нам о себе сице глаголя: аз отцы честнии в болезнь впадох» (чудо 27), наконец, - «поведа сама о себе все подробно протопопу и священником тоя соборныя церкви» (чудо 5, 6, 24). Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что автор иногда говорит, что исцеленный поведал о чуде «протопопу», иногда - «нам», выделяя, т. о., протопопа из числа прочих священнослужителей. Поэтому вполне естественным кажется предположение - не был ли тот соборный протопоп и автором всего сказания? Нельзя пройти молчанием и следующего обстоятельства: описывая чудеса подробно, точно и обстоятельно, автор в одном случае сделал непонятное исключение: описывая чудо 18-е «о протопоповой жене Татиане», не упомянул ни рода, ни имени, где и кто такой ея муж. Очевидно, здесь или сам автор по скромности умолчал о себе, или он (муж исцеленной), был так известен в городе, что не было нужды называть его имени⁴². Можно предположить вместе то и другое.

В повествовании о чудесах нередко перечисляются служившие в день чуда архимандриты и иереи и называется протопоп Феодор (ч. 2, 10). В книге прот. П. Ф. Островского «Историческое описание Костромского Успенского собора», изданной в 1855 г., на с. 157 в XIV главе о протоиереях Успенского собора под 1636-1644 гг. находим имя Федор, о котором говорится, что «имя протоиерея Феодора упоминается в грамоте царя Михаила Феодоровича о денежном жалованье и потребах церковных; вероятно протоиерей Феодор и управлял Костромским собором до 1644 г., ибо только в актах 1644 г. встречается другое имя протопопа». Думается, что этот протопоп Феодор, как современник и очевидец событий, и был первым автором сказаний⁴³, тем более, что у него, как протопопа Успенского собора, были и личные причины составить слово и записать чудеса Богоматери. Как первое обновление иконы, бывшее в 1636 г., в год определения Феодора в протопопы, так и чудеса по обновлении до 1646 г. были именно при нем,

и ему всего естественнее было записать их во славу Божию. Это подтверждается и самым складом и характером сказаний, обличающих в большинстве отделов одного автора. Достаточно упомянуть о том, что почти все сказания о чудесах имеют одно окончание: «благодаряще Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа и Пречистую Его Богоматерь - Пресвятую Владычицу нашу Богородицу», иногда с прибавлением - «и Приснодеву Марию».

Невозможно утверждать, что сказание, составленное протопопом Феодором, до сего времени осталось совершенно без изменений и дополнений. В некоторых списках встречается, например, иной приступ в первом отделе (таков список Третьяковский в Публичной библиотеке за № 1118), в иных нет упоминания о последнем 34 чуде над женою Пелагеей, во многих есть сказание о втором о поновлении чудотворной иконы с 1677 г.

Но главные отделы сказания, думается, составлены именно протопопом Феодором, и при том позднее 1646 г., под которым записано последнее чудо о жене, именем Пелагеи (и, по всей вероятности, в период времени 1636-1644 гг., когда он сам был протоиереем при соборе).

Источником для составления возможно полного сказания, в форме нескольких церковно-богослужебных слов и описаний чудес от иконы, для почтенного автора служило, как он сам говорит в начале первого слова, то, «что он слышал от многих добре возвещающих хвалы Божия Матере и силы Ея и чудеса, яже сотвори во граде нашем и во окрестных его пределех и еже у себя ищущих писание до разорения литовских людей, поелико нам отцы наши поведаша сыновом своим». Так как эти сказатели о чудотворной иконе Богоматери, с которыми наш автор «беседовал и вопрошал их» ... «овии тако глаголаху, онии же инако», то он из всего слышанного и читанного и решил записать то, «елико разумех, яко сему быти истинне ... дабы незабвены были дела Божия Матере, честнаго и славнаго Ея чудотворнаго образа Одигитрия сиречь крепкия помощницы нашея и ходатаицы рода христианскаго». Таким образом, автор сам сообщает, что он писал свою повесть на основании того, что «сам слышал от многодобродушных людей, иже у себя имуши писания (еще) до разорения Литовских и Польских людей», причем его собеседники, припоминая эти, видимо, уже утраченные писания, «овии глаголаху тако, инии инако».

В числе писаний, послуживших источником для автора повести, могла послужить и та служба (всенощное бдение), составленная в честь Феодоровской иконы Богоматери, которая обычно встречается в обычных сборниках впереди этой редакции повести (слова).

По содержанию своему повесть (слово) имеет близкую связь с этой службой, составленной «нарочито» на празд-

ник явления 16 Августа Феодоровской иконы Божией Матери, и написано оно в проповедническом духе, с молитвенными воздыханиями и благоговейным изливанием чувств, именно для чтения по уставу и тогдашнему обычаю за всеобщим бдением на праздник Феодоровской иконе Богородицы.

Должно заметить, что в древнее время служба Феодоровской иконы Богородицы совершалась не везде одинаково. Со времени явления иконы до составления нарочитой службы совершалось последование «на Пресвятую Госпожу Владычицу Богородицу, Живопримный Источник», составленную патриархом Никифором Каллистом Ксанфонулом. Несмотря на то, что содержание этого последования не имеет никакого отношения к празднику в честь Феодоровской иконы Богородицы, а имеет общий характер прославления Богородицы, оно совершалось в некоторых церквях в этот праздник даже в XVII в., когда была уже составлена и более распространенная служба, «нарочито» приспособленная к празднуемому событию. Служба эта «Живопримному Источнику» помещается перед самою распространенною редакциею повести о явлении Феодоровской иконы в некоторых рукописях даже конца XVII в. и озаглавляется так: «Книга молебная, и служба, и чудеса Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго Ея ради чудотворныя иконы явления во граде Костроме, яже нарицаемая Феодоровская»⁴⁴.

Эта первая служба не имеет по своему содержанию никакого отношения к исследуемой нами повести, но чаще встречается в рукописях другая служба, «нарочито» приспособленная к празднуемому событию явления иконы 16 Августа. Служба эта совершалась в большей части церквей до 1778 г., когда по поручению Костромского епископа Симона Лагова составлено протоиреем И. Красовским новое последование, приспособленное ко дню 14 марта, памяти вступления на престол родоначальника царствующаго дома Романовых Михаила Феодоровича. Вторая служба нередко помещается, подобно первой, - «Живопримому Источнику», впереди распространеннаго сказания (слова) о явлении Феодоровской иконы Богородицы в очень многих рукописях, о которых скажем ниже, и обнаруживает довольно заметную связь с повестью. Она имеет свой тропарь и кондак, отличающие ее от тропаря и кондака современной нам службы. Тропарь начинается словами - «Днесь светло красуется град Кострома...», а кончается словами - «притезем людие вси к тихому и доброму пристанищу...»

Есть достаточное основание полагать, что эта служба и послужила одним из источников для составителя повести о Феодоровской иконе. Самое оглавление службы, которое

встречается с незначительными вариациями во всех рукописях, дает уже важные исторические указания для повести. В большей части списков на первой строчке написано так: «месяца Марта в 14 день». Это заглавие показывает, что рукопись переписана, а может быть, и составлена, не ранее восшествия на престол Михаила Феодоровича Романова, так как только в начале этого царствования по особому повелению Государя праздник Феодоровской иконе Богородицы перенесен с 16 августа на 14 марта - день избрания на царство этого Государя.

Далее в некоторых списках со второй строчки идет такое заглавие: «служба на перенесение чудотворнаго образа Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, Одигитрия, из запустевшаго города Городца, из Феодоровскаго монастыря во многонародный и славный город Кострому святым великомучеником Феодором Стратилатом в лето 1239 г. месяца августа в 16 день во дни благовернаго великаго князя Василия Костромского и Галичскаго, рекомаго Квашня. По пленении российския земли от безбожнаго царя Батые - иже и донныне та пречудная икона Божия Матери пребывает на Костроме в соборной церкви, именуемая Феодоровския (а не Феодора Стратилата), всеми покланяема, подающеи верным неизреченныя милости» (такая надпись имеется, например, в рукописи XVII в., составляющей мою собственность).

Название церкви именем «соборной Феодоровской» дает нам понять, что новое название современной списателю службы каменной соборной церкви - собором «Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, чудотворныя иконы Феодоровския», появившееся в первый раз в грамотах царя Михаила Феодоровича, или - «собором Успения Пресвятыя Богородицы», что появилось еще позднее, - тогда еще не было в обычае, а по привычке тогда звали каменную соборную церковь, во имя чудотворной иконы - «Феодоровскою», перенося название «Феодоровскаго» (в честь Феодора Стратилата) деревяннаго собора, что на Мшанской улице, и на новый каменный Успенский храм. Это показывает, что служба Феодоровской иконе Богородицы составлена не позднее начала царствования Михаила Феодоровича.

Самое содержание службы показывает, что составление ее нельзя относить ко времени ранее XVII в. Во-первых, возвеличение Костромы как города «многолюднаго и славнаго» служит отражением именно той его славы, какую придали ему жители с тех пор, как их город сделался колыбелью царскаго рода. Во-вторых, явление св. иконы восхваляется здесь не как местное только событие, но как событие всей России: небесныя силы, как поется в первом стихе на малой веч., к веселию град Кострому и всю Российскую страну созывают; «днесь светло красуется» град Кострома

и вся Российская страна (троп. празд.). Не показывает ли это, что служба составлена уже после того, как город Кострома чрез избрание в его пределах нового царя, отданного при самом воцарении в Костромском Ипатьевском монастыре своею матерью инокиней Марфой под покров Феодоровской иконы Богоматери, сделался известен и славен на всю Россию.

Что служба эта не могла быть составлена ранее XVII в., об этом может свидетельствовать, между прочим, и самый способ изложения некоторых нижеписанных и других стихир и песнопений стихами с рифмами. Такое изложение службы показывает в авторе ее ближе всего образованного человека XVII в., тронутаго уже тогдашней модой рифмоплетства.

Итак, служба «на перенесение чудотворного образа Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, именуемая Одигитрия, из города Городца в славный город Кострому», по нашему мнению, составлена в XVII в. и, скорее всего, в начале царствования Михаила Феодоровича, когда вместо не соответствующей событию явления чудотворной иконы в Костроме службы «Живоприемному Источнику», явилась нужда прославить Феодоровскую икону Богоматери, покровительницу нового царского рода Романовых, особою нарочито составленною службою. Таким образом, автор службы еще ранее составителя повести о чудотворной иконе воспользовался устными народными преданиями и отрывочными писаниями об этой иконе, хранившимися у некоторых благочестивых людей еще до разорения Литовских людей, т. е. до XVII в., в сладкозвучных стихирах и песнопениях прославил некоторые обстоятельства явления и чудеса Феодоровской иконы Богоматери.

Поэтому весьма понятен интерес, какой возбуждает в нас этот письменный памятник о святой иконе, как один из источников для составителя повести о ее явлении и чудесах.

Какия же свидетельства о явлении св. иконы и чудесах имеются в древней службе?

Прежде всего, что касается главного факта, - явления святой иконы, то автор прославляет его всюду; более же подробно и обстоятельно излагает его в стихирах на литии, которые ввиду этого и считаем за лучшее привести в подлиннике:

На литии стих. 4-я:

*«Да каплют облаци вси сладость,
Небеса да возвещают нам радость*

...

*Восплеците руками гласом радования
Во благознаменитый день явления иконы*

Божия Матере,

Воспойте: воистину бо видети чудо преславно,

*Како прииде к нам пречудная икона Богоматере,
Несома угодником своим великомучеником
Феодором Стратилатом,
Никим же знаема, или откуда прииде,
Последи же о ней вся явленна бысть.*

*О Божие дарование земным даровася.
Красуйся ты, Богохранимый граде Кострома
И радуйся церковь Божия... и т. д.»*

Другая, последняя, стихира на стиховне:

*«Днесь радуется верных множество
Явилося божественная икона твоя Владычице.
На месте пустынном, на сосновом древе стоящи,
Яко многосветлое солнце, светом велиим сияющи,
И лучи милости повсюду испуцающи -
Вся верныя просвещает.*

*Днесь ликовствующий Феодор Стратилат
тебе служит,*

И, почитающи тя, от места на место

Икону твою переносит Богомати;

Донесъ до богоизбраннаго места,

Благоговейно поставляет с достойным славословием;

Мы же что ти принесем брениши

...

Граду твоему Костроме щит и победу даровала еси» ...

и т. д.

Хотя эти стихирны и не богаты подробностями, но ясно утверждают факт чудесного явления св. иконы: именно, что икона эта была «никим же знаема или откуда прииде»; только после стало известно, что принес ее великомученик Феодор Стратилат; а явилась она «на месте пустынном», «на соснове древе стоящи», «светом велиим сияющи». Другия подробности явления заключаются в написании службы, где ясно утверждается, что она принесена из запустевшаго города Городца в 16 день Августа месяца 1239 г., при великом князе Василии Костромском, рекомом Квашня, «по пленении от безбожнаго царя Батыя». Все эти обстоятельства явления иконы повторены были потом и автором повести-слова.

Отразился в службе и второй факт - принесение в Кострому иконы «воином неким», подобным св. великомученику Феодору Стратилату. Более подробно этот факт изложен в повести, из которой известно, что принесенную в город икону жители Костромы приняли как чудотворную, с великою честью, и поставили ее в соборный храм св. Феодора Стратилата рядом с местным образом св. покровителя их города. Молва о принесении новоявленной иконы Божией Матери быстро разнеслась по окрестностям, и в соборный храм стеклись на поклонение св. иконе многочисленные богомольцы не только из самого города, но и из ближайших к нему мест. Увидевши изображение

пречистаго лика Богоматери, многие из костромских граждан, не бывшие при встрече святой иконы, объявили теперь князю, духовенству и всем богомольцам в храме, что они еще вчера, т. е. 15 августа, в праздник честнаго Успения Божия Матери, видели сию икону, «несому сквозь град неким воином в преукрашенной воинской одежде или прекращенной, т. е. укороченной (по другим спискам I ред.): подобен же тот воин видением (т. е. по виду) святому великомученику Феодору Стратилату» (см. «Слово о чудеси» в Вест. Ист. и Арх., вып. XIX, с. 214, срав. - «повесть»), храмовой образ которого они здесь видят. Такое неожиданное заявление явных свидетелей события не осталось без влияния на особенно торжественно настроенный в этот момент народ, и все уверовали, что этот несший икону через город воин есть, очевидно, не кто иной как сам великомученик Феодор Стратилат. Были убеждены, что он, как покровитель города, принес в дар Костроме эту великую святыню. И с этого времени от имени святого великомученика Феодора Стратилата, в честь которого был посвящен и собор, куда была поставлена новоявленная икона, она и стала называться Феодоровскою. Народная вера в чудесное принесение иконы из Города в пустынное место на р. Запрудню великомучеником Феодором Стратилатом и выразилась в вышеприведенных стихирах службы, а убеждение в чудотворной и спасительной силе св. образа, помимо чудеснаго ея явления великому князю Василию, вскоре подтвердилось и фактами. В службе есть и об этих фактах чудотворений некоторыя частныя и более или менее обобщенныя указания. Приведем подлинником описание чудес от св. иконы вскоре после ее явления. Чудеса эти описаны стихирах на стиховне, гл. 2. Подобен - «егда от древа тя»:

1. «Егда огнем вещественным воспалися святая соборная церковь, Пресвятая Дево Богородице; тогда великою печалию одержиме бысть князь великий, и все людие о чудотворной иконе твоей, Владычице, мняще ю сгоревшу во пламени огненном, и по тридневном времени чудесне обретеса в пепле пречудная икона твоя Богородице, цела и никакоже вредима. Тогда исполнися радости, с воздыханием и слезами умильно вопияху тебе: слава премногому твоему милосердию, чистая, яко благоволила еси явити нам великую свою милость».

Стихира эта повествовательно передает главные моменты перваго чуда от св. иконы, когда она осталась невредимою от огня и была найдена в пепле, на третий день после пожара.

Следующая стихира также описывает второе чудо - ослепление неприятеля светлыми лучами, исходившими от иконы.

2. «Егда Пресвятая Дево Богородице изыде, великий

князь Василий с людьми своими в скорби и печали велицей и недоумении противу безбожных агарян, превозносящихся и высящихся, и ни откуду помощи надеющихся, токмо на тебе, Всепетая, носяще с собою пречудную икону твою Пречистая Дево: и умильно со слезами вопияху тебе: О Пресвятая Владычице Богородице. Не предаждь нас в руки беззаконных, хотящих заклати нищих людей твоих: тогда видевшя от пречудныя иконы твоя пресветлыя лучи, паче солнца возсиявшия на сопротивных, и внезапно вси ослепоща беззаконии и страхом велиим ужасошася трепетнии, и вси смятошася и погибоша окаянии. Мы же радостно тебе вопием: Пречистая: слава преблагому твоему милосердию, чистая Дево: яко спасавши рабы твоя».

Наконец, третья стихира описывает третье чудо после второго пожара храма Феодора Стратилата.

3. «Егда Пречистая Дево Богородице, второе воспалися святая соборная церковь: и горкою печалию одержими быша князь Василий и людие скоро стекошася и горько (рыдаху о пречудней иконе Твоей, Пречистая, мняще ю во пламени огненном; и внезапно чудесне узревше пречудную икону твою божественным промыслом на воздухе над пламенем стоящу и светло блистанием сияющу) со слезами вопияху тебе; О Владычице Всепетая, не остави нас сирых без твоего покрова и заступления, но сниди и утеши нас, нищих людей своих: но о чудесе преславнаго, яко не презрела людей своих, чистая Дево, но скоро прошения их исполняеши: благоволила еси милостивым твоим посещением пречудно с воздуха снити к нам честным образом своим, и твоего на руку держима превечнаго младенца и Бога нашего; мы же со страхом ему вопием: слава человеколюбче крайнему твоему сошествию, яко благоволила еси помиловати ны грешныя рабы твоя».

Так как чудеса эти были не для одного лица, а для всего города, то естественно, что они подробнее и прославлены в стихирах, чем чудеса, бывшия с частными лицами. Но, что были и такыя чудеса, на это в службе есть тоже указания. Так, например, кроме общаго прославления Богоматери, говорится, что ею, т. е. этою иконою, мы «от бед избавляемса, от всяких болезней здравие приемлем» (I троп., I песнь канона). Ибо она «исцеляет болящия и прогоняет от человека духи лукавыя», и творит верным преславныя чудеса» (4 тропарь, I песнь), «немощным - врачество отверзеса» ... «Всем подает богатыя милости». «Твоего чуднаго образа явлением», поется в 6 песни канона, «всем верным свет возсия: мертвым - живот, слепым - свет, глухим - слышание, немым - глаголение, разслабленным - здравие, прокаженным - очищение, неплодным женам - разрешение, плодоносящим - неболезненное рождение» и т. д.

Так как служба эта назначена для пения в церкви, то следует полагать, что ея выражения имели под собою и фак-

тические основания в действительных чудесных исцелениях от св. образа.

Сама по себе служба, конечно, не есть историческое сказание о чудотворной иконе; но весьма важно то, что она согласуется и подтверждает это сказание, которое тогда, во время составления ея, было известно, как устное предание. Не могло быть, чтобы служба прославляла событие, которое не существовало; напротив, она составляет как бы эхо этого события, выражая, главным образом, то настроение и те чувства, которые внесло оно в жизнь церковную. Поэтому весьма естественно, что эта служба являлась как главное основание и источник для первого составителя в XVII в. отдельного сказания о Феодоровской иконе Богоматери⁴⁵.

Все, что мы узнали из службы, составленной в честь Феодоровской иконы Богоматери, - о ея явлении после исчезновения из Городца великому князю Василию Квашне, о принесении ея в Кострому св. муч. Феодором Стратилатом, (а по народному сказанию, выраженному в повести, - воином, подобным по виду Феодору Стратилату), о ея чудесном спасении во время двух пожаров церкви и истекших от ея лика и утраченных неприятеля лучах, - все это мы встречаем и в письменной повести во всех ея редакциях. В этой повести авторами ея добавлено в конце из народного предания только то, как «по некоем времени» жители Городца, прийдя случайно в соборный храм св. Феодора помолиться, узнали свою Городецкую святыню, и как «потом великий князь повелел устроить церковь соборную каменную во имя Пресвятой Богородицы честнаго ея Успения».

Достоин внимания то, что ни в службе, ни в повести совершенно нет указаний - когда совершились вышеупомянутые три чуда: при двух пожарах и при нападении агарян. Время это определяется словами «по некоем времени», «по сем», «потом», а более точное обозначение времени для истории храма св. Феодора Стратилата, как увидим ниже, было бы весьма важно.

Как бы ни было достоверно записано предание, но показание службы всегда будет одним из первых источников в истории нашей святыни, как историческое и бытовое свидетельство истинности чудеснаго явления и чудотворной силы св. образа.

Теперь рассмотрим вторую редакцию письменной повести или сказания о явлении и древних чудесах св. иконы. Повесть эту можно видеть в трех рукописных списках, нигде в целом виде не напечатанных⁴⁶.

I-й список, так называемый Милютинский, помещен в Милютинской Четь-Минеи за август месяц под 15 числом на листе 764. Четь-Минея эта хранится в Синод. библ. за № 808 и представляет рукопись в 12 толстых в 4-ку кни-

гах, по числу 12 месяцев года, переплетенных в кожу и написанных, как об этом говорит в послесловии сентябрьской Минеи, сам писатель, с 1646 по 1654 гг. священником Христорождественской церкви Сергиева Посада Иоанном Милютиным со своими сыновьями с древних рукописных монастырских Сергиевой лавры миней-четьих, древних прологов и других рукописей.

2-й список, названный известным Костромским историком прот. Михаилом Диевым по имени прежнего владельца Самохваловским, хранится в настоящее время под № 1140 в Петербургской Публичной библиотеке в числе книг, пожертвованных А. А. Титовым⁴⁷. Она написана по лууставом XVII или нач. XVIII в., в 4-ку на десяти листах.

3-й список в сборнике под № 332. А. О. Отд. I, Петербургской Публичной библиотеки, в собрании рукописей графа Ф. А. Толстого; написана повесть характерной витиеватой с росчерками и титлами скорописью XVII в., разных почерков. Сборник в 4-ку в кожаном переплете. Все сказание о Феодоровской иконе Божией Матери занимает в нем девять листов, начиная с 397 листа.

Милютинская повесть озаглавлена так: «Месяца Августа в 16 день повесть о Препоблагословенной Пречистой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, честнаго и славнаго ея Одигитрия, Чудотворныя иконы Феодоровския». Самохваловская и Толстовская повести имеют другое заглавие - «Сказание о чудотворной иконе Богородицы Феодоровския, како от Городца града перенесеса на Кострому при великом князе Василие, рекомом Квашня (Толстовская рукопись - при великом князе Василие Костромском и Галичском). Все три списка имеют одинаковое начало - введение в повесть (взятое из более полного введения в первой редакции повести-слова): «како исповем и како хошу написати, или что реку, или что повем о сей пречудной иконе...», сходны по содержанию и изложению, и кончаются одинаковым рассказом о построении каменнаго Успенскаго собора и перенесении в него чудотворной иконы Богоматери. Ни в котором списке не говорится ни слова об обновлении иконы в 1636 г. по повелению Государя Михаила Феодоровича и о последовавших за сим до 1646 года 34 чудесных исцелениях, о чем повествовалось во всех списках первой полной редакции. В сказании, помещенном в сборнике, принадлежавшем гр. Ф. К. Толстому, во введении к повести на листе 2 обор. встречается та же неуместная, по соответствию исторической правде, родословная вставка о вел. князе Василие Квашне; «како обрет ю (икону Божией Матери) великий князь Василий Квашня, рекомый сын благовернаго великаго князя Георгия Ярославла Владимирскаго, внук благовернаго князя Александра Невскаго, Богу попускашу грех ради наших» ... и т. д., которая встречалась и в большинстве списков полной

редакции - слова. Эта родословная ошибка встречается и в Спасо-Запрудненском Синодике, в сказании, начало которого напечатано в «истор. опис. Успен. собора» пр. Островского (Синодик Спасо-Запрудненской церкви исчез из церковной библиотеки неизвестно куда), но ее нет ни в Милютинском, ни в Самохваловском списке.

Другия вариации, встречающиеся в Толстовском списке, не имеют значения, и их весьма немного.

Относительно составителя повести в этой второй редакции покойный проф. А. П. Голубцов на Костромском областном археологическом съезде 1909 г. высказал достаточно основательное предположение, что таковым всего естественнее мог быть вышеупомянутый священник Христорождественской церкви Сергиева Посада Иоанн Милютин.

«Сравнивая эту повесть с произведениями, вылившимися бесспорно из-под пера о. Иоанна Милютина, с его предисловиями, послесловиями и разного рода заметками, в значительном числе разсеянными по его обширному житийному собранию, легко» - говорит проф. Голубцов, - «подметить поразительное порой сходство между ними в литературных приемах, в складе, не везде по строению правильной, но всегда определенной речи, в самом слововыражении»⁴⁸.

Происходя из города Балахны Нижегородской губернии, отстоящего всего на 15 верст от Городца, древнего местопребывания Феодоровской иконы Богоматери, священник Милютин, как и все ближайшие к Городцу жители, глубоко почитал эту чудотворную икону. Поэтому, занявшись составлением по возможности полных Миней-Четых, он, естественно, желал поместить здесь повесть и об этой высокопочитаемой особенно в XVII в. не только в Городце и Костроме, но и в московских пределах (особенно в доме царя и патриарха) - святыне. В старых до-Макарьевских и

новых Тулуповских (иер. Германа Тулупова) минеях, в прологах, житийниках и других книгах Лаврской библиотеки, которыми пользовался Милютин, как он сам говорит, для составления своих четых-миней, он не нашел в готовом виде такой повести⁴⁹ и должен был поискать ее или у себя на родине, или в Костроме. С Костромой в это время у Сергиевой Лавры была довольно сильная связь и постоянные сношения, потому, что в 7121/1613 г. царь Михаил Феодорович укрепил за Лаврой в Костроме Полянскую слободу в 29 дворов, составленную из «монастырских бобылей, разных сел Троицких вотчин Сергиева монастыря», в самом Костромском кремле был в то время осадной Лаврский монастырский двор для приезда лаврским старцам и монастырским слугам⁵⁰.

Известно, что священник Иоанн Милютин в 1613 г. поступил в Троице-Сергиев монастырь простым послушником. Здесь настоятель Лавры арх. Дионисий (+ 1633), старец иерей Иоасаф (+ 1644) и особенно известный старец, книгописец, составитель на 10 лет ранее Милютина Миней-Четых, иером. Герман Тулупов, сами поступившие в мире священниками, расположили Милютина послужить Богу и ближним в качестве пастыря церкви и заронили в его душу искру любви к изучению и собранию житий святых Греческой и Русской церкви. Пробыв в Лавре около четырех или пяти лет, Милютин на несколько лет неизвестно куда из Лавры уходил и только в 1646 г. является уже священником Христорождественской церкви Сергиева Посада, где с первых же дней служения начинает труды по агиографии, которые и продолжал в течение восьми лет (1646-1654 гг.). Плодом его работ и явились Минеи-Четьи в 12 книгах, каждая от 1229 до 1762 листов⁵¹. Вполне вероятно, что в эти промежуточные годы, между послушничеством в Лавре и священством в Сергиевом Посаде, Милютин посетил и свою родину - Балахну, и владения Трои-

СВЯЩЕННИК ИОАНН МИЛЮТИН, в минеях которого мы впервые встречаемся с нею (повестью). В обоснование своего мнения мы, прежде всего, должны сказать вслед за другими, что о. Милютин не был только копиистом, простым переписчиком, подобно детям его, которым «поспешения ради» бесспорно отчасти помогал своим «скорым писанием». Его огромный труд соединен был с усердными поисками и довольно разумной выборкой из лаврских рукописей наиболее исправных житий и достоверных повестей. В Милютинских минеях «почти всегда можно найти статьи, весьма редкия в других списках; встречаются даже указания единственные в своем роде, не попадающиеся больше нигде». По всему видно, что собиратель их был человек широко начитанный и любознательный. Любовь к книге, вероятно, и привела молодого Ивана Милютина в декабре 1631 года в Троицкую лавру с ее «многобогатной божественных писаний книгохранильницею». Родом нижегородец из Балахны, Милютин встретился здесь с своим земляком - бывшим соборным протопопом тоже города Балахны старцем-книгохранителем Иоасафом Кирьяковым, который, зная Ивана, как юношу из зажиточной и, по-видимому, духовной семьи, а может быть, приходясь ему отчасти и сродни, не преминул свести его с выдающимся книгописцем того времени в обители Сергиевой - иеромонахом Германом Тулуповым, трудившимся тогда над изготовлением тех самых четых-миней, с которых, полтора десятка лет спустя, так много пришлось списывать Милютину. Один старец по знакомству открыл доступ к книгам пытливого послушнику, а другой, как кажется, своим личным примером развил в душе его склонность к занятиям агиографическим. Недаром же много позднее о. Иоанн не раз заговаривал о своих наставниках и архим. Дионисии, как «мужах добродетельных и рачителях божественных писаний», в соседстве с которыми он занимался своим нравственным усовершенствованием и умственным образованием.

А. П. Голубцов. Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери. Журнал «Богословский Вестник». Сергиев Посад. 1911. Т. III. Октябрь, с. 364-371. (Реферат, читанный на историко-археологическом съезде в Костроме в 1909 г.)

Глава II

ице-Сергиевой Лавры в Костроме, где, задумав писать свои Четьи-Минеи, ознакомился с полезным материалом из письменных источников и из народного предания; в частности, интересовался, конечно, и сказаниями о высокопочитаемой и близкой его сердцу святыне чудотворной Феодоровской иконе Богоматери.

Среди разных сказаний о чудотворной Костромской святыне он, конечно, не мог не обратить внимания на написанную уже в то время и хранящуюся при Костромском соборе вместе с рукописною, недавно же составленною службою, подробную повесть о явленной Феодоровской иконе, составленную в форме нескольких слов, для чтения за богослужением, и добавленную описанием совершившихся в период времени между 1636-1646 гг. чудес от обновленной в 1636 г. иконы. Должно заметить, что в своих литературных трудах Милютин вообще не был, подобно своим сотрудникам детям, простым копиистом, переписчиком; его огромный труд по составлению Четьих-Миней соединен был с усердными поисками и довольно разумной выборкой из добытых в Лаврской библиотеке и других местных рукописей наиболее исправных житий и более достоверных повестей. И в данном случае он не пожелал целиком воспользоваться Костромскою повестью о чудотворной иконе, а опустил из нее все сказания об обновлении иконы в 1636 г. и о последовавших затем чудесах; он воспользовался лишь теми несколькими богослужебными словами, которые по своему содержанию имеют ближайшее отношение к обстоятельствам явления Феодоровской иконы Божией Матери, и из них составил более краткую, с более общим литературным характером, повесть. Рассказ свой Милютин закончил словами: «и егда освятиша храм во имя Преч. Богородицы ... сия многочудесная икона Феодоровская ... принесена ... в созданную во имя ея соборную церковь; и о сем дозде Слово», т. е. этим последним рассказом о перенесении чудотворного образа Божией Матери из храма Феодора Стратилата во вновь устроенный каменный храм в память Успения Пресвятыя Богородицы кончается богослужебное слово или повесть о явленной Феодоровской иконе Богоматери, которую он, свящ. Милютин, воспользовался для своего

Сбор дани

Четь-Минейного рассказа о той же святыне.

Зависимость милютинского рассказа от первой полной редакции повести - «слова о чудеси и явлении» видна и из сличения самого текста той и другой повести. Повесть Милютина, имея форму литературно-исторического рассказа, во многих местах является буквальным, или почти буквальным повторением «слова». Обе повести предваряются введением, причем милютинское введение есть не что иное, как сокращение введения более полной повести. Оба автора в буквально сходных словах указывают на источники, какими они пользовались для составления повести; упоминают о молитвах, побудивших их к написанию этого рассказа - «дабы незабвенны были дела Божия и Пречистыя Его Матери»..., и, наконец, излагают обстоятельства, предшествовавшие событию явления иконы в Костроме; говорят о нападении в 1239 г. Батыею на Городец и о разорении этого города, после чего «чудотворная икона не восхоте тамо быти на пусте месте, но восхоте Господь Бог наш Иисус Христос прославити Матере своея образом иконы и дати ей во одержание град Кострому и пределы его» (Милютинская пов., ср. «Слово о чудеси...» в Вест. Арх. и Ист., вып. XIX, с. 209-210). Заканчиваются обе повести кратким заключением, в котором авторы объясняют, что

Кто бы впрочем, ни был признан в науке составителем последней, справедливость требует сказать о нем, что он был писатель разборчивый и во всяком разе более осторожный в передаче исторических фактов, чем его продолжатели, относительно позднейшие «сказатели». Отстоя на несколько столетий от повествуемых событий, он ясно датирует Батыево нашествие, но умалчивает о времени местных происшествий, например, явления чудотворной иконы Феодоровской, сооружения для нея каменного храма великим князем Василием Квашней; не называет последнего Георгиевичем вместо Ярославича и внуком благоверного князя Александра Невского, как то делает ошибочно его интерполятор - автор находящегося в Спасозапруденском синодике «сказания».

А. П. Голубцов. Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери. Журнал «Богословский Вестник». Сергиев Посад. 1911. Т. III. Октябрь, с. 364-371. (Реферат, читанный на историко-археологическом съезде в Костроме в 1909 г.)

сия чудотворная икона и до днесь именуется Феодоровскою, от имени церкви Феодора Стратилата, куда в первый раз, по явлении великому князю Василию, она была поставлена.

В исторической части обе повести весьма сходно рассказывают о явлении иконы, поставлении ее в соборный храм Феодора Стратилата, что на площадке (I и II ред.) по прозванию Мшанская улица (I ред.), описывают три первые чуда новоявленной иконы - ее чудесное спасение во время двух страшных пожаров Феодоровского храма и избавление Костромитян при озере Святом от нападающих на них татар силою истекших на татарские полки от образа Богоматери огненных лучей, от которых «все татары смятошася и многи ослепошася», и, наконец, говорят о построении, после второго пожара Феодоровского храма, нового каменного собора в память Успения Пресвятой Богородицы.

Несколько лет спустя, рассказывается в той и другой повести о первом пожаре Феодоровского храма, после построения в лесу на месте явления иконы первого в Костроме мужского монастыря в честь нерукотворного образа Иисуса Христа и после посещения Феодоровского храма жителями Городца, соборная церковь великомученика Феодора сгорела. Жители были уверены, что явленная икона сгорела вместе с храмом и глубоко скорбели об этом. И вот, сверх чаяния, «в третий день по пожаре на том же месте обретоша икону чудотворную целу, и отнюдь огонь не повреди ея». Столь неожиданную радость жители немедленно поведали великому князю, который воздав вместе с народом «благодарственную песнь Господу Богу о таком чуде», повелел на том же месте поставить новую соборную церковь в честь того же святого великомученика Феодора Стратилата.

А чудотворную икону Богородицы повелел великий князь «древом содеяти, яко кивотом и абие украси ю серебром и златом и камнем драгим». Оправленную в деревянный киот и преукрашенную икону князь «повеле поставить в новой соборной церкви внутри алтаря за престолом», и с тех пор сия икона была запрестольной, пока не была перенесена в новопостроенный, впоследствии

каменный Успенский собор (I и II ред. повести).

Киот, в который оправлена была великим князем икона для более удобного поставления ее за престолом, остался на чудотворном образе и до сего времени. Он есть не что иное, как деревянная из квадратных брусков окладка, в которой весьма плотно закреплена написанная красками «на сухом древе» (I ред. пов.) икона. Снизу к раме прикреплены из таких же брусков (винтами) деревянная подножка.

Затем образ вместе с рамой и подножкой чрез некоторое время был обложен серебряным окладом и представляет ныне как бы одну целую икону. Самый образ имеет длину $14\frac{1}{4}$ верш. и ширины $11\frac{1}{2}$ верш.; с киотом же (рамой), кроме подножки, имеет длины I арш. $2\frac{1}{2}$ верш. и ширины $12\frac{1}{4}$ верш. Подножка-рукоять имеет длины более одного аршина. Такая окладка иконы киотом или рамкой с подножкой дала основание нашим предкам к заключению, что святой образ и в Городце был запрестольным, выносным. На этом основании он хотя и помещается ныне в иконостасе, но рукоять от него не отнята.

Также подробно, как и в «слове о чуде» (за исключением молитвенных воздыханий) излагается в Милютинской повести и второе чудо от иконы Богоматери с ее помощью нападающих на Кострому татар или агарян. Татарская шайка, прежде чем напасть на Кострому, «повоевоша около Галича, и под Вологду, и от Вологды к Ярославлю плениша вся по ряду, и уже от Ярославля на Кострому поидоша», обремененные добычею и пленом. Костромичане, помолившись из глубины сердца Спасителю, Богоматери и Феодору Стратилату в соборном храме о избавлении их от врагов и, «вспомняв великаго князя Андрея Боголюбскаго, - как тот всегда носил с собою на брань с врагами чудотворную Владимирскую икону Божией Матери и как при помощи сей иконы он победил Болгар⁵², и сами во главе с великим князем вышли с оружием в руках навстречу татарам, неся впереди войска образ Феодоровской иконы Божией Матери. Одно небольшое озеро между Волгою и рекой Костромкой разделяло войско костромское от татар, которые, измерив малое число первых, заранее обрекли их на смерть. Монголы натянули луки, чтобы поразить смелых россиян, как вдруг от святой иконы, держимой

НЫНЕ НА СЕМ МЕСТЕ НАХОДИТСЯ КАМЕННЫЙ СТОЛБ с поставленной в оном иконою Феодоровския Божией Матери, списанною с подлинной; а озеро называется Святым, потому что во время сражения вокруг иконы явились молниеносные лучи, отчего Татары слепли и мечами друг друга побивали, а многие в близ лежащем от Святаго другом озере и потонули, почему сие последнее и до ныне называется поганым. (с. 138) Сей князь (Василий) совершил брак свой в Костроме и венчан в церкви Св. Феодора, Ростовским епископом Игнатием. (с. 16) Чрез два года, спокойных для России, он ездил в Хану. По возвращении своем 1272-го года, 36-ти лет от рождения, к чрезвычайному сетованию Князей и народа, видевшаго в нем Государя умнаго и добродушнаго, скончался в Костроме. Он погребен Ростовским Епископом Игнатием в соборном приделе Федора Стратилата ... В его время Кострома была около шести лет столицею Велико-Российскою. К главным достопамятностям Василиева княжения принадлежат: Собор, бывший в 1274 году, собранный митрополитом Кириллом. (с. 17-18)

Взгляд на историю Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. М. 1840

Глава II

священниками, чудесно излились светлейшие лучи и поразили ужасом монголов. Смятение среди их сделалось всеобщим; многие из них ослепли и, побежав, потонули в озере; прочие были побиты, или взяты в плен Костромской дружиной, предводимой Василием Квашнею. Освободили Русские и пленников, которых татары вели за собою в цепях («Слово» в Вест. Ист. и Арх., вып. XIX, с. 217-219).

В память этого чудесного события и в назидание потомству, на том месте, где во время битвы стоял чудотворный образ, по приказанию князя поставлен был дубовый деревянный крест, или столб, на котором вырублено особое место для Феодоровской иконы (копии), а впоследствии вместо столба устроена каменная часовня, которая сохраняется и до сего времени⁵³. Место это стало называться в народе Святым, а также и близ лежащее небольшое озеро получило с тех пор название Святого (см. слово и повесть). Другое озеро, где, по преданию, тонули татары, называется Поганым. Впоследствии на берегах Святого озера образовалось селение, которое тоже приняло имя Святого (Святой веси). Среди жителей этого селения и до сих пор сохраняется изустное предание о сем чуде Феодоровской иконы Божией Матери.

Замечаемая в повести недостаточно-ясная места, как то: о построении деревянных церквей и понятная в устах писателя XVII века неточность в наименовании князя Василия Ярославича не только Костромским, но и Галичским, искупаются у него некоторыми на мой взгляд ценными и совершенно определенными указаниями по части древнейшей топографии и церковной археологии города. Обращу ваше просвещенное внимание на одно из них. Сказав, что «чудотворная икона Богородицына принесена от Городца града на Кострому Феодором Стратилатом», автор повести поясняет «понеже в те времена бысть на Костроме соборная церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, что на площадке». В приведенных словах в высшей степени примечательно и констатирование участия в чудесном явлении иконы могущественного покровителя города и точное указание местоположения посвященного ему и, может быть, древнейшего в городе храма. В них идет речь не о площадке, на которой стоит всем известная церковь Воскресения, и не о площадке перед теперешними соборами или старого кремля костромского; автор повести понимает площадку, где в течение почти шести столетий находился храм Феодора Стратилата, который хорошо знают и единственно только его одного из всех городских церквей в XIII-XIV веках называют летописи. Построенный, полагают, в честь своего ангела великим князем Ярославом Всеволодовичем по близости нынешней Богоотцевской церкви, где долгое время городская жизнь была ключом, и ради скученного населения ставилось всего больше храмов Божиих, он служил на пространстве столетий религиозным средоточием города, был в нем главною церковью. Как таковой, св. Феодор был предметом самых теплых забот жителей и в числе их самих князей, местом их молитв и исключительных церковно-гражданских событий. Не без основания он, а не другой-какой храм удостоился чести стать первым селением явленной на Запрудне иконы Богоматери. Великий князь Василий Ярославич после того, как деревянная

Трудно определить, о каком нашествии татар говорится в повести. По крайней мере, в летописях на это нет точных указаний, но, можно думать, что это было нашествие не татарских полчищ, а «бесерменских» купцов с охранными отрядами, которым татары отдавали на откуп дань с русских областей. В Софийском Временнике (ч. I, с. 271-272) под 6769/(1261-1262) гг. есть сказание «в лето 6770/1262) избави Бог от лютаго томления Бесерменскаго люди Ростовския земли, молитвами святыя Богородицы, и вложи ярость христианом в сердце, не терпящим насилия от поганых; и созвониша вече, и выгнаша из городов: из Ростова, из Володимеря, из Суздаля, из Ярославля и из Переяславля. Откупаху бо ти окаяннии Бесермены дани у Татар и от этого велику пагубу людем творяше. Видевше же се, благий человеколюбец Бог наш и моление Матери послушав, и избави люди своя от великия беды милосердием своим ... и полком посланным (от татарскаго хана) поплениху христианы, и беша тогда велика нужда от поганых, и гоняху люди, веляху с собою воинствовати...» (Сравн. Воскр. лет. Т. VII, с. 163). Изгнанные из других городов Бесермены со своими дружинами, или посланные из орды в отлучение за изгнание Бесермен татарские отряды и могли напасть на город Кострому, которую также «избави Бог молитвами

церковь Феодора Стратилата дважды не в долгих сторепа, задумал «воздвигнуть церковь каменную соборную» на новом месте, «внутри града» - в кремле, «во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успения» с приделом, в диаконике ея, в честь великомученика Феодора Стратилата и перенести в нее чудотворную икону Богоматери. В его средствах и силе было осуществить на деле задуманное предприятие, устроить новый храм, оградить его рвами и земляною осыпью, создать из Костромского кремля образцовую по тому времени крепость, за стенами которой в XIV-XV стол. укрывались от врагов и среди собственных усобиц сами собиратели Руси - московские князья, а в XVI-XVII вв. лучшие люди, знатные и богатые, имели на случай лихолетья свои осадные дома. Но не во власти Костромского, хотя бы и великаго князя, было переместить разом центр церковно-общественной жизни целого и немаленькаго города, заставить жителей и в числе их соборян внезапно и безпричинно покинуть предками насиженные места, забыть вековую святыню. Понадобилось пройти не одному столетию, чтобы часть жителей постепенно разраставшагося древнейшаго поселения естественно отлила от устья Костромы в направлении князем с боярами заложенаго города; чтобы связанные с храмом св. Феодора - этим старым палладиумом города священные воспоминания сами собой перешли в новый каменный «Пречистыя Богородицы чудотворныя иконы Феодоровския собор». Будучи поначалу филиальным отделением возобновленной после пожара церкви св. Феодора, последний долгое время был по существу своего рода выставочною церковью, не имел первостепеннаго церковно-богослужебнаго значения в городе.

А. П. Голубцов. Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери. Журнал «Богословский Вестник». Сергиев Посад. 1911. Т. III. Октябрь, с. 364-371. (Реферат, читанный на историко-археологическом съезде в Костроме в 1909 г.)

и помощью Святой Богородицы», по выражению летописца, от нападающих агарян (татар).

Немного времени спустя после сей победы над татарами, говорит повесть (I и II ред.) «паки погоре соборная церковь великомученика Феодора Стратилата». Сбежался народ, уведомили князя: он поспешно явился на пожар и, когда употребляли все усилия, как бы спасти от огня чудотворную икону, вдруг увидали, что она стоит на воздухе над пламенем пожара. Страх и трепет наполнил сердца зрителей: они думали, что Богоматерь оставляет Кострому, как прежде оставила Городец. Князь, духовенство и весь народ, пали на землю и со слезами молили икону, «дабы града их не оставила без помощи и заступничества». Пресвятая Богородица, внявши воплям и воздыханиям, умилилась над рабами своими, и чудотворная икона ниспустилась с воздуха на землю. На месте пожарища князь тогда же повелел воздвигнуть новую небольшую деревянную церковь во имя св. великомученика Стратилата, «да поставися в ней сия икона на время некое». И стояла святая чудотворная икона в сем храме за престолом до того времени, когда был устроен в Костроме новый каменный собор «внутри града во имя Богородицы честнаго ея Успения, яже на той день прииде сия икона от Городца на Кострому» (I и II ред.). В тот каменный собор и перенесена св. икона, в нем находится и до сего времени.

Так сходно рассказывают два автора, - проповедник и агиограф, - о явлении Феодоровской иконы Богоматери в г. Костроме и обстоятельствах, вскоре последовавших за этим явлением. Ясно, что один из авторов заимствовал содержание повести у другого, и с большей основательностью можно полагать, что свящ. И. Милютин во время своей поездки в 1640-1646 гг. из Сергиевой Лавры добыл для своего Четъ-Минейнаго рассказа, может быть, даже от самого автора, костромского протоиерея Феодора, богослужбное «слово о чуде си и явлении» Феодоровского образа Богоматери и лишь сократил его, отбросив проповеднический элемент.

Кроме упомянутых двух редакций повести о Феодоровской иконе Богоматери, есть еще более краткая редакция - «проложная».

В первый раз в этой редакции «повесть о иконе Пресвятыя Богородицы Одигитрии, нарицаемая Феодоровския, яже на Костроме», напечатана была в прологе при царе Алексие Михайловиче в 1662 г. под 14 марта, и с тех пор она печаталась во всех изданиях Пролога, а затем и в прибавлении к новой службе Феодоровской иконе Богоматери, изданной в 1778 г. В рукописном виде повесть этой редакции можно встретить очень редко, так как она, по-видимому, вскоре же после своего составления, была

напечатана в Прологе, да и составлена-то она, вероятно, была в таком сжатом виде нарочно для первого печатного Пролога. Один рукописный список этой редакции помещен в сборнике библиотеки Петербургской Духовной Академии за № 280 на л. 83. Сборник этот носит название «Сказания о российских чудотворцах», расположенные по месяцам и числам года. Он представляет рукопись в 4-ку на 182 л. без начала и без конца, переплетенную в кожу с досками, писанную полууставом XVII в. По листам рукопись скреплена весьма неразборчиво надписью: «Сия книга глаголемая пролаг Нерехтского уезда (очевидно Костромской губернии) села Кузьмодемьяньскаго Кормолейка тож попа Михаила Федосеева, а хто тое книгу унесет или завладеет каким насильством своим и тот будет проклет и не наследет себе царства небеснова а сию книгу подписал поп Михаила Федосеев своею рукою». Ясно, что эта рукопись попала в Петербургскую Академию из Нерехтского уезда Костромской губернии. Надо полагать, что с

подобной рукописи, составленной, по-видимому, не ранее начала второй половины XVII в., повесть внесена и в Пролог печатный 1662 г. В Прологе, напечатанном в первый раз при царе Михаиле Феодоровиче в 1640-1643 гг.⁵⁴, а равно в Прологе, изданном в 1660 г. с исправлением Чудовского справщика, монаха Евфимия, (оригинал собст. Московск. Дух. Академии) этой повести ни под 14 марта, ни под 16 августа нет. Есть список этой редакции в рукописном Прологе, написанном около 1700 г. и хранящемся в собр. рукописей Митр.

Макария в библ. Киевск. Духов. Академии под № 26. на л. 82. Наконец, третий такой же список находится на 157 л. обор. в рукоп. сбор. Москов. Синод. библ. из Симоновск. собр. за № LXIV, имеющем заглавие «Сборник исторический, содержащий страсти Христовы, сказания об иконах Богоматери» и т. д., написанном разными руками то полууставом, то скорописью XVII в.

Кем составлена повесть в этой редакции, данных для решения этого вопроса нет.

Повесть эта представляет сухое, сжатое, без всяких лирических излишаний изложение следующих фактов, более подробно изложенных в первых двух редакциях сказания: 1) «явление великому князю Василию Костромскому и Галичскому» 16 авг. 1239 г. в лесу «на соснове древе», во время охоты, иконы Пресвятыя Богородицы и перенесение ея с крестным ходом протопопом и священниками в соборную церковь св. великомученика Феодора Стратилата; 2) сообщение пришедших в храм св. Феодора помолиться богомольцев: «яко мы вчера видихом сию икону несому сквозь град наш воином неким: подобен же тот воин видом великомученику Феодору Стратилату»; 3) повеление

великаго князя «на месте том, иде-же обретесе икона, церковь возградити во имя Нерукотвореннаго образа Иисуса Христа и монастырь»; 4) сообщение «по некоем времени» жителями Городца, пришедшими в церковь помолиться, что эта чудотворная икона Богородицы до нашествия Батыя находилась в Городце и «многая чудеса быша там от тоя иконы»; 5) три чуда от явленной иконы в Костроме: «дважды бо церковь сторе, икона же она не-вредима пребысть от огня, и победа «князя великаго Василия» над татарами, устрашенными огненными лучами, которые исходили от иконы Богоматери; наконец, 6) повеление «потом» со стороны «великаго князя» (без имени) устроить соборную каменную церковь во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения.»

Начинается повесть словами: «В лето 6747, во дни великаго князя Василия Костромскаго и Галичскаго, рекомаго Квашня, ... сия чудотворная икона обретена бысть и принесена во град Кострому», а кончается: «и оттоле нача именоватися икона Пречистыя Богородицы Феодоровская, и многая чудеса творит с верою приходящих к Пречистыя ея образу и до сего дне, о Христе Иисусе Господе нашем ему слава во веки веков, аминь».

Таким образом, все повести или сказания о Феодоровской иконе Божией Матери, появившиеся в разное время в трех письменных редакциях, составлены и написаны не ранее первой половины XVII в. Не ранее, как к началу XVII в., можно отнести и составление службы, нарочито приспособленной к событию явления чудотворной Феодоровской иконы Пресвятыя Богородицы.

Возникает вопрос: что же вызвало в XVII в. появление особой службы и стольких рукописных изданий повести о Феодоровской иконе Богоматери, и притом в разных редакциях? Не вызвано ли было оно требованием времени? Ответ может быть только положительный. Вспомним, что после того, как великая инокиня Марфа Иоанновна в достопамятный день 14 марта 1613 г. благословила на царство своего сына Михаила Феодоровича, вручая его покрову Феодоровской иконы Пресв. Богородицы, этот день стал для костромичей столь же священным, как для предков

их - явление чудотворнаго образа. Поэтому, согласно распоряжению новопоставленнаго царя Михаила Феодоровича, и в Москве, и в Костроме установлено было праздновать Феодоровской иконе Богоматери, склонившей волю матери будущаго царя согласиться на избрание сына ея в Самодержца России, в 14 день Марта, и в этот же день - совершать службу, положенную на 16 августа. Понятно, что с того времени и слава чудотворнаго образа, имевшаго

великое и решающее значение в важнейший момент нашей истории, проникла за костромские пределы, и общее внимание к образу, его чудесам и явлению, было возбуждено более, чем когда-либо. Поэтому, если до сих пор довольствовались общею службою «Живопринемному Источнику» и устным преданием, то понятно, что с этим событием явилась потребность иметь и в Костроме, и в Москве как особую службу чудотворной иконе Богоматери, так и определенное письменное о ней сказание. Особое внимание царя и патриарха к этой иконе вызывало потребность в ее поновлении в 1636 г. А обилие чудес после обновления служило лучшим подтверждением древних чудес и преданий, и поэтому на память потомству и во славу Божию эти

чудеса были подробно описаны, что мы и находим в повести первой самой полной редакции.

Итак, в течение многих веков история костромской святыни хранилась, главным образом, в ненаписанном народном предании, которое в такое продолжительное время, естественно, могло значительно затемниться, допустить некоторые анахронизмы и исторически неточности. Это, действительно, мы и замечаем в отношении к вопросу о времени явления иконы в Костроме, в родословной князя, которому явилась икона, и в дальнейшей истории храма Феодора Стратилата.

Первый и дальнейший вопрос в истории явления - есть точное название лица, времени и места этого события.

Во всех списках повести обо всем этом есть ясныя свидетельства, хотя в некоторых частях не вполне согласныя с другими историческими данными. Безспорно только то, что святую икону обрел князь Василий в лесу на сосновом дереве и 16 августа. Что касается, прежде всего, года

Часовня на Святом озере

При сем Великом Князе Василие Квашне Татары во множестве приходили к Костроме. Великий князь, хотя и мало имел войска противу неприятеля; но с помощью Божию решился защищать город, и устроив полки свои, укрепил мужество воинов верою и упованием на помощь явленной иконы, которую вынес пред войско, предложив встретить неприятеля, на доущая до города В 3-х верстах от города Костромы, на берегу озера, храбро встретив многочисленнаго неприятеля, разбил его, прогнал, освободил множество Россиян, взятых в плен Татарами, и поставил крест на том месте, где святая икона стояла во время сражения.

Взгляд на историю Костромы, составленный трудами князя Александра Козловскаго. М. 1840, с. 15

6747/1239, в котором, по свидетельству первой и третьей редакции повести, князь Василий обрел святую икону, то это не только подлежит сомнению, но, ввиду других исторических данных, является полным анахронизмом. В повести сказано, что икону обрел Костромской и Галичский великий князь Василий Квашня, между тем, из летописей известно, что князь Василий, которому Кострома была назначена в удел Владимирским великим князем Ярославом Всеволодовичем, только родился в 1241 г., следовательно, в 1239 г. его не было на свете. Из истории известно, что до нашествия Батые в 1238 г., во время которого были разорены Городец и Кострома, последняя находилась во владении великого князя Владимирского Георгия Всеволодовича. В 1238 г. в битве с татарами на реке Сити этот князь был убит. После него великим князем сделался следующий сын Всеволода (Большое гнездо) Ярослав Всеволодович, во владение которого и перешла Кострома с 1238 по 1246 гг., когда этот великий князь умер по дороге из орды. В 1246 г. фактическим владельцем Костромы, которая с того времени в первый раз сделалась самостоятельным удельным княжеством, явился самый младший сын Ярослава Василий Ярославич, по прозванию народному Квашня. Таким образом, явление Феодоровской иконы этому князю не могло быть ранее этого времени.

Поэтому составитель второй редакции повести Милютин, как начитанный историк, рассмотрев летописные данные, относящиеся к данному вопросу, уже исправил эту неправильную хронологическую дату; именно он перенес год 6747/1239 с момента явления иконы в Костроме (по I ред. повести) ко времени нападения Батые на Городец, а о самом времени явления иконы в Костроме оставил вопрос открытым, сказав лишь, что чудотворная икона

принесена была от Городца града на Кострому великомучеником Феодором Стратилатом во дни великого князя Василия Костромского и Галичского.

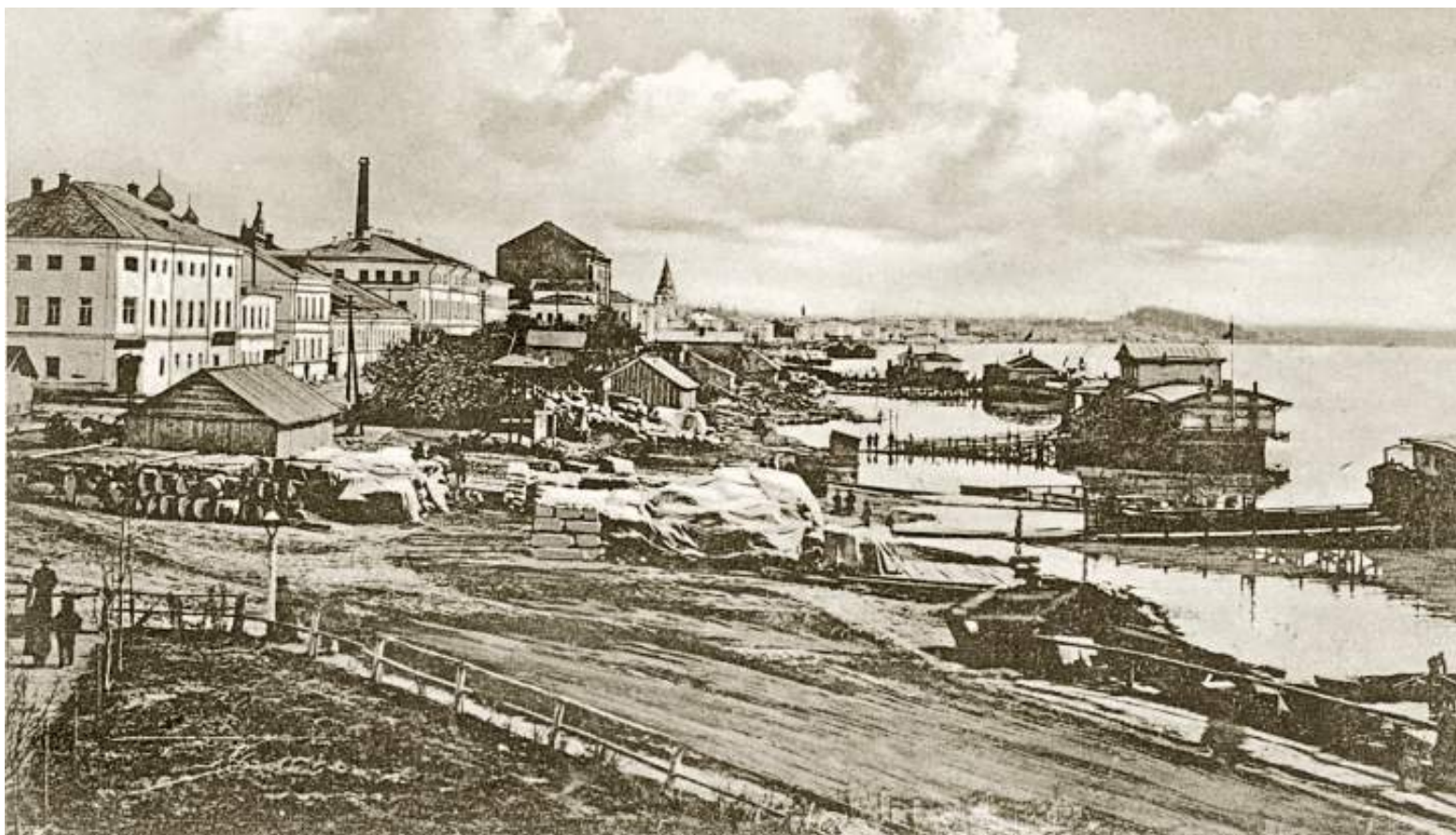
Исправил он и явную ошибку в имени великого князя, назвав его, согласно с летописью, - «великий князь Василий, рекомый Квашня». Почти во всех списках первой редакции (за исключением Погодинского) и даже в некоторых позднейших списках и Милютинской редакции князь Василий именуется сыном великого князя Георгия Ярославича Владимирского и внуком Александра Невского; но, очевидно, что это родословие есть не что иное, как ошибочная вставка в повесть, плод искаженного народного предания. Неизвестно из истории, чтобы великий князь Георгий Всеволодович (+ 1238 г.) когда-нибудь прозывался Ярославом или Ярославичем, в числе сыновей у него Василия не было, по крайней мере, никакие летописи об этом не говорят⁵⁵, а если бы и был, то он приходился бы двоюродным братом Александру Невскому, а не внуком, как говорится в вышеупомянутых списках повести. Следующий, после смерти Георгия, великий князь Ярослав Владимирский, в Костроме не жил и Василием не назывался, а назван был при крещении Феодором. Очевидно, что Феодоровскую икону Богоматери обрел князь Василий, но сын не Георгия Ярославовича, а только Ярослава Владимирского, прозванный Квашня, и не в 1239 г., а много позднее. Он же был и первым князем Костромским, к нему же в 1272 г. перешло звание великого князя, которым он и был до дня своей смерти в 1276 г. Все время своего княжения он жил, умер и погребен в г. Костроме в церкви Феодора Стратилата, Александру Невскому приходился он не внуком, а родной брат. Отсюда видна ошибка писателей повести первой и третьей редакции.

Чудотворною иконою послы святое и тому месту и озеро Святое именуемо и потом на месте том поставиша весь Святое именуемо по тому месту и до сего дни. И великий князь возвратися во град с великою победою. с ним и непреоборимая заступница наша Владычица Богородица чудотворная икона и поставиша ю паки на томже месте и певше молебная и благодарныя песни воздаша и много о сем благодаривше Бога, еже Господь Бог не презре моления и прошение их исполни Пречистая владычица наша Богородица крепкая помощница всему миру. и по сем мало время преиде и паки погоре соборная церковь великомученика Феодора и в то время пребисти сия чудотворная икона на воздухе никим держима мно, яко не видимо Ангели служажу ей и держажу ея. И тогда много молиша со слезами сию чудотворную икону великий князь и весь священный собор и все людское множество. дабы града нашего не оставила без помощи и заступления и в том часе сниде к ним с воздуха и повел великий князь малу церковь поставити на погоревшем месте во имя великомученика Феодора вскоре уже и бысть да поставися в ней сия чудотворная икона на время етеро.

И великий князь сотвори совет со гражданы, да поставися каменная церковь внутри града во имя Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго

ея Успения еже на той день прииде сия чудотворная икона от городца на кострому а великомученика Феодора церкви да будет в пределе еже и бысть. и егда совершиша каменную церковь внутри града во имя Пречистыя Богородицы честнаго ея Успения а в пределе великомученика Феодора и сию чудотворную икону с подобающею честью принесоша от церкви великомученика Феодора в созданную каменную во имя ея новую церковь и поставиша подле царских дверей, против праваго клироса да вси приходяще милости просят от нея просяй же с верою и приемлют. никто же бо с верою просяй и тощ отходям. Понеже бо Господь Бог и тоя Сын предаде сей чудотворней иконе во одержание и в снабдение сих града и с пределы его от поганых наития и всякими раличными недуги к Богородицыне иконе приходяще с верою исцеление приемлют и егда освятиша храм во имя Пресвятыя Богородицы и отголе нача имноватися сия многочисудесная икона Феодоровския яже до днесь именуема, посему еже принесоша от дреней соборныя церкви великомученика Феодора внутри града в созданную во имя ея соборную церковь; и о сем до зде слово.

Взгляд на историю Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. М. 1840

Волжские пристани в Костроме. Старое фото

Точно так же ошибочно в повести Василий Квашня называется великим князем Костромским и Галичским; известно из истории, что Галич никогда во владении Костромы не был.

Когда же было событие обретения Феодоровской иконы?

Известный костромской историограф прот. П. Островский склоняется отнести его к годам великаго княжения Василия Ярославича (1272-76 гг.)⁵⁶. Но, по нашему мнению, это событие возможно отнести и к более раннему периоду, когда Василий Ярославич еще не был великим князем, хотя точно установить год обретения иконы невозможно.

Нет сомнения, что если в службе и повести князь Василий везде и назывался «Великим», то это не значит, что он и в год обретения им иконы был действительно таким: название «Великий» в службе и сказаниях приписывается ему безразлично относительно событий - случились ли они до, или во время его великаго княжения. Он мог называться в народном предании «Великий» при описании и тех событий, которые были при нем, когда он был еще только простым удельным князем. Такое смешанное наименование нередко можно встретить и в житиях святых.

Из повести известно, что одним из славных чудес ново-явленной иконы была победа при помощи Богоматери над татарами. Если принять, что нашествие это то самое, о котором упоминается в Софийском Временнике (ч. I, с. 271-272), с чем согласны и все историки Костромы, т. е. бывшее в 1261-1262 гг., то, очевидно, что обретение иконы в лесу было ранее.

Это же подтверждает и то обстоятельство, что в 1263 г., как говорится в описаниях Городецкаго Феодоровскаго монастыря, в последнем была уже копия, снятая в Костроме с чудотворной Феодоровской иконы, и под сенью этой иконы возвращавшийся из татарской орды великий князь Александр Невский принял в Городце перед своею смертью схиму с именем Алексия⁵⁷.

С другой стороны, обретение иконы не могло быть прежде, чем князь достиг юношескаго возраста, т. е. 17-20 лет, когда он мог один ездить «со псы ловчими» на охоту. Если так, то более вероятный год обретения св. иконы должен быть $1241+17=1258-1261$, против чего не возражает и прот. П. Островский.

Наконец, относительно места обретения Василием Квашнею иконы сказание замечает, что оно было «вне

города» (I ред.), «пустое (т. е. незаселенное) место» (II ред.), «в чаши леса» (I ред.), «внутренняя пустыня» (I ред.), в расстоянии «поприща единаго» (одна верста) от города (во всех списках). Конечно, место, отстоящее от города Костромы на одно поприще (версту), не могло быть столь пустынно, дико и бесплодно, чтобы городские и близгородные жители с разными целями не посещали это место, в котором вьется бойкая речка Запрудня, широко разливающая в весеннее время воды, сообщаемая ей соседними реками Волгою и Костромою. Но никто из посетителей этого места не удостоен был чудеснаго обретения образа Богоматери, принесеннаго сюда накануне воином в одежде прекращенной, т. е. укороченной, «воинской» (I ред.), подобным по виду (все редакции) изображенному на иконе св. Феодору Стратилату, а сподобился этой чести благочестивый и добродетельный князь Василий, и допустила святая икона снять себя с соснового дерева не иному кому, как сонму священнослужителей, которые с великою честью и принесли икону в город, и поставили в соборной церкви св. великомученика Феодора Стратилата на площади во Мшанской улице⁵⁸.

Таково сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Богоматери в разных редакциях повести. Необходимо было остановиться на более или менее подробном исследовании этой повести потому, что чудотворный Феодоровский образ Божией Матери имеет самое великое и существенное значение в истории соборов Феодоровскаго и Успенскаго, и так тесно связывает их между собой, что самая судьба и значение этих храмов неразрывными узами соединены с историей этой местной святыни; даже в исто-

рии всей религиозно-церковной жизни г. Костромы этот чудотворный образ имеет первенствующее значение. Но многое в истории соборов г. Костромы, судьба которых тесно и взаимно связана с топографией самого города, было бы для нас не вполне уясненным, если бы до сего времени мы не имели письменных источников в виде службы и сказаний о Феодоровской иконе Богоматери.

Поэтому и все историки Успенскаго собора и сама г. Костромы одним из первых для своих литературных трудов ставили повесть о явлении Феодоровской иконы, и обстоятельное исследование ее прежде и более всего необходимо было для уяснения истории и взаимоотношения соборов Феодоровскаго и Успенскаго.

Панорама набережной Р. Волги с церковью Рождества Христова на Дебре (Никола Мокрог). 1734 г.

Даже во второй половине XVI в. и в самом начале XVII-го царския жалованныя и разнаго рода святительския грамоты по прежнему пишутся и посылаются в Кострому на имя протопопа «Соборныя церкви Феодора Стратилата». Слов нет, с конца XVI века изредка он уже называется в них и Пречистенским или Богородицким, но нужно было помимо благоговения жителей пред иконою Царицы Небесной, какое-либо стороннее и сильное воздействие, чтобы поставить Успенский собор рядом с Феодоровским и даже выше его. И такая могущественная поддержка была, несомненно, оказана ему Москвою, точнее царем Михаилом Феодоровичем, который «милости ради Пречистые Богородицы, чудотворной иконы Феодоровския», явленной его дому, начал оказывать ему явное предпочтение и в своих грамотах на Кострому писал уже протопопу «соборные церкви Пречистые Богородицы и Феодора Стратилата». Царь Алексей Михайлович, отправляясь, разумеется, от московских порядков, именовал, Костромской Успенский собор «большим» собором. Он имел, конечно, при этом в виду и его высокое, постепенно-выросшее религиозно-общественное значение и его главенствующую в то время роль в ряду других соборов города. Не нужно забывать, что костромския церкви с довольно многочисленным духовенством при них, как и церкви всех остальных более или менее больших древнерусских городов, в богослужебно-административном

отношении делились на так называемые теперь в Москве, сороки, имевшие каждый свой соборный храм. Документально мне известны в Костроме соборы: Троицкий, Вознесенский, а над ними сначала Феодоровский, а потом заступивший его Успенский. Древняя соборная церковь св. Феодора Стратилата на Мшанской улице за Сулою, от времени обветшавшая и исподволь утратившая свое былое значение, не покинутая только своим духовенством, которое еще продолжало жить подле нея и отсюда ходить служить в Кремль, в 30-х годах XVII стол. стояла уже без пения, даже без икон и утвари, которая по необходимости должна была уступить собору Успенскому, а потом, чрез какие-нибудь три десятка лет, и совсем почти исчезла из народной памяти и со стога города. И на долю церковнаго археолога выпала, не скажу, чтобы благодарная задача, при руководстве памятников, в роде повести, нами кратко рассмотренной, разыскивать теперь место, на котором в течение нескольких веков стояла соборная церковь, гадать даже о той самой площади, на которой концентрировалась некогда, жизнь нашего богохранимаго города.

А. П. Голубцов. Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери. Журнал «Богословский Вестник». Сергиев Посад. 1911. Т. III. Октябрь, с. 364-371.

(Реферат, читанный на историко-археологическом съезде в Костроме в 1909 г.)

2-я редакция повести МИЛЮТИНСКАЯ

Месяца августа в 15 день.

Повесть о Препоблагословенней Пречистой Владычице нашей
Богородице и Приснодеве Марии честнаго и славнаго
Ея Одигитрия чудотворныя иконы Феодоровские

(Милют. Четь-Минея
в Моск. Синод. библ. № 808, л. 764-771 об.)

**Сказание о чудотворныя Пречистой Богородице
Феодоровския, како от града Городца пренесеса
на Кострому при вел. кн. Василии, рекомом Квашне
(Самохваловская рукоп. и Толстовская рукоп.)**

...

Како исповем или како хошу написати или что реку или что исповем о всей пречудней иконе или что возглаголю, но еже слышах от многодобре ведуших и иже у себе имуще писание до разорения Литовских людей и аз с ними многажды беседовах и вопрошах их сладце слышах от них и онии глаголаху тако инии инако но мною яко сему быти истине оеже хошу повести сиея коснутися и написати дабы незабвенны были дела Божия и Прчистыя Его Матери нашей Заступницы и Ходатаицы во всемирныя рода христианскаго мже на Костроме граде цельбоносныя и чудотворныя иконы честнаго и славнаго ея одигитрия. сиречь крепкия Заступницы нарицаемыя Феодоровские и како прииде на кострому от Городца града како обрете ю великий князь Василий рекомый Квашня (Спасо-Запр. и Толстовская рук. - сын благовернаго В. Князя Георгия - Ярослава Владимирскаго, внук благовернаго князя Александра Невскаго). Богу попустивши град ради наших, овогда ведром и огнем и гладом и тяжкими скорьбми не токмо телесными но и душевными. Иногда же нашествием иноплемных, еже попусти Бога окаяннаго и свирепаго и прегордаго и безчеловечнаго мучителя Батяя царя на всю Русскую землю, в лето 1239. тогда (Спасо-Запр. и Толстовская рук. - «град Владимир плени и в нем благовернаго и великаго князя Георгия уби». Великий князь Георгий убит татарами нево Владимири, а на Сити) убо плени град Городец и позже его люди в нем посече и весть пусть сотвори. якоже обычай есть пленующим и от того плену и разорения град той запусте и охуде и сия чудотворная икона о ней же и повести сия предлежит не восхоте онамо быти на пуге месте не восхоте Господь Бог наш Иисус Христос прославити Матере своеа образ иконы и дати ей во одержание град Кострому, и с пределы его. Еже и бысть во славу Бога нашего.

Во дни вел. князя Василия Костромскаго и Галичскаго рекомаго Квашня прнесена бысть от Городца града на Кострому великомучеником Феодором Стратилатом. Сия чудотворная икона Богородица понеже в та времена бысть на Костроме соборная церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, что на площадке пришествие же бысть сия чудотворныя иконы Пречистыя Богородицы ... На памяти принесение нерукатвореннаго Образа от Едеса во царь град Поеха Великий Князь Василий на поле со псы ловчими яко же обычай есть ездити и тако бысть вне града яко поприще едино и начаху пси лаяти притужно. Великий же князь на то место ускорити приехати идеже пси лающе притужно абие зреть сию пречудную икону Пречистыя Богородицы и превечнаго младенца на руку ея держаща Господа нашаго I. X. (Толст. - Иисуса Христа), на соснове дереве стоящу. Скоро с коня своего слезе, хотя ю прияти, честная же Богородица икона выспрь горе ста не дасться ему, он же отступи мало от святыя иконы и метание к ней («поклон») сотвори много с усердием и молитвою со слезами пред нею И паки второе покусися восприять и желеаемаго не получи своро вседе на конь и гна до града и возвести о том Протопопу з братиею дабы скоро шед на сие неизреченное чудо. И пришедше видеши сии пластырь чистительный и никем, знаем и ведом и о ем чудашася, яко сия икона откуда и како явися на

пусте месте. Великий же князь сказа им, како обрете ю и хотяше подъяти. Она же Богородица икона не изволи ему восприяти себе. Протопоп же и священцы и диаconi (Толст. рукоп. - облачишася в свящу. одежды) князь и градстии людие поидоша на место идеже явися святыя Богородицы образ чудотворная икона, сотворше молебная пения со кресты идуще облекшеся во вся священныя одежда священницы и диаconi молитвы творяще с кандилы и емиамом подаша сию пречудную икону с великою милостию и понесоша во град. Яко приидоша близ соборныя церкви великомученика Феодора Стратилата в год вечерни, и начаша звонити и поставиша ю во святей церкви. И абие услыша людие мнози начаша приходити и видеши сию пречудную икону глаголюще: яко мы вчера сию икону видохом несому сквозь град наш неким воином, яко того подобие великомученика Феодора и начаша молебная пети Пречистей Богородице Одигитрии и воду святити мнози приемше исцеления различными недузи одержими в той день. И виде Великий князь Василий многая чудеса от иконы Пречистыя Богородицы повел поставити на том месте на нем же обрете икону церковь во имя нерукатворнаго образа Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. И монастырь согради и игумена устрои и братию собра и земли отдели монастырю и вотчину даде на прокормление, да не забвена будут дела Божия Сий монастырь первый на костроме бысть И приехаша людие от Городцу гости будеюще на кострому град и услышаша многие исцеления ис чудотворныя иконы и приидоша во святую церковь великомученика Феодора помолитися и чудотворную икону видети и узнаша и сказаша яко сия чудотворная икона на городце бяше и многая от нея чудеса содеяша.

По сем же мало время преминув, и абие погор соборная церковь великом. Феодора и чудотворную икону мнеша людие яко ту тоже сторе, и о сем бысть печаль князю и всем людем, и по пожар в третий день на том месте погоревшая церкви обретоша чудотворную икону в пепле целу, и невредену и не прекоснуся ей огонь и не вреди ея. И сие скоро поведоша Великому Князю. Князь притече скоро на сие преславное чудо благодарение возсылаху Богу и пречистой его Матери и вси людие стекошася благодаряще Бога о таком чудеси. И повел Великий князь скорбе на том же месте новую поставити во имя великомученика Феодора Стратилата и совершиша. Великий же князь Василий повел чудотворную икону Пречистыя Богородицы древом обделати яко кивотом украси ю серебром и золотом и каменем драгим и бисером утворити ю. И повелел поставити оную в новой созданной церкви внутри алтаря за престолом и освятиша церковь во имя великомученика Феодора Стратилата.

И посем двинушася татарове на русские грады еже пленити их, и поидоша на ГаличЮ и около Галича воеваша, и под Вологду и от Вологды к Ярославлю плениша и от Ярославля на Кострому поидоша, якоже обычай есть пленующим, разоряющим христианское жительство и посещающе люди. И тако была близ града Костромы между двумя реками Волгою и Костромом в мысу, Великий же князь Василий собрался с воинскими людьми против ратных и первые вшед во святую соборную церковь великомученика Феодора Стратилата и пеше молебная со слезами многими и с воплем и с воздыханием из глубины сердца своего избавлении града и православных христиан моляше в помощь призывающе и всех святых, и вспомянув Великаго Князя Андрея Боголюбскаго, како в соборную вождаше чудотворную икону Владимирскую, егда хождаше на брань да помогает ему яко и Болгары с нею повоева и победи тако и Великий князь восприим с собою чию чудотворную икону и поиде противу ратных и повел ю пред полки возити да помогает им. И отидоша от града яко две поприще, или вдале мало у некоего озера и уже близ полки быша межи себе а от нея чудотворная икона возсияша божественныя лучи паче солнечных луч на татарские полки и от тех луч вси смятошася и мнози от них ослепоша. И в то время на них нападоша русские полки, и побиша их множество и русских людей отполониша у них много и распустиша во свояси и бысти тогда радости во граде костроме о победе еже над татарами. И то место, на нем же стояша ...

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

- 39 Более подробно о Городце см. в Историч. Вестн. за 1906 г., т. CVI, с. 276-283, ст. И. Тюменева - От Ярославля до Нижнего; и Историч. сведения о Городецком монастыре, изд. 1849 г. Там же, с. 258-259.
- 40 Там же. В этой новой Федоровской обители, известной под именем Богородице-Радиловскаго общежитнаго монастыря, 14 ноября 1263 г. закатилось «солнце земли русской» - благоверный князь Александр Ярославович Невский. Он возвратился больной после своего четвертаго путешествия в орду и, приближаясь по Волге к Городцу, почувствовал себя настолько худо, что принужден был здесь остановиться. Его поместили в монастырь. Но болезнь через несколько дней так усилилась, что исчезла всякая надежда на выздоровление. Чувствуя приближение кончины, Александр принял под покровом Федоровской иконы Богоматери (в копии схиму с именем Алексия. 14 ноября его не стало. Тело князя было перенесено во Владимир, где 23 ноября совершилось его торжественное погребение.
- 41 Примечание. Такое изображение Пресвятыя Богородицы Одигитрии не есть единственное и едва ли самобытное у нас в России. Известен древний список того же самага типа Богоматери, находящийся на Афоне в соборе Хиландарскаго монастыря. Икона эта представляет точный список во всех деталях типа Божией Матери Федоровской и даже по самому письму (нельзя не обратить внимание на торжественную ... твореным золотом одежд Спасителя и на орнаментацию каем наручней и бахромы мафория и хитона Б. М., относящуюся к началу XVI в, является чрезвычайно близкой к нашей чтимой иконе. Письмо до известной степени характеризует искусство славянских стран Балканскаго полуострова: вохрене красновато-коричневое; складки не разобраны, спутаны и их правильность заменена орнаментикой. Письмо довольно грубо, сухо и лишено плавности. См. в Иконописном сборнике, вып. IV. 1910, «Иконография Богоматери» Н. П. Кондакова, с. 60-62. Там же можно видеть прекрасные снимки этой и Костромской Федоровской иконы Богоматери, и описание генезиса этого типа иконы Богоматери.
- 42 Священник В. Соколов. Описание и крит. разбор рукописей Костромской арх. ком. о явлении и чудесах Федоровской иконы Божией Матери, Кострома. 1901, с. 213.
- 43 Там же, с. 212.
- 44 Последование «Живоносному источнику» в качестве службы Федоровской иконы Божией Матери помещено, например, 1 - в сборнике под № 3909/СХХХVII «Общества любителей древней письменности» в С.-Петербурге, написанной полууставом XVII в. на 613 листах со многими лицевыми изображениями; и 2 - в сборнике под № 13, принадлежащем Костромскому Богоявленскому женскому монастырю и написанном в Ипацком св. Живоначальной Троицы монастыре в 1670 г. по Рождеству Христову. Служба эта и сказание (слово о явлении Федоровской иконы напечатаны И. В. Баженовым в вестнике Арх. и Истории, выпуск XIX. Оба списка службы и сказания вполне тождественны.
- 45 Свящ. В. Соколов - «Описание и критический разбор рукописей (1-й редакции, имеющихся в библиотеке Костромской Ученой Арх. Комиссии, и содержание службы и сказания о явлении и чудесах Федоровской иконы Божией Матери. Кострома. 1901, с. 233-240.
- 46 Начало повести второй редакции, взятое из рукописей милютинской Четьи-минеи, хранящейся в Москве. Синоид. библи. за № 808, напечатано в «Истор. опис. Костромского Успенскаго собора свящ. П. Островскаго в предисл. на с. 6.
- 47 С весьма несущественными и незначительными пропусками эта рукопись переписана рукою прот. М. Диева в его Костр. библиотеке, или собрании старых грамот и разных рукописей, с. 23, которая хранится под № III в библи. Костромского Арх. музея.

Древний образ Богоматери из Хиландарскаго монастыря на святой горе Афон. Вид монастыря

- 48 См. реферат профессора Голубцова - Автор древней повести о Федоровской иконе Божией Матери, напечатанной в Богословском вестнике за 1911 г., окт., с. 364-371.
- 49 Мною просмотрены в Лаврской и академической библиотеках за март и август месяцы все Четьи-Минеи, прологи, многие жития и сборники, которыми мог пользоваться священник Иоанн Милютин, и повести о Федоровской иконе Божией Матери там не нашлось.
- 50 См. «Писцовые книги по г. Костроме 1628 - 1630 гг.» и «Костромские городские церкви и монастыри по писцовым книгам XVII», с. 46-49, в прил. к К. Е. В. 1899.
- 51 См. о Милютине в чтениях об ист. и древностях России. 1891. III, ст. *иерея Арсения* - «Христорождественская церковь в Сергиевом посаде», с. 31-32. Сн. Д. Красина: Четьи-Минеи свящ. И. Милютин, в Московских Универ. известиях. 1870. № 8 и 1871. № 1.
- 52 В 1161 г. летом великий князь Андрей Боголюбский предпринял большой поход в землю Болгарскую. Перед походом Боголюбский князь причастился святых тайн и, припадая со слезами к Владимирской иконе Богоматери, просил у нея заступничества и победы на безбожных агаряны Болгарския. Икону, по своему обычаю, он велел нести перед войском священникам, облаченным в ризы. Князю Андрею был виден луч, исходящий от иконы и осенявший его полк. Поход был удачен, болгарский город Бряхимов был взят, а «прежние города» сожжены. П. С. Л. Т. I, с. 150-151; Т. VII, с. 77; Т. IX, с. 230, Т. XV, с. 235.
- 53 См. прот. П. Островский - «Историческая запис. о Костроме», с. 16 и «Слава Пресвятой Богородицы, открывшаяся в явлениях чудотворной ея иконы». Москва, 1853, ч. 3, с. 13.
- 54 Пролог под № 1027 библи. Троице-Сергиевой Лавры изд.: 1640-1643 гг.
- 55 Что никакого князя Василия Георгиевича не существовало, об этом говорит и известный историк Н. Карамзин. см. у него в прим. 38 к IV т. Истории Государства России. У Георгия Всеволодовича Владимирскаго были сыновья: Всеволод, Мстислав, Владимир и только.
- 56 Прот. П. Островский - Истор. опис. Успен. собора. Предис., с. 15.
- 57 Ср. Истор. Вестник 1906 г., т. CVI, с. 276-283 и в Истор. Вестнике сведения о Городецком монастыре, изд. 1849 г.

Город Кострома. Общий вид с заволжской стороны. Старое фото

ГЛАВА III

Свидетельство повести и иконографических памятников о древнем храме святого Феодора Стратилата в связи с топографией города Костромы

Что говорит повесть о древнем храме св. мученика Феодора Стратилата. Значение упоминания об этом храме как соборной церкви. Спасо-Запрудненский монастырь. Значение княжения в г. Костроме великого князя Василия Ярославича. Иконографические памятники Феодоровской Божией Матери с деяниями, как выразители народного предания о древнем храме св. Феодора Стратилата, и его местоположение в древнем храме. Смерть великого князя Василия Ярославича и погребение его в храме св. Феодора Стратилата. Пожар храма в 1304 г., его возобновление и бракосочетание в нем князя Михаила Тверского в 1320 г. Пожар храма в 1413 г. Сравнение летописного сказания об этих пожарах со сказанием повести. Дальнейшие события, имевшие отношение к истории храмоздательства в г. Костроме. Значение пожара 1413 г. в истории Феодоровского собора. Заключительный вывод.

Разсмотрим теперь, что в повести говорится о древнем соборном храме в честь св. великомученика Феодора Стратилата.

Прежде всего, важно указание повести на самое существование в Костроме при князе Василии Ярославиче соборной церкви во имя этого святого великомученика. В летописях XIII-XIV вв. церковь св. Феодора в Костроме, хотя и неоднократно упоминается, но нигде не именуется соборною. Между тем, существование соборной церкви предполагает, что в городе в это время были и приходские храмы, и таких приходских храмов можно предполагать несколько, потому что, когда обретенную в лесу чудотворную икону в торжественном крестном ходе несли из леса в город, «народи», - сказано в повести, необычный звон «творяще повсюду» и тако приидоша во святую Божию и апостольскую соборную церковь св. великомученика Феодора Стратилата во время вечерняго пения и поставише ю во святой Божией соборной церкви» (I ред.). Последняя потребность в необычайном звоне повсюду и пришествии во время вечерняго пения свидетельствует еще раз о бытии

нескольких, может быть, многих церквей в городе, и о том, что это явление иконы встречено было народом торжественно и радостно, - подняло на ноги все население, так что, по выражению сказания, «начаша приходити вси людие градстии и окрест живуции и скорее крылатых стелкошася множество народа безчисленно к присносиятельному сему чудотворному образу молитися (I ред. - слово о пришествии народы).

А существование многих приходских церквей во главе с собором говорит, что город Кострома был уже в это время, после татарского погрома в 1238 г., вполне отстроен. Существование площади, на которой стоял Феодоровский собор (I и II ред.), и Мшанской улицы, тянущейся до р. Костромы (I ред. повести), еще более подтверждают такое предположение. Между тем, требовалось время на возведение церквей и строений и некоторая уверенность жителей в безопасности. Очевидно, что Кострома к тому времени под управлением великого князя Ярослава уже оправилась после разорения татар в 1238 г. А это лишний раз свидетельствует, что не в 1239 г. было обретение в костром-

Глава III

ском лесу чудотворной Городецкой иконы, а значительно позднее. Слава Феодоровского собора, благодаря помещению в него чудотворного образа, возросла и скоро донеслась до далекого Городца, прежнего обиталища иконы Богоматери. Городецкие купцы, захавшие в Кострому и пришедшие помолиться в Феодоровский собор, сразу узнали свою местную святыню и со слезами молились перед чудотворным образом, глубоко скорбя, что «оставила град их Пресвятая Богородица без помощи и заступления» (слово). Не имея возможности возвратить в свой город чтимую святыню, городчане сняли с нея копию и привезли в Городец, где она хранится в Феодоровском монастыре и глубоко чтится и до сего времени.

Не оставил князь Василий без внимания и того места в лесной пустыни, где обретена была им святая икона: «повел великий князь на том месте на реце, глаголевшей Запрудня, церковь воздвигнути во Имя Господа Иисуса Христа

и монастырь устроити и братию собрати, зане не бысть иного монастыря, но сей первоначальный монастырь на Костроме граде. Даде же им Благоверный и великий князь земли и вотчину братии на прокормление и монастырю на строение» (I ред., ср. с II и III ред.). Монастырь этот существовал в качестве самостоятельного до 1724 г., когда по указанию Св. Синода от 9 ноября, как признанный недостаточно обеспеченным, был приписан к Богоявленскому монастырю, куда велено было перевести и монахов. После окончательного закрытия монастыря в 1764 г., на его месте осталась ружная безприходная церковь, ставшая с 1861 г. приходскою. Этот Старо-Запрудненский, ныне приходский храм унаследовал от прежнего монастыря и чудный, больших размеров, Нерукотворенный образ Христа Спасителя, чтимый в Костроме, как и чудотворный образ Богоматери.

С помещением явленного великому князю Василию чудотворного образа Богоматери в соборный Феодоров-

Спас Нерукотворный. Конец XVI в. Из Церкви Спаса на Запрудне

ский храм, последний сделался не только городским, но и придворным собором.

Во главе всего городского духовенства, среди которого было и до обретения иконы много священников и диаконов, а теперь и игумен вновь построенного первого мужского монастыря, стоял соборный протопоп (см. повесть). Высшим же церковным управлением в Костромской области ведал Ростовский епископ. Все более или менее важные события в семье живущего в Костроме князя Василия Ярославича освящались теперь в соборе св. Феодора Стратилата. Так, например, в 1266 г. в этом храме князь Василий был венчан (Никоновская летопись. Т. X, с. 145). Совершить невиданное в Костроме торжество - бракосочетание князя, - прибыл сам Ростовский Владыка, епис-

коп Игнатий. В первый раз Феодоровский собор был осчастливлен посещением своего Архипастыря, и в первый раз костромитяне увидели архиерейское богослужение литургии и бракосочетания, совершаемого в древние времена обычно вслед за литургией.

Пребывание в Костроме умного, добродушного и благочестиваго князя Василия и дарование костромской церкви и граду небеснаго утешения, неборимой земной силою помощи и заступления в лице чудотворной иконы Богоматери, делали участь Костромы завидною. А особенно возвысилось значение Костромы в то время, когда ея молодой князь сделался, после смерти своего брата Ярослава Ярославича, в 1272 г., по праву старшинства великим

Богоматерь Федоровская со сказанием. Фрагмент. Конец XVII в. Церковь Спаса на Запрудне

К ГЛАВНЫМ ДОСТОПАМЯТНОСТЯМ ВАСИЛИЕВА КНЯЖЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖИТ СОБОР, бывший в 1274 году, когда Митрополит Кирилл приехал из Киева в Владимир с Архимандритом Печерской лавры Серапионом, чтобы посвятить его там в Епископы. Кирилл, знаменитый миротворец Князей и друг отечества, сведав о многих беспорядках в делах церковных, ревностно желал исправить их и созвал для того Епископов в Владимир: Далмата Новгородского, Игнатия Ростовского, Феогноста Переяславекого, или Сарского, Симеона Полоцкого, и, рассуждав с ними, издал церковные правила, коих почти современный харатейный список находится в Синодальной библиотеке. «Доныне, - пишет Митрополит, - уставы церковные были омрачены облаком еллинской мудрости; ныне же предлагаются ясно, и неведение да не будет извинением. Уклоняясь от истинных правил Христианства, какое мы видели следствие? Не рассеял ли нас Бог по лицу земли? не взяты ли грады наши? не истреблены ли Князи острием меча? не отведены ли в плен семейства? не опустошены ли церкви? не томимся ли ежедневно от ига безбожных и нечестивых врагов? Се казнь за нарушение уставов церкви!»

Н.М. Карамзин. История государства Российского

князем. Он не переменял своей резиденции, но, будучи и великим князем, продолжал жить в Костроме. Таким образом, хотя стольным городом великокняжеским считался Владимир, но, так как великий князь теперь жил в Костроме, то фактически Кострома сделалась столицей великого княжения и всей тогдашней русской земли и осталась с этим значением в течение пяти лет, т. е. в продолжение всего великого княжения Василия Костромского от 1272 по 1276 гг. включительно⁵⁹.

Можно с уверенностью сказать, что княжение Василия Ярославича - есть самая блестящая страница в истории Костромы. Получив от своего отца Ярослава Всеволодовича город, обновленный после Батыева нашествия и более или менее укрепленный, он, нет сомнения, постарался украсить свой любимый город, с которым не намерен был расставаться всю жизнь, новыми зданиями: княжескими теремами и воеводскими дворами, и, по примеру других князей,

для безопасности от нападения внутренних и внешних врагов - удельных князей, новгородских ушкуйников, татарских шаек, и т. п., постарался, насколько возможно, лучше укрепить свою резиденцию, особенно в то время, когда сделался великим князем, и положить начало в Костроме той могучей по тому времени крепости, под защиту стен которой, сто лет спустя, укрывались от напавших на русскую землю татар даже московские князья - Дмитрий Иоаннович Донской со всем своим семейством в 1382 г. в нашествие Тахтамыш и сын его, Василий Дмитриевич, в 1409 г. в нашествие Едигея.

В каком виде осталась Кострома после Василия Ярославича, об этом весьма трудно с полной уверенностью, сказать что-нибудь вполне определенное, положительное, так как никаких исторических документов и вещественных

Церковь Спаса на Запрудне, каменный храм при Спасо-Запрудненском монастыре, устроенном на месте явления костромской святыни - Феодоровской иконы Божией Матери

Свидетельство повести и иконографических памятников о древнем храме Ф. Стратилата

памятников от того времени не сохранилось⁶⁰. Народное же предание об устройстве города (кремля) в котором находился древний соборный храм Феодора Стратилата, отчасти выразилось, по-видимому, лишь в немногих иконографических памятниках или иконах Феодоровской иконы Божией Матери с деяниями (чудесами). Но и эти немногие памятники, по свидетельству специалистов, ученых-археологов можно отнести ко времени не ранее XVII в.

Для нас эти иконы важны еще тем, что они вместе с рукописною службою, вероятно, послужили и для составителей «повести о Феодоровской иконе Богоматери» главным руководством в решении вопроса о том, где заключается истина в сложном и разнообразном народном предании касательно чудотворной иконы, так как при разспросах об этой почитаемой святыне народа «овии глаголаху тако, инии инако».

Вероятно, в былое время таких памятников в церквях

г. Костромы было гораздо более, но частые пожары города истребили вместе с деревянными храмами и ценные в историко-археологическом отношении иконы. Но можно предполагать, что сохранившиеся до настоящего времени от XVII в. иконы Феодоровской Богоматери в деяниях писаны не на основании только предания, а и на основании других подобных же икон, до настоящего времени не сохранившихся.

Более древняя икона Феодоровской Божией Матери с деяниями, в которой видится изображение соборной церкви Феодора Стратилата, окруженной кремлем, находится в Костроме, в церквях Воскресенской, что на Дебре, в Крестовоздвиженском Анастасьином монастыре и в Троицком храме близ Богоявленского монастыря.

Другия подобныя иконы - в Ильинской церкви, в Успенском соборе и соборной часовне на базарной площади, в Троицком соборе Ипатьевского монастыря и в других

церквах, - более позднего написания, и их можно отнести к XVIII-XIX вв. Есть еще достойная внимания подобная икона в Феодоровском храме г. Ярославля, относящаяся по письму к XVII в.

Феодоровская икона Богоматери в Воскресенской церкви, что на Дебре, относится учеными археологами к концу XVI или началу XVII в. Икона Богоматери размером около 14 x 11 верш., вставляется в «крыльцы» с деяниями. **Вся икона с крыльцами величиною около 2¹/₂ x 2 ар. помещается в каменном холодном храме в Трехсвятительском приделе с задней стороны иконостаса, ликом к горному месту.** Настоящее невидное помещение этой ценной иконы в храме, построенном в 1652 г. - наводит на мысль, что она осталась от прежнего, бывшего на том же месте деревянного храма, в противном случае в новом храме ей нашлось бы более соответствующее место. Всего на крыльцах изображено 27 деяний, видимо поправленных во многих местах красками в позднейшее время. 19 деяний отно-

сятся к явлению и истории Феодоровской иконы Богоматери:

1) Св. Феодор Стратилат несет образ Богоматери по улицам г. Костромы.

2) Явление Феодоровской иконы Богоматери князю Василию вдали от города в чаще леса на сосновом дереве. К сосне с иконою подъезжает на коне со своею дружиною князь. За полем вдали, в левом углу изображения, видна часть кремлевской стены с башнями, а из-за стены видны княжеские терема и другия городския деревянныя здания с высокими островерхими двускатными кровлями.

3) Изображен тот же пейзаж, но князь Василий уже слез с коня и молится на коленях пред иконою. Свиты уже нет. Она, очевидно, послана в город к протопопу сообщить о чудесном явлении иконы: видна та же часть кремля, пред стенами - валы и рвы, еще ближе к князю - лес.

4) Тот же пейзаж, но икону из леса уже несут священнослужители с крестным ходом к городу.

5) Принесенную в город икону протопоп и князь Василий поставляют в храм Феодора Стратилата, храм деревянный, о пяти верхах с луковичными главами, которые поставлены на полукруглых кокошниках, или бочкообразном покрытии.

6) Первый пожар Феодоровского храма: деревянный пятиглавый храм объят огнем, внизу рисунка видны верхи башен кремля, окружающего пылающий храм, башни с шатровыми покрытиями и бойницами.

7) Князь и протопоп окружены священнослужителями и народом, поднимают найденную в пепле в третий день после пожара икону. За ними ясно видны вал и стены кремля с продолговатыми бойницами и с башнями, имеющими остроконечное шатровое покрытие. За стенами видны городския здания. Князь одет в накинутую на плеча и застегнутую на одну пряжку сверху одежду, нижняя его одежда похожа на священнический подризник, с каймами по подолу. Протопоп облачен в один подризник или подрясник, на голове круглая скуфья.

8) Князь, одетый в прежнюю одежду, и протопоп, облаченный во все священныя одежды, поставляют чудотворную икону во вновь построенном «вскоре» по пожаре храме в честь Феодора Стратилата. Храм по архитектуре несколько отличается от прежнего: он хотя и пятиверхий же, но луковичныя главы поставлены уже на четырехскатных кровлях, покрывающих четырехугольные трибуны, да и покрытие храма, видимо, четырехскатное. Около князя и протопопа видны и монахи.

9) Ясная надпись вверху изображения: «князь же повеле собрати войско против агарян, сам же прииде прежде в соборную церковь Феодора Стратилата и певше молебная пения со слезами».

10) Князь на коне с войском, вооруженным копьями и секирами, в преднесении Феодоровской иконы Богоматери и знамени с четырехконечным крестом, едет от стен и башен кремля. За стенами ясно виден в центре храм Феодора Стратилата, а кругом другие храмы и здания.

11) Сражение русских с агарянами «у некоего озера». Впереди русскаго войска Феодоровская икона Богоматери, от которой сияют огненные лучи, вдали видна часть кремля с пятиглавым Феодоровским храмом.

12) Агаряне, напуганные огненными лучами от иконы Богоматери, обратились в бегство, русские бегут за ними.

13) Князь и русское воинство во главе с чудотворным образом, возвращаясь с победы в город, въезжают в ворота кремля.

14) Икону поставляют на прежнее место в соборный храм Феодора Стратилата.

15 и 16) Второй пожар Феодоровского собора. Жители города, великий князь и священный собор, видя чудотвор-

ный образ, держимый невидимою силою на воздухе, много моляше со слезами сию чудотворную икону, да не оставит без помощи город, и сниде с воздуха на землю (около стен кремля на земной вал) никим недвижима».

17) Совещание князя с боярами в княжеских палатах о построении новой церкви; сам князь сидит на троне в царской одежде со скипетром в руке, а перед ним стоят бояре.

18) Надпись - «Совершился церковь каменная внутри града во имя Пресвятой Богородицы честнаго и славнаго ее Успения, и постави икону в соборную церковь». Внутренний вид церкви: икона стоит в иконостасе или пред ним (неясно), народ молится перед нею. Архитектура храма (верхи) такая же, как и у первого Феодоровскаго собора.

19) Тот же вид и молитва народа: «да кто с верою вопрошит, никтоже отыдет тошъ».

С 20) - 26) начинаются изображения, не относящиеся к Феодоровской иконе Богоматери.

20) Князь, церковный собор и множество народа под покровом Божией Матери, стоящей как бы на амвоне храма в царском одеянии и покрывающей молящихся ей своей верхней одеждой.

21) Явление Богоматери с св. Николаем Чудотворцем в лесу у кладезя пономарю.

22. Рождество Пресвятой Богородицы.

23. Введение Ея во храм.

24. Благовещение.

25. Успение Пресвятой Богородицы.

26. Изображение Богородицы всех скорбящих радости.

27) Вверху над вставной Феодоровской иконой Богоматери большое изображение коронавания Богородицы и Нерукотворный образ Спасителя.

В деяниях есть надписи, в некоторых местах стершиеся, или закрытые новой краскою и олифою. Те надписи, которые возможно прочесть, показывают, что они имеют весьма близкое сходство, доходящее в некоторых выражениях до тождества, с третьей редакцией «повести о Феодоровской иконе», что свидетельствует о том, что составитель повести в своем труде был зависим и от иконографических изображений.

Вторая древняя Феодоровская икона Богоматери с деяниями находится в храме Крестовоздвиженскаго Анастасьяина монастыря (до времени разорения монастырскаго храма в 1919 г.). Она небольшого размера - приблизительно 16х12 вершков, помещалась под стеклом в небольшом киоте, висящем на стене в главном алтаре. Краски сохранились хорошо, контуры изображений отчетливы. На крыльцах изображено 30 деяний, все имеют отношение к Феодоровской иконе Богоматери. На последних 8 рисунках изображены чудеса, совершавшиеся, согласно повестей трех ред., после первого обновления иконы в 1636 г. Следо-

вательно икона написана не ранее второй половины XVII в.

Об архитектуре соборного храма Феодора Стратилата по этой иконе судить нет возможности, но здесь достойны внимания изображения кремля: стены деревянные, бревенчатая, покрытая двухскатной тесовой крышей, с круглыми бойницами, полукруглыми воротами, башнями с квадратными и круглыми в несколько рядов бойницами, башни имеют шатровое покрытие, кремль стоит на возвышенном месте, около стен насыпаны большие валы. Между кремлем и сосною, на которой князь обрел икону, пустое поле.

Третья Феодоровская икона Богоматери с деяниями в Феодоровской церкви г. Костромы, размером около 24x20 вершков Краски на иконе более светлые, чем на прежних иконах: много тонов белых и светлорозовых, что показывает на более позднее происхождение иконы. На ней находится 20 деяний: 18 изображений имеют отношение к Феодоровской иконе Богоматери, 17 и 18 деяния изображают поставление чудотворной иконы в третьем храме, выстроенном после пожара, и молитву народа перед стоящим в храме образом. 19 рисунок изображает, по-видимому, Божию Матерь всех скорбящих радость.

На иконе храм Феодора Стратилата везде пятиглавый, с луковичными главами на круглых шейках. Стены кремля с зубцами, с полукруглыми воротами, квадратными бойницами, башнями с более или менее высокими шатровыми в виде минаретов крышами, оканчивающимися флюгерами или шариками. Стиль построек такой, что их по рисунку можно принять и за деревянные, и за каменные. Надписей над деяниями нет.

Наконец, в иконостасе церкви в городе Ярославле находится хорошей сохранности местная Феодоровская икона Богоматери с 42 деяниями. Так как самый храм выстроен в 1682-1687 гг., то написание иконы следует отнести к тому же времени. Здесь только 8 деяний относятся к явлению и истории Феодоровской Богоматери: 1) св. Феодор Стратилат идет по улицам города Костромы с иконою Одигитрии; встречающийся народ творит земные поклоны, видны стены кремля с башнями; 2) князь Василий Костромской с охотничьими собаками стоит перед образом Богоматери, поставленным на дереве; 3) перенесение чудотворной иконы из Запрудненского леса в город руками священническими, - вдали виден кремль с башнями и храмами; 4) отражение татар, напавших на Кострому, помощью Богоматери; за стеною кремля ясно виден храм Феодора Стратилата; 5) второй пожар Феодоровского храма: икона Богоматери на воздухе над пламенем; 6, 7 и 8) - чудеса исцелений разных больных силою молитвы перед чудотворным образом в Феодоровском храме. Храм Феодора Стратилата везде пятиглавый. В прочих деяниях изображены разные события из жизни Божией Матери, некоторые апокрифы,

чудеса от икон Богоматери в России и Византии. Есть изображение явления иконы Божией Матери на Толге архиепископу Трифону.

Достоин внимания то обстоятельство, что в деяниях, относящихся к Феодоровской иконе Богоматери, башни кремлей изображены с шатровыми покрытиями, а в деяниях, относящихся к чудесам Богоматери, бывших в Византии, покрытия кремлевских башен и виднеющихся храмов куполообразны. Таким образом, как бы нарочно подчеркивается отличие русской архитектуры в постройках от Византийской.

Итак, на всех иконах Феодоровской Божией Матери с деяниями соборный храм Феодора Стратилата изображается пятиглавым с луковичными главами и бочкообразным или четырехскатным покрытием. Храм находится внутри кремля за кремлевскими стенами. Стены кремля деревянные, с четырехугольниками и круглыми отверстиями для боя, башни с такими же в несколько рядов боевыми отверстиями, иногда (на Троицкой иконе) с зубчатыми верхами (признак позднейшего архит. стиля), с шатрообразным покрытием и шпилями (Троицкая икона), в башнях сводчатая полукруглая ворота, перед стенами насыпаны земляные валы и вырыты рвы. Между стенами кремля до места обретения чудотворной иконы частью пустое, ничем не застроенное поле, частью лес. Стены города отстоят от места обретения иконы на некоторое расстояние, по повести - «на едино поприще» (одну версту). Если принять во внимание, что кремль, окружавший Феодоровский храм, занимал Мшанскую улицу (1-я ред. повести), которая тянется от Сулы до р. Костромы, то от стен его, в ближайшем к реке Запрудне пункте, расстояния должно быть действительно не более одной версты. Но это расстояние было бы значительно более, если согласиться с некоторыми историографами⁶¹, что древний храм Феодора Стратилата находился не на площади Мшанской улицы, а рядом с теперешним каменным Успенским собором, и центр города с основания его, окруженный кремлевскими стенами, находился здесь, между Сулой и р. Костромой.

Невозможно, конечно, утверждать, что архитектура древнего Феодоровского собора и кремлевских стен на упомянутых иконах воспроизведена точно такая, какова она была и при великом князе Василии Ярославиче: храм два раза горел и вновь строился, стены и башни кремля тоже горели, ветшали и перестраивались, иконы написаны более трехсот лет спустя после смерти этого великого князя, тогда уже не только не сохранилось остатков древнего кремля, но и самый кремль с новыми стенами и башнями, земляными валами и рвами в начале XV в. был перенесен на другое место. Но необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что архитектура древних деревянных

Свидетельство повести и иконографических памятников о древнем храме Ф. Стратилата

построек отличалась большим постоянством, и иконописцы XVI и XVII вв., воспроизводя древняя постройка храмов, дворцов и кремлей по аналогии с позднейшими деревянными постройками, в главных и существенных чертах воспроизводили действительный тип таковых.

Таково было местоположение древняго храма св. Феодора Стратилата во время княжения великаго князя Василия Ярославича.

Кострома недолго наслаждалась счастьем под управлением добраго и благочестиваго своего перваго и последняго великаго князя, своего обновителя и украсителя.

В 1275 г. великий князь Василий Ярославич предпринял путешествие в орду на показ хану, по установленному тогда обычаю князей русской земли отправляться от времени до времени в орду, чтобы чествовать хана дарами. По возвращении из орды в начале 1277 г. в Январе месяце он скончался на 37 году жизни к невыразимой горести князей и народа. Кострома более всех была поражена горестью, потому что великий князь Василий любил ее более всех городов, изливал на нее свои милости и во всю бытность князем имел в ней свое местопребывание. Он так любил Феодоровский соборный храм и такими крепкими духовными узами был с ним связан, что завещал и похоронить себя в этом храме под покровом великой святыни костромской, чудотворнаго образа Богоматери. Летописцы так повествуют о его погребении: «в январе 1277 г. положиша его в церкви св. Феодора (в Костроме), и ту съезд велик бысть: съехались князь Борис и Глеб, князь Михаил Иванович (сын Иоанна Стародубскаго), князь Феодор Ростиславич (Ярославский, брат Глеба Смоленскаго) и множество бояр; епископ Игнатий (Ростовский), игумени, попове и множество города, яко не слышати пению во плаче мнозе»⁶² по любимом, милостивом и набожном князе.

Таким образом, еще раз Феодоровский собор узрел в своих стенах своего Владыку Ростовскаго святителя Игнатия - в первый раз он приезжал на радостное торжество бракосочетания Костромскаго князя, а второй раз на погребение его же.

Место, где погребен князь великий князь Василий Ярославич и где почивает его прах, в точности неизвестно, но едва ли можно сомневаться в том, что прах его донныне покоится под теперешней каменной церковью Феодоровской (Богоотцевской), на Мшанской улице, устроенной впоследствии на месте древней церкви св. Феодора Стратилата. В церковной летописи Феодоровской (Богоотцевской) церкви, составленной рукою известнейшаго из настоятелей этого храма протоиерея Николая Вихрева, который служил при этом храме более 50 лет (с 27 августа 1825 г.), относительно могилы Великаго князя Василия на обороте листа 53 записано следующее: «из устных преданий получе-

Богоматерь Феодоровская. Аврамов Георгий.
Кострома. 1703 г.

но местным священником Николаем Вихревым, вскоре по поступлении его на должность, сведение от костромских граждан Ивана Пет. Мыльников и Семена Иван. Тютин, лично передавших, что около 1766 г., при рытии фундамента под строившуюся церковь, ныне существующую, была открыта гробница с надписью князя Василия Квашни и опять покрыта землею⁶³. Место это, как они Мыльников и Тютин передавали, находится под царскими вратами Симеоновскаго придела; но записей никаких на это не сохранилось, что могло быть и оттого, что прежде бывшая на этом месте деревянная церковь неоднократно были уничтожаемы пожаром. При этом должно вспомнить и то, что, действительно, в древности обычно под церквями хоронили или князей, или святителей (епископов). Епископия в Костроме учреждена только в 1774 г., и ни один епископ на том месте, где прежде стояла церковь Феодора Стратилата, а теперь стоит каменный Феодоровский храм, погребен не был, неизвестно это и про другого какого-либо князя, кроме Василия Квашни.

Воздав последнюю почесть своему великому князю Василию Ярославичу, Кострома осиротела. На Владимирском столе сел племянник его, сын Александра Невскаго, Дмитрий Александрович Переяславский. Из летописи не видно, чтобы Кострома в это время отдана кому-либо из других князей, а после Василия Ярославича сыновей не осталось. Видимо, она опять в течение некоторого время принадлежала исключительно великому князю Владимирскому Димитрию, который, подобно дяде своему Василию, жил

Икона Феодоровской Божией Матери. 1759 г.

не во Владимире, а в прежнем своем городе Переяславле⁶⁴).

В последующее время Кострома ненадолго имела опять двух своих удельных князей - Иоанна Димитриевича (с 1294 по 1301 гг.) и Бориса Андреевича (с 1302 по 1303 гг.): первый умер в своем родовом городе Переяславле, а последний в Костроме в 1303 г. С 1304 г. Кострома принадлежит князю Московскому Юрию Даниловичу, но в начавшейся из-за великокняжеского престола распри между Юрием Даниловичем и Михаилом Ярославичем Тверским она держит сторону Твери⁶⁵.

По убиении Михаила Ярославича Тверского в орде в 1319 г., Кострома преклоняется пред Москвою. Из «духовной» грамоты Ивана Даниловича Калиты видно, что Кострома составляет уже полную собственность московского великого князя⁶⁶.

Из событий в Костроме за этот период времени следует отметить то, что 23 июля 1304 г. знаменитый Костромской собор святого Феодора Стратилата сгорел в ужасную грозу и тучу, нашедшую с востока. Молния в полдень ударила в главу, долго не отрывался огонь, наконец, до вечерни огонь превратил весь собор в пепел⁶⁷.

Почитая свой соборный храм, как место пребывания чудотворного Феодоровского образа Богоматери, благочестивые граждане Костромы выстроили быстро на месте сгоревшего храма новый собор во имя того же св. великомученика Феодора Стратилата и в новом храме поставили свою новую святыню. Под 1320 годом в летописях повест-

уется, что «венчан бысть на Костроме в святом Феодоре», т. е. в храме св. Феодора, очевидно, вновь после пожара построенном, князь Тверской Константин Михайлович с дочерью вел. кн. Юрия Софиею⁶⁸.

Почему этот брак состоялся в Костроме, а не в стольном Владимире или не в Москве, неизвестно. Но венчание князя в церкви св. Феодора Стратилата свидетельствует, что этот храм и в 1320 г. был соборным, а Успенского каменного собора, очевидно, еще не было; в противном случае князь был бы венчан не в деревянном Феодоровском храме, а в новом Успенском соборе, в котором должна бы находиться и великая покровительница города, чудотворная икона.

Вновь построенный после пожара 1304 г. соборный храм св. Феодора существовал до 1413 г., когда он снова сгорел в числе других 30 деревянных церквей города (Тверская летопись. Т. XV, с. 486).

После этого пожара 1413 г. поблекла слава Феодоровского собора, вместо него была выстроена малая деревянная, стоявшая после того, по видимому, до XVII в., церковь; о ней в Писцовых книгах 1628-30 гг. сказано: «на Суле (речка), у Мшанской улицы церковь стоит без пения Феодора Стратилата, деревянная, клецки».

Икона Феодоровской Божией Матери. Музей А. Рублева

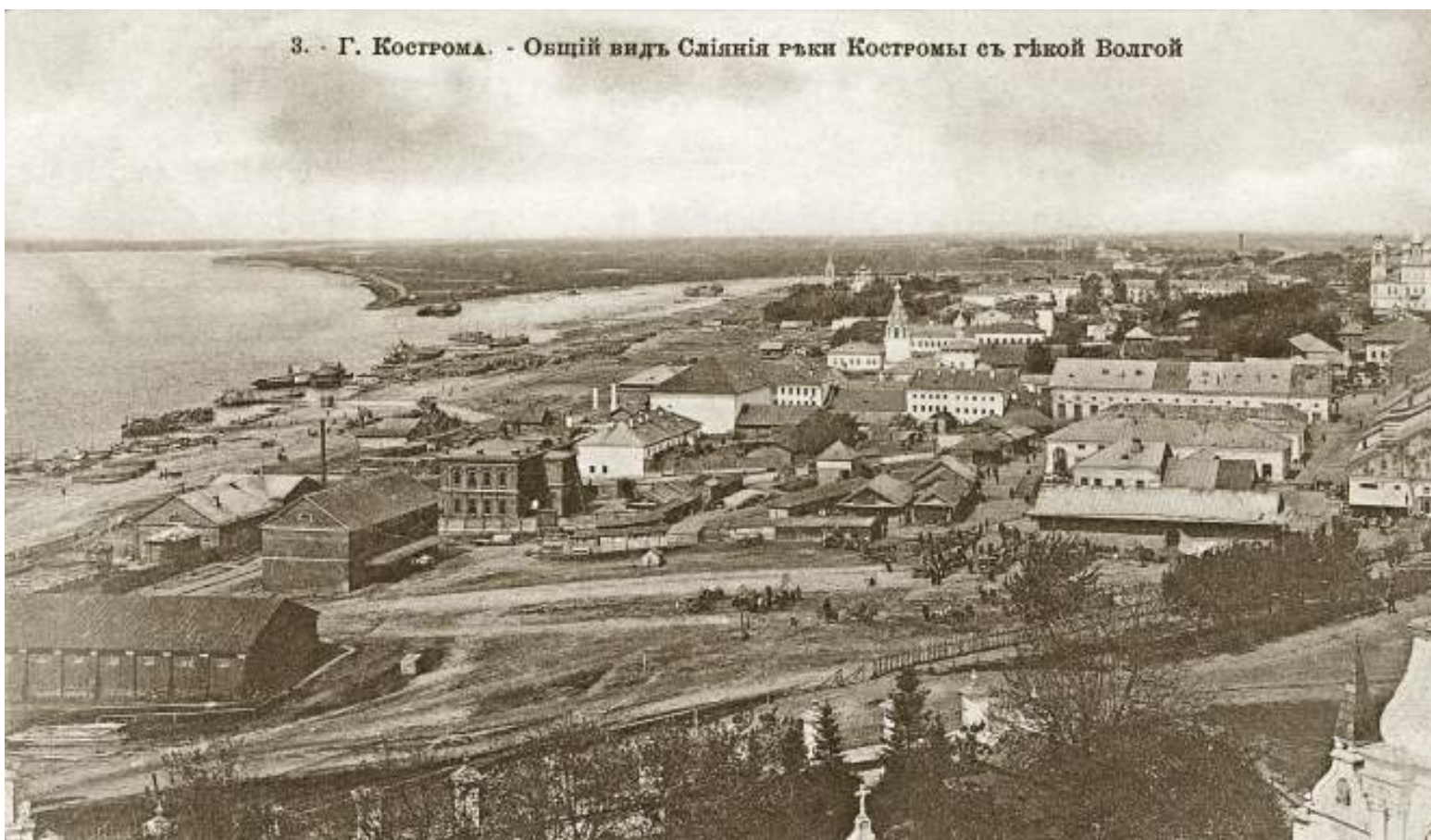

Ипатьевский монастырь. Троицкий собор (1652 г.) и колокольня. Старое фото

Таким образом, летописи за все время существования соборного храма св. Феодора Стратилата отмечают лишь два его пожара - в 1304 и в 1413 гг. Ни о каких других пожарах этого храма ни летописи, ни другие исторические документы не говорят.

Какие же два пожара отмечают все списки «повести о Феодоровской иконе Богоматери»? Очерки города Костромы и Успенского собора стремятся отнести их ко времени княжения князя Василия Ярославича, даже к первым годам после явления иконы этому князю. Но есть ли для этого достаточное основание в «повести»? Повесть, составленная, как нами ранее сказано, из описания нескольких разновременных событий, без точного обозначения их времени и даже с допущением явного анахронизма относительно года явления чудотворной иконы. Относительно

первого пожара храма св. Феодора в повести (в I и II ред.) сказано: «по сем мало время преминув, и абие погореша соборная церковь великомученика Феодора ... И сие скоро поведаша Великому князю (в I ред. - Василию Георгиевичу, а во II ред. - без имени). И повел Великий князь (в I и II ред. - без имени) на том же месте новую церковь поставити соборную великом. Стратилата». О втором пожаре в повести I ред. (см. Вест. арх. и истор., вып. XIX) говорится: «Богу наказующу люди своя, якоже и преди рекохом, овогда нахождением иноплеменник, иногда же пожаром. И паки погоре соборная и апостольская церковь св. великомученика Феодора Стратилата ... И абие внезапно зрит великий князь Василий Георгиевич страшное чудо: образ пресвятой Богородицы на воздухе ... Благоверный и вел. кн. Василий Георгиевич повел вскоре малу церковь деревянную воз-

двигнути на погоревшем месте во имя св. вел. Феодора Стратилата, еже и бысть вскоре, яко да поставится чуд. икона на время некое». В повести II ред. говорится: «и по сем (т. е. после победы над татарами) мало времени преиде и паки погоре соборная церковь св. великомученика Феодора и в то время пребысть чудотворная икона на воздухе ... И тогда много молиша со слезами чудотворную икону Великий князь (без имени) и весь священный сбор ... И повел князь малу церковь поставити на погоревшем месте вскоре во имя великомученика Феодора, еже и бысть, да поставится в ней сия икона на время некое. В проложной же повести весьма кратко сказано: «по сем же (т. е. после посещения Феодоровскаго собора жителями Городца) быша многая чудеса и во граде Костроме от иконы тоя; дважды бо церковь сгоре, икона же она невредима пребысть от огня» - и только... Очевидно и во всех списках повести такая общия выражения, как - «по сем мало времени преминух», «по сем мало времени преиде» и упоминание о великом князе в I ред. повести (слово) с явно ошибочным именем (см. об этом ранее), а во II ред. повести совершенно без имени его - не дают достаточно данных для того, чтобы отнести пожары непременно к годам князя Василия Ярославича, как это

делают очерки.

В течение почти четырехсот лет после явления Феодоровской иконы в лесу на р. Запрудне и до написания «повести» об этой иконе в XVII в. разные времена событий, касающихся Феодоровскаго собора, в народном предании могли перепутаться, и ясность их затемниться, как это вышло и с самым годом явления иконы. Годы 1304 и 1413 в XVII в. в народном предании авторов повести могли вылиться в выражениях - «по сем мало времени преминув» и «мало времени преиде», тем более, что второй пожар соборнаго храма в 1413 г. случился в княжение тожеи великаго князя Василия (Димитриевича), соименнаго Василию Квашне и такога же строителя Костромы, как и его предок.

Поэтому, не более ли основательно будет предположить, что два пожара собора Феодора Стратилата, о которых говорит «повесть», это и есть те пожары 1304 и 1413 гг., о которых упоминают летописи, а во время княжения в Костроме Василия Ярославича Квашни никаких пожаров этого храма и не было. Весьма знаменателен факт совпадения упомянутых событий пожаров хр. св. Феодора в народном предании, службе, иконографии и письменной повести с летописными сказаниями, а неопределенность

Свидетельство повести и иконографических памятников о древнем храме Ф. Стратилата

годов событий в «повести» скорее говорит в пользу нашего предположения, чем в пользу «очерков».

Из дальнейших событий в истории Костромы до последнего пожара соборного храма Феодора Стратилата, имеющих хотя косвенное отношение к этому храму, следует упомянуть, прежде всего, о построении татарским мурзою Четом, родоначальником Годуновых, близ Костромы в 1330 г., во время великого княжения Иоанна Даниловича Калиты (1328-1340 гг.) Ипатьевского монастыря, сделавшегося заметным впоследствии. Хорошая слава этого великого князя привлекла к нему знаменитых людей из разных стран, соседних России⁶⁹: в числе их был и Мурза Чет, выехавший в Москву из Орды. Чет плыл Волгою искать нового отечества. Миновав Кострому, он остановился там, где река Кострома сливается с рекою Волгою (Река Кострома тогда впадала в Волгу гораздо ближе, чем теперь к тому месту, где стоит Ипатьевский монастырь). Пленившись красотой местности, которая в древности была покрыта дубовою рощею, Чет остановился здесь для отдыха от дальнего пути, и татары раскинули здесь свои шатры недалеко

от того места, где их предки за 60 с лишком лет до того времени (1263-1263 гг.) погибли, ослепленные лучами от Феодоровской иконы Богоматери, вынесенной на это место князем Василием Ярославичем. Чет вдруг сделался болен. Борясь со смертью, он усматривает ночью в некотором расстоянии необыкновенный свет. Посланные узнать сказали ему, что лучи исходят от христианской иконы, которую тогда же принесли в шатер больного⁷⁰. Нельзя думать, что Чет не имел более или менее ясных сведений о религии христианской: решившись оставить Золотую орду для службы христианскому государю, Мурза Чет, вероятно, занят был мыслию о вероисповедании тех, среди кого решился проводить свою жизнь, а заболев, он, может быть, дал и обещание креститься, если с помощью принесенной чудотворной иконы Богоматери он будет исцелен. Действительно, Чет скоро выздоровел, крестился с именем Захария, и в память чудесного события воздвиг в 1330 г. на месте видения обитель в честь и славу Св. Троицы, с именем священномученика Ипатия, епископа Гангрского, в день памяти которого, по преданию, было Чету чудесное видение и

Вид на город с Кремлевской колокольни. Старое фото

Глава III

исцеление. Обнесенная сначала дубовыми, а потом и каменными стенами при помощи потомков Чета бояр Годуновых, Ипатьевская обитель скоро прославилась, как великоименитая лавра, а в XVII в. делается колыбелью царственного дома Романовых.

Во второй половине XIV в. несколько тяжких несчастий постигло Кострому. Осенью 1364 г. здесь, как и в других городах, свирепствовала сильная моровая язва, похитившая великое множество жертв. В 1371 г. Кострома подверглась нападению новгородских ушкуйников и даже была взята ими (Архангело-гор. лет., с. 71). Походы этих разбойников новгородских по Волге, как видно из летописей, совершались в это время нередко, и Кострома вместе с другими городами много терпела от них. Так под 1375 г. Воскресенская и Никонова летописи повествуют, что в то время как Московский великий князь Димитрий Иоаннович, во владении которого находилась и Кострома, осаждал Тверь, новгородцы на 70 ушкунях (лодках), числом до 2000, неожиданно явились под стенами Костромы, хитростью (через засаду) победили Костромское войско, во главе которого находился воевода Плещей, взяли город и целую неделю грабили его и злодействовали в нем⁷¹.

Несмотря на все бедствия, Кострома продолжала считаться могучею крепостью, сильною не столько своими деревянными стенами, сколько покровом и заступничеством образа Богородицы.

Поэтому, в 1382 г. во время неожиданного нашествия на Москву Тахтамыша, великий князь Димитрий Иоаннович Донской, не успев собрать для открытого боя с татара-

ми достаточно войска и, надеясь, что твердость стен московских на время задержит неприятеля, сам со всем семейством скрылся не в другом каком-нибудь более известном городе, а в Костроме, в ее высоких земляных укреплениях под покровом Богородицы, чтобы здесь собрать достаточно для борьбы со врагами войско⁷².

В 1389 г., после смерти Димитрия Донского на великокняжеский престол вступил старший сын его Василий Димитриевич. В 1409 г., во время нашествия на московские пределы страшного Эдигея, и этот великий князь, не успев собрать достаточно рать к отражению врага, поступил по примеру своего отца; оставил в Москве грозного монголам Владимира Андреевича, он сам с супругою и детьми убежал в Кострому, надеясь на крепкие стены и верность жителей, а главное на помощь местной святыни (П. С. А. Х, с. 208). Между тем, Эдигей приблизился к Москве и, узнав об отъезде великого князя в Кострому, отправил для преследования его к Костроме тридцатитысячную рать. Татары опустошили многие города великого княжения: Переяславль-Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец и др., сожгли их, ограбили церкви и монастыри, захватили пленными множество жителей, но до Костромы не дошли, а возвратились назад⁷³. Видимо, Кострома обезопасна была от страшного врага покровительством Божией Матери.

Но скоро после того, в 1413 г. Богу угодно было послать и на Кострому страшное испытание: город подвергся такому страшному, уничтожившему старинный кремль и почти весь город пожару, после которого великий князь

Василий не решился возстановить его на прежнем месте, а перенес центр города на другое место, на место нынешних каменных соборов⁷⁴ и здесь построил новый кремль с деревянными же стенами и башнями (П. С. А. Т. Х, с. 231). После этого начинается новый период в области церковного строительства и топографии Костромы. Сгоревший в пожаре 1413 г. вместе с другими 30 церквями и кремлем храм Феодора Стратилата, хотя и был после того «вскоре» возстановлен из развалин, но уже не в качестве главного городского и придворного собора, а в виде небольшой деревянной церкви для временного помещения Феодоровской иконы Богородицы вплоть до построения нового каменного Успенского собора. Превыше слава Феодорского собора померкла,

и его заступает созданный великим князем Василием Дмитриевичем каменный Успенский собор.

Такова судьба соборного храма Феодора Стратилата за первый период его существования до начала XIV в.

Наш взгляд на начальный период в истории древняго соборного храма Феодора Стратилата в связи с топографией Костромы можно резюмировать в следующих общих чертах. С самого основания своего, не позднее второй половины XI века, город Кострома находился на левом берегу реки Волги при впадении в нее реки Костромы, которая в то время сливала свои воды значительно выше теперешняго и ближе к месту, занимаемому ныне Ипатьевским монастырем. В этом месте город был значительно защищен от нападения врагов с трех сторон водою: Волгою, р. Сулою и р. Костромой, а с четвертой - болотами и лесами. Совершенно разоренный в нашествие Батые в 1237 г., город был восстановлен на том же месте великим князем Владимирским Ярославом Всеволодовичем и отдан во владение младшему сыну его Василию Мизинному, прозванному в народе Квашней. Ярославом же Всеволодовичем в честь своего ангела устроен в Костроме соборный храм великомученика Феодора Стратилата и обнесен кремлем. Переселившийся на жительство князь Василий Ярославич Квашня уже более укрепил свою резиденцию. При нем в 1258-1261 гг. случилось в Костроме великое событие - обретение князем в лесу на реке Запрудне чудотворного образа Божией Матери Одигитрии; образ был в торжественном крестном ходе внесен в город, поставлен в Феодоровском соборе и получил наименование Феодоровской иконы Богоматери. С того времени Феодоровский собор был местом пребывания новоявленной чудотворной иконы до тех пор, пока не был устроен Успенский собор. Он был не только городским, но и придворным собором: в нем великий князь Василий Ярославич был в 1266 г. венчан, в нем же в 1277 г. и погребен. Описанное в повести о явлении и истории Феодоровской иконы Богоматери первые три чуда относятся - 1) победа над татарами при помощи чудотворной иконы к 1261-1262 гг., 2) первый пожар Феодоровскаго собора к 1304 г., 3) и второй пожар к 1413 г. Кремль, стены с башнями и земляные валы, окружающие Феодоровский собор, существовали на прежнем месте между р. Сулою и р. Костромою до 1413 г., когда после страшнаго пожара, истребившаго эту часть города, выстроен великим князем Василием Дмитриевичем новый кремль на другом месте (Ник. Лет. в П. С. Л., т. X, с. 231); храма Феодора Стратилата, хотя снова был выстроен на «старом погоревшем месте», но уже «ввиде малой церкви», да поставится в нем чудотворная икона на время некое. Очевидно, великим князем было уже предрешено устроить каменный Успенский собор, а может быть он в это вре-

мя уже и строился. Во всяком случае, древний Феодоровский храм, с устройством Успенскаго собора, уступил честь служить местом пребывания святой иконы новому собору, потерял значение соборнаго храма и, наконец, в XVIII в. и совсем перестал существовать.

О заступившем место Феодоровскаго Успенском соборе и будет речь в следующей главе.

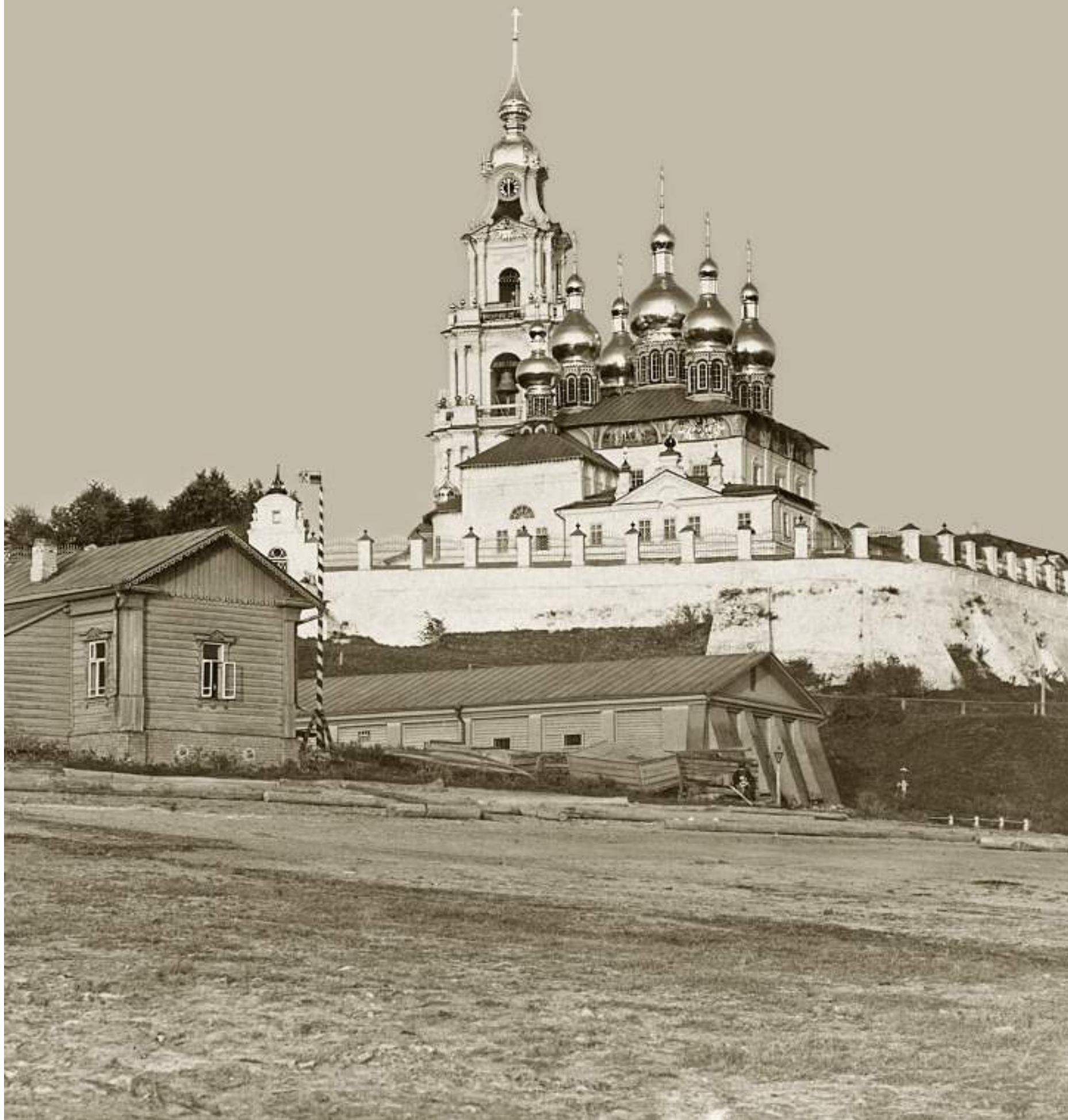
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

- 59 Время великаго княжения Василия Ярославича ознаменовано и для всей русской церкви знаменитым собором, составленным во Владимире в 1274 г. под председательством митрополита Кирилла, прибывшаго в это время из Киева во Владимир. Митрополит Кирилл узнал о разных беспорядках в церковных делах, желал исправить их и с этой целью созвал во Владимире собор епископов, чтобы сообща обсудить все недостатки церковные и выработать церковныя правила. См. История Карамзина, т. IV, гл. 4.
- 60 Построение каменнаго Успенскаго собора, который «Очерки Костромы» стремятся, на основании темных намеков «повести» о явлении Феодоровской иконы Богоматери, отнести ко времени княжения Василия Ярославича, на самом деле, как увидим после, основательнее отнести к более позднему времени.
- 61 Прот. *Беляев*. Статист. опис. цер. Костромской епархии, с. 7.
- 62 Воскр. Лет. П. С. Л. Т. VII, с. 173. Ср. *Карамзин*. Т. IV, прим. с. 152. Географ. словарь *Щекатова*, см. под словом «Кострома».
- 63 Такое немедленное закрытие столь ценнаго историческаго гроба вполне естественно, если мы вспомним тот непонятный, особенный страх и священный трепет, какой и до сего времени питает простой необразованный народ к вырытым, напр. при копании могил для покойников гробам, и даже человеческим костям.
- 64 *И. Миловидов* - Очерки ист. Костромы, с. 44.
- 65 Воскр. Лет. П. С. Л. Т. VII, с. 184. *Татищев*, Ист. Росс., Т. IV, с. 418.
- 66 Собр. госуд. грамот и документов. Т. 22.
- 67 Воскр. Лет. в П. С. Л. Т. VI, с. 184, из Арх. Ком. 1856. *Миловидов*, с. 48.
- 68 Никон. Лет. в П. С. Л. Т. X, 187.
- 69 *Карамзин* - Ист. Гос. Росс. Т. IV, с. 14. Река Кострома тогда впадала в Волгу гораздо ближе, чем теперь к тому месту, где стоит Ипатьевский монастырь.
- 70 Прот. *М. Диев* - Ист. записки о городе Костроме, с. 24 об. (Рукоп. из библ. А. *Титова*, № 4019).
- 71 *Карамзин*. История. Т. V, с. 93. Никоновская летопись. Т. XI, с. 23-24.
- 72 Там же, с. 81.
- 73 Там же, с. 195, *Щербатов* - История. Т. IV, ч. I, с. 190.
- 74 Тверская лет. П. С. Р. Л. Т. XV, с. 486.

Новгородские ушкунники

Кострома. Успенский собор с берега. Старое фото

ГЛАВА IV

УСПЕНСКИЙ СОБОР В ГОРОДЕ КОСТРОМЕ

*Первоначальная история Успенского собора до XVII в. и отношение к нему
за это время храма Феодора Стратилата*

Современный вид костромских соборных храмов. Отсутствие исторических свидетельств о первом периоде существования Успенского собора; повесть о явлении Феодоровской иконы Богоматери, как единственный исторический документ, смутно упоминающий о времени постройки этого храма. Печальные исторические обстоятельства в конце XIII и XIV веков, препятствовавшие росту и красе города Костромы. Археологические данные для решения вопроса о времени постройки Успенского собора. Архитектура подвальной части соборного храма. Решение вопроса о времени постройки основного ядра собора через техническое сравнение кладки его стен с другими древними храмами г. Костромы. Перенесение Костромского кремля после пожара 1413 г. на другое место. Первое основание в новом кремле Каменного Успенского собора в 1415-1416 гг. Зависимость архитектуры Костромского собора от архитектуры Московских (а не Владимирских) храмов. Основная часть собора, сохранившаяся от начала постройки до настоящего времени. Первое помещение в Успенский собор перенесенной сюда Феодоровской иконы Божией Матери. Значение для топографии Костромы и для судьбы древнего храма вмч. Феодора Стратилата постройки Успенского собора после пожара 1493 г. Несудимая грамота царя Феодора Иоанновича от 1586 г. Древний образ св. Ф. Стратилата с изображением местности, прилегающей к древнему храму в честь этого св. угодника.

Самым замечательным памятником наиболее глубокой древности в Костроме служит каменный кафедральный Успенский собор, стоящий уже около пяти веков во главе многочисленных костромских храмов и занимающий лучшее возвышенное место в городе.

Кому из проезжающих мимо города Костромы по Волге на пароходе или переправляющихся через эту реку в город с вокзала железной дороги не приходилось издали любоваться прелестнейшей группой белоснежных, златоглавых храмов, стоящих на крутом левом берегу Волги и обнесенных красивой обширной и высокой каменной оградой, через стены которой выглядывает зелень густых садов. Это и есть костромские соборные храмы, в числе которых и

древний храм в память Успения Пресвятой Богородицы. Его легко отличить от других храмов, так как он стоит совершенно отдельно в северо-западном углу ограды и имеет некоторые архитектурные особенности. Он представляет, можно сказать, куб квадратуры, окруженный с восточной и южной сторон глухими папертями, а с запада предельным храмом Феодора Стратилата; покрыт зелеными четырехскатными крышами и завершается пятью большими луковичеобразными ярко вызолоченными главами. В летнее время, в солнечный день, на главы собора невозможно смотреть - так ярко горят они своей позолотой. Успенский храм можно отличить от других еще и потому, что он, вопреки церковному уставу и обычаю, расположен своими

Глава IV

алтарными полукруглыми абсидами не на восток, а на север, к речке Запрудне, в память явления в той стороне чудотворного образа Феодоровской Божией Матери. Во все время своего продолжительного существования этот собор был и остается главным местом пребывания упомянутой Костромской святыни. Только на зимние месяцы чудотворная икона переносится в соседний теплый храм, выстроенный в самом конце XVIII в.

Рядом с Успенским летним собором стоит этот другой высокий, в два света, зимний Богоявленский соборный храм, с большим куполом на широкой, круглой, с большими окнами, трибуне (фонаре), увенчанный одной главой. К этому собору примыкает массивная 30-саженная колокольня, с большим тысячным и множеством более мелких благозвучных колоколов. Этот храм и с колокольней устроен в 1777-1791 гг.

Первый период истории Успенского собора до XVII века не отличается ясностью по недостатку исторических

Церковь Богоотцовская (Иоакима и Анны) на Мшанской улице. 1711 г.

данных; напротив, он отличается большой темнотой. Немногие данные не столько исторического характера, а более археологического характера, свидетельствуют лишь о том, что собор за это первое время своего существования постепенно рос и благоустраивался, восходил от славы в славу, и был красотою города. В начале XVII столетия Писцовые книги в первый раз открывают нам чудную картину Успенского собора, стоящего в центре укрепленного кремля и окруженного уже монастырями.

Костромские историки XIX в. - Прот. И. Арсеньев, Прот. П. Островский, Прот. Я. Диев, Прот. И. Сырцов, И. Миловидов и др. стараются отнести построение древнего Успенского собора к XII столетию, времени княжения в Костроме великого князя Василия Ярославича Квашни, которым была обретена чудотворная Феодоровская икона Богоматери в лесу на речке Запрудне. Не удивительно

КОСТРОМСКОЙ КРЕМЛЬ И СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ ВОРОТИЛОВ. Успенский собор дважды перестраивался - после пожара 1678 г. и 1775-1778 гг. В результате он увеличился почти вдвое, а его фасады получили элементы декора в стиле барокко. Именно в перестроенном виде собор и запечатлен на многочисленных фотографиях XIX и XX вв. ... Строить новый соборный комплекс в костромской земле взялся Степан Андреевич Воротилов - выдающийся зодчий XVIII в. Он родился в 1741 г. в костромском посаде Большие Соли в бедной мещанской семье. По воспоминаниям современников, он сначала «...занимался с родителем своим рыбной ловлей, потом, обучившись, искусно портному, а после того кузнечному мастерству, вступил в каменную работу и, находясь в подчиненности у подрядчиков, прилежно вникал в свою обязанность; сам собою научился рисовать и чертить планы; наконец, около 30-го году жизни своей по природному влечению без помощи посторонних учителей и наставников сам по себе со вниманием читал геометрию, научился архитектуре, в чем успел и очень усовершенствовал себя на самой практике, имея 4-х братьев и 2-х сыновей, обучил и их тому же художеству, впрочем, все до такого совершенства дойти не могли. Главным делом всей своей жизни зодчий

считал, наверное, постройку в Костромском кремле в 1776-1791 гг. Богоявленского собора с колокольней и восстановление там же Успенского собора XVI-XVII вв. Но в те же 70-80-е гг., когда велось грандиозное строительство, С. А. Воротилова можно было видеть и в Нерехте, где он строил Воскресенскую и Преображенскую каменные церкви, и в селе Яковлевском под Костромой, где он по проекту сооружал церкви Ильи Пророка и в селе Левашове по Ярославской дороге, где он строил колокольню Воскресенской церкви, и в Ипатьевском монастыре, и вновь на строительстве жилого дома И. А. Кокорева на Богоявленской улице (1785), церкви Петра и Павла (1787), соляного магазина (1789) и других зданий. А в конце 80-х гг. Воротилов ездил в Рязань, где по его проекту было начато сооружение соборной колокольни. Последней значительной работой зодчего был Гостиный двор в Костроме (1789-1796). Во время его строительства он тяжело заболел и 14 (27) ноября 1792 г. скончался.

Е. В. Кудряшов. Костромской кремль.
Альманах «Памятники Отечества».
1991, с. 18-19

стремление соборных о. протоиереев возвеличить славу того храма, которому они служили и к которому всей душой были привязаны, указанием на его возможно более глубокую древность⁷⁵; но до настоящего времени не найдено таких исторических данных, которые бы давали бы нам твердое и положительное основание к заключению, что собор устроен князем Василием Квашнею в XIII в.

Единственным письменным источником для суждения о древности Успенского собора, которым руководились все

описатели этого храма, служит вышеупомянутая повесть о Феодоровской иконе Божией Матери. Более же древних письменных документов для решения этого вопроса мы пока не имеем. Между тем, известно, что нет оснований относить составление этой повести ранее XVII в. Повесть состоит из нескольких, соединенных автором ея воедино, народных сказаний, касающихся явленной, чудотворной иконы Богоматери. Заключительное сказание о построении каменного Успенского собора изложено в «повести» так

93. Кострома.

Рынокъ, зеленой рядъ и Соборъ.

ЦЕРКОВЬ БОГООТЦОВСКАЯ (ИОАКИМА И АННЫ). В писцовых Костромских книгах за 1628 г. читаем: «на реке Суле у Мшанской улицы ... церковь стоит без пения Феодора Стратилата, древяна клецки», вероятно, в память того, что на этом месте был некогда Собор Федора Стратилата. Это подтверждается и последующим событием: вместо обветшавшей деревянной Богоотцевской церкви, бывшей близ р. Костромы, благочестивое усердие граждан Костромы решило устроить новую каменную. Благочестивый архипастырь, Костромский Епископ Дамаскин Аскаронский благословил их доброе намерение, но вместе преподал совет - устроить близ р. Сулы церковь каменную (и устроена в 1760 г., а в 1771 г. освящена Епископом Симоном Лаговым) в честь Богоматери Феодоровской иконы на память принесения чудотворного Ея образа, в день явления, с

Запрудни в собор Феодора Стратилата, а придельный храм - во имя Богоотцев, от чего церковь доселе известна под названием Богоотцевской. Вероятно, со времени устроения этой церкви принял начало и потом несколько десятилетий продолжался церковный обряд принесения после литургии в 16 день августа, генеральным крестным ходом, чудотворного образа Феодоровской Богоматери с Запрудни в церковь Феодоровской Богоматери прежде, нежели возвратится крестный ход в Успенский собор. Чудотворный образ оставался в Богоотцевской (Феодоровской) церкви до следующего дня, в которой, по совершению литургии, возвращался крестным ходом в Успенский Собор.

Пр. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М. 1855, с. 31-32

*Костромской кремль. Боявленский собор, колокольня,
Святые ворота и Успенский собор. Старое фото*

сжато и темно, что едва ли можно найти здесь достаточное основание для того, чтобы окончательно решить вопрос о времени построения этого храма.

Вот это сказание (слово). I-я редакция:

«...Благоверный же князь Василий Георгиевич повел вскоре малу церковь деревянную воздвигнути на погоревшем месте во имя св. великомученика Феодора Стратилата, еже и бысть вскоре без медления, яко да поставится в ней сия чудотворная икона на время некое... И паки предиреченный князь совет сотвори с бояры своими и со князи и со всем народом, яко да воздвигнется церковь соборная каменная внутри града во имя Пресв. Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения ... чудотворную икону ... принесоша от древяныя соборныя церкви (Погод. спис. - внутри града Костромы) в новосозданную каменную церковь. И поставиша ю с великим Благодарением (подле царских дверей, против праваго клироса)...» (Вестн. Арх. и Ист., вып. XIX, с. 222).

2-я редакция повести - МИЛЮТИНСКАЯ:

«И абие (т. е. после повеления построить малую церковь на погоревшем месте) сотвори совет Василий князь со гражданы, да ставить каменную церковь внутри града во имя Богородицы честнаго ея Успения; яже на той день прииде сия икона от Городца на Кострому. А великомученика Феодора церковь да будет в пределе, еже и бысть. И егда совершиша каменную церковь внутри града во имя Пресвятой Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, а в пределе великомученика Феодора Стратилата, чудотворную же икону Пречистая Богородицы с подобною честию принесоша от древяныя церкви великомученика Феодора в созданную во имя Пречистыя Богородицы церковь каменную новую поставиша подле царских дверей, против праваго клироса»...

3-я редакция повести - в ПРОЛОГЕ.

«И потом (т. е. после трех чудес) великий князь (без имени) повел устроить церковь соборную во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения. В той бо день принесена бысть икона Богородицына во град Кострому святым великомучеником Феодором Стратилатом. Феодора же Стратилата церковь повел князь устроить в пределе соборныя церкви».

Ясно, что ни одна редакция не занимается мыслию сказать что-нибудь более или менее определенное о времени построения каменнаго Успенскаго собора. Такия выражения, как - «и потом» и «абие», «паки», весьма растяжимы и слишком мало дают данных, чтобы сказать что-нибудь определенное по этому вопросу.

Имени князя, при котором построен был этот храм, во II-ой и III-ей редакции повести совершенно не упомянуто. Не упомянуто оно в этом месте в некоторых списках (напр. Погодинском) и I-ой редакции - слове. А об ошибке никогда

БОГОЯВЛЕНСКИЙ СОБОР И КОЛОКОЛЬНЯ. Самое здание собора, построенное в 1776-1791 гг., вместе с колокольнею, всего за 12 000 рублей, на месте древнего сгоревшего Крестовоздвиженского монастыря, служит зимним храмом и снаружи довольно просто. Это - трехэтажное кубическое сооружение, увенчивающееся куполом на невысоком барабане, прорезанном восемью окнами, разграфленными старинными рамами на мелкие квадратики. Но пропорция этажей, членение глади стен наличниками окон, связанными по высоте между собою одною архитектурною композицией, прелестные детали угасающего уже барокко и переходного к классицизму стиля (фриз, разбитый на триглифы), - делают архитектуру собора очень приятною. Красивые, окрыленные головы амуров украшают фронтоны окон всех пяти полукруглых апсид разной величины. Внутренняя архитектура собора совсем неинтересна. Гораздо красивее колокольня, построенная при соборе его строителем С. Воротиловым вместо прежней, разрушившейся в 1773 г., и представляющая издали фантастическое зрелище нагромождением арок, колонн и всяких украшений. Внушительные три марша лестницы дают впечатление хорошего основания

колокольни; зимой, занесенные наполовину снегом, эти марши создают плавный переход от земли к сооружению, которое кажется как бы вырастающим из массы снега. Карниз первого яруса, в стиле рокайль, украшен богатыми позолоченными завитками; далее в разорванные фронтоны 3-го яруса вставлено всевидящее око с золотыми лучами. По углам каждого яруса - прелестные вазы, тоже позолоченные, с синими горизонтальными полосками. Вазы эти придают очень много фантастики всему облику колокольни, не раз дававшему повод к сравнению с индийскою пагодою. Переход к куполу заполнен часовым циферблатом, выкрашенным в оливковый тон с черною серединою и помещенным на ярко-голубом фоне выгнутой поверхности купола. Красочное сочетание золота с голубым и белым очень приятно, но наводит на мысль, что колокольня была бы еще красивее при двутонной окраске ее в белый и голубой колера. Колокольня и собор окружены оградой, построенной одновременно с ними.

Г. К. Лукомский. Об архитектурных памятниках Костромы и их художественном значении. Альманах «Памятники Отечества», 1991. № 1, с. 64

Успенский собор и основание колокольни

не существовавшего князя Василия с отчеством «Георгиевич» (в большинстве списков I редакции) нами достаточно сказано уже ранее.

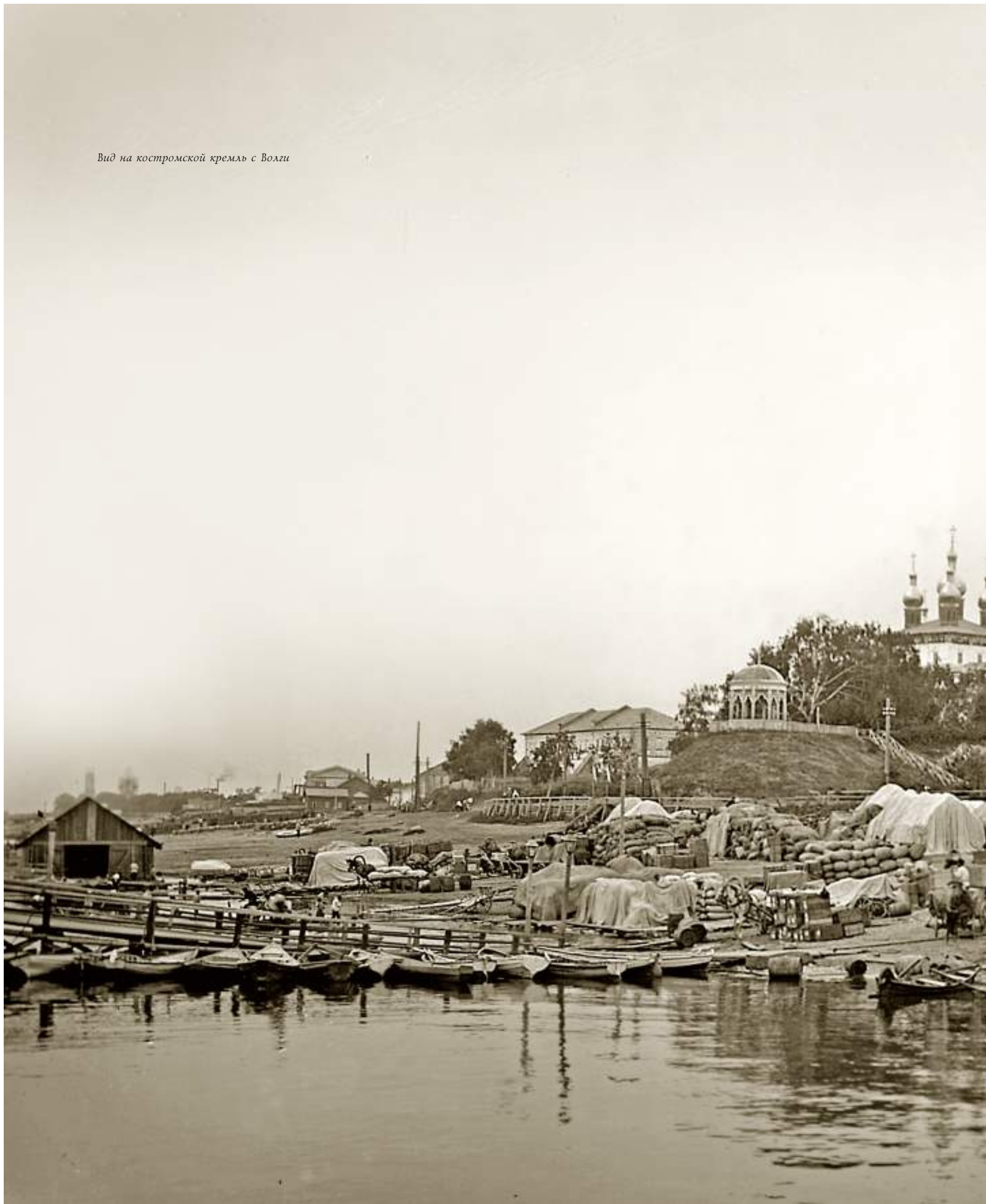
Напротив, некоторые выражения повести, в связи с вышесказанными соображениями относительно древней топографии города, свидетельствуют скорее, о том, что каменный Успенский собор и не мог быть построен при великом князе Василии Квашне в XIII в. В повести (I и II ред.) говорится об Успенском храме, что великий князь «сотвори совет со гражданы, да поставить каменную церковь внутри града ... и совершиша каменную церковь внутри

града ... чудотворную икону принесоша от древния церкви великомученика Феодора в созданную церковь каменную»... Таким образом, по повести древний Феодоровский деревянный собор, в котором первоначально находился до сего времени чудотворный образ, стоял, как будто вне города, не в городском кремле, а за стенами его; новый же каменный собор выстроен в центре города и сюда как бы из загородной церкви перенесена Феодоровская икона Богоматери - это невероятно. Невероятно, чтобы великий князь Василий поставил обретенную им чудотворную икону, которую пожелал иметь главной святыней своего горо-

РОТОНДА. Для входа в Успенский храм, с той же стороны, куда обращен и алтарь его, устроено круглое крыльце - в виде ротонды, с пятью открытыми для входов арками и двумя фальшивыми, образующими углубления. Вид ротонды еще более придают крыльцу пилястры Дорического ордена, расположенные снаружи между арками: фриз под карнизом из мелких сухариков убран триглифами. Крыльцо со сплюснутым сфероидальным сводом, возвышающимся от помоста на 9 арш., при диаметре 11 арш., покрытое листовым железом, с малым колпаком, венчается коробчатой главою с четвероконечным крестом; оно устроено после пожара в 1773 и 1774 гг., вместо прежнего, четырехугольного, которого висячие арки с гирьками утверждались на четырехгранных столпах. С крыльца аркою ведет крытый с пятью широкими, полукруглыми окнами ход во второй этаж ходовой паперти, или галереи чрез лестницу в 14 ступеней. Помост с алтарей до крыльца включительно, наслан чугунными плитами, составляющими весу до 2400 пудов.

Пр. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М. 1855, с. 56-57

Вид на костромской кремль с Волги

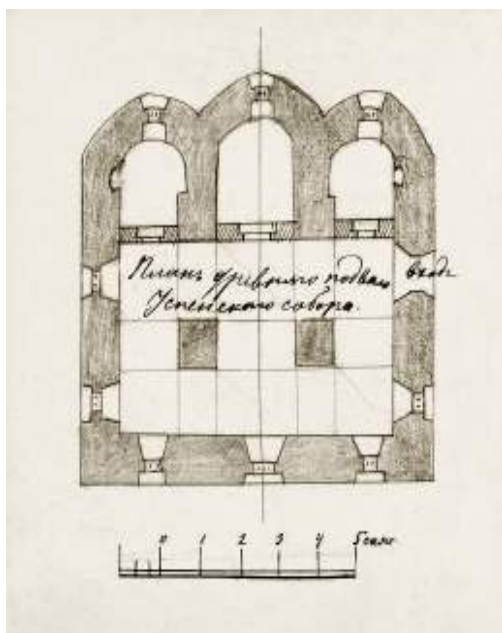

Кострома

Видъ собора съ р. Волги.

План древняго подвала Успенскаго собора

да, в загородной церкви, а не в центральном городском храме. Этого не допускают высказанные ранее топографические соображения и древние иконографические памятники Феодоровской иконы Божией Матери с деяниями. По топографическим данным центр города и кремля находился в первый период существования Костромы не на том месте, где впоследствии был поставлен каменный Успенский собор, а между рр. Сулою и Костромой. Здесь же в центре древняго кремля, а не на окраине города, стоял с самого начала и деревянный соборный храм св. Феодора Стратилата. То же самое подтверждают и иконографические памятники: они все согласно указывают место собора св. Феодора Стратилата не вне города и кремля, а в центре его, внутри городских стен. Только после пожара 1413 г., вследствие перенесения городского кремля в 1415-1416 гг. на новое место⁷⁶, на котором построен был и новый каменный Успенский собор, деревянный храм св. Феодора с поставленным в нем «на время некое» после второго пожара чудотворным образом Богоматери, оказался вне града

и икона «потом» была перенесена из этого храма в новый каменный Успенский собор, находящийся действительно внутри града. На это обстоятельство, очевидно, и намекает указанное место повести. Таким образом, повесть более склоняет нас к предположению времени постройки Успенского собора не в XIII в., а - не ранее XV-го века.

К этому же заключению приводят и некоторые исторические соображения. По смерти Василия Ярославича, до конца XIII столетия и после, были самые неблагоприятные условия для построения нового, дорогого храма. Кострома с 1277 г. до 1293 г. не имела своего удельного князя, составляла отчину Владимирского великого князя, и управлялась княжескими наместниками. Великокняжеский престол после Василия Ярославича перешел к племяннику его, сыну Александра Невского - Димитрию Александровичу. Но вскоре явился претендент на великокняжеский престол в лице младшего брата Городецкого князя Андрея Александровича. Началась братская междоусобица, поездки в орду и подкупы ханов и ханских мурз; снова нахлынули на Суздальскую землю орды татар, началась резня, князья то мирились, то снова ссорились и интриговали пред ханами. Кострома была непосредственной свидетельницей этих кровавых междоусобий и сама трепетала от княжеских неожиданностей. До постройки ли было Костроме нового храма в такое смутное время. В 1293 г., наконец, князь Димитрий Александрович отдал Кострому в удел своему сыну Ивану Димитриевичу. Но сын был не более счастлив. Когда отец его, Димитрий Александрович, лишенный окончательно великокняжеского престола по интригам брата Андрея, наконец, помер, Андрей Александрович, на правах великого князя отдал Кострому своему сыну Борису, а Ивану Димитриевичу предоставил Переяславль, куда он и перебрался. Это было в 1299 или 1300 г. В 1303 г. умер в Костроме и Борис Андреевич. Очевидно до XIV в. обстоятельства весьма не благоприятствовали построению нового каменного собора. Не благоприятствовали они и в течение всего XIV в. С 1304 г. до 1328 г. начинается еще более

Герб города Костромы

сильная междоусобица из-за великого княжения, которая отражалась и на безопасности Костромы. Много протекло других бедствий над Костромою, которые препятствовали росту и увеличению богатства этого города: то пожары, то страшные эпидемические болезни (1353 и 1364 гг.), то нападения новгородских ушкуйников (1371, 1375 гг.) и др. врагов - все это препятствовало городу развернуться в той мере и силе, в какой мы видим его в последнее время.

Нет за XIV век ни одного исторического указания, которое бы делало бы малейший намек на построение или существование в этом столетии в Костроме каменного Успенского собора. Да и в XV и XVI вв. ясных исторических данных об этом храме нет. Есть туманные намеки на построение каменного собора в Костроме в некоторых летописях под 1415-1416 гг., но об этих указаниях скажем после. Только уже в начале XVII в. Успенский собор описывается в Писцовых книгах, как давно существующий, служащий постоянным местопребыванием Феодоровской иконы Богородицы. В Писцовых книгах 1628 г. он записан в ряду многочисленных храмов в самом начале так: «Церковь соборная каменная, во имя Пресвятой Богородицы чудотворная ея иконы Феодоровския. А в церкви образов мест-

... ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ ДРЕВНОСТИ УСПЕНСКОГО ХРАМА может быть и то, что олтари Успенского и придельного храмов обращены не на Восток, по уставам Церкви, но на Север. Этому обстоятельству нельзя дать иного толкования, как то, что Запрудня от Собора почти на Север, и что по этому благочестие Князя и строителей храма, хотело сблизить место нового селения чудотворного образа с местом Его явления так, чтоб простирая молебный взор свой к чудотворному образу, они взирали мысленно и туда, где возсиял для них отрадный свет Божия благоволения в лице чудесного дара Феодоровского образа Богородицы. Эту благочестивую мысль строителей храма некоторым образом свидетельствует живописная картина «явления образа», устроенная в раме, за стеклами, на внутренней стороне Святых врат церковной ограды и видимая из окон алтарных.

Нельзя предположить иной причины такого необыкновенного положения алтарей и потому, что самая местность на стороне этого предположения в пользу благочестивой цели строителей храма. Вход во храм через галерею идет с той северной стороны, куда обращены и олтари, а не с западной (в натуре она южная), как это везде существует. К этому привела уже необходимость: ибо место с западной стороны (в отношении положения храма), составляя обрывистый берег, не представляет не только удобства, но ниже возможности - ни подъезжать, ни подходить к церкви, тогда как с обращением храма постройкою на Восток, вход в него с действительной западной стороны был бы совершенно свободен.

Пр. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М. 1855, с. 47-48

ных: образ Пресвятой Богородицы Феодоровския, в киоте с притворы...»

Очевидно, не имея для решения затронутого вопроса о времени построения Успенского собора, достаточно свидетельств исторических, необходимо обратиться для этого к указаниям археологическим. На областном археологическом съезде в Костроме в 1909 г. было уделено внимание и этому вопросу. По просьбе председателя съезда Н. В. Покровского один из членов съезда, Петербургский инженер и преподаватель истории гражданских инженеров Иосиф Б. Михайловский обследовал стены и подвалы Успенского собора с целью найти хотя бы какие-нибудь следы древней постройки XIII в., но нигде и ни в чем таких следов не нашел: все здание представляется значительно новее и никоим образом не может быть отнесено к тому времени (см. журнал съезда № 8 от 27 июня).

Обследование подвальной части собора показывает, что она состоит из нескольких подвалов, отделенных друг от друга с самого начала их постройки глухими стенами. Через дверь восточной стены, под восточным крылом прилегающего с двух сторон к храму подвала, под папертью, можно проникнуть в главный, центральный подвал церкви, находящийся под центром храма и алтарями; этот подвал, видимо, никогда не соединялся с подвалами, расположенными под другими частями Успенского храма, и самое тщательное обследование стен не обнаруживает ни каких-либо следов каких-либо дверей или проемов в соседние подвалы, заделанных впоследствии. Напротив, имеются ясные указания на то, что стены были некогда наружными стенами. Во всех этих стенах прекрасно сохранились в первоначальном своем виде окна с железными решетками. В плане вся эта часть храма весьма проста. Посредине четырехугольника (почти квадрата) поставлены два столба, которые соединяются подпружными арками, как между собою, так и с наружными стенами. Этими арками все пространство разделяется на девять частей, из которых средняя и две угловые - квадратные, а остальные - прямоугольные. Каждая часть покрыта парусными сводами. Те части (подактарные), которые обращены на север, имеют коробовый свод, закруглены в виде раковины как с внутренней, так и с наружной стороны, и составляют алтарные абсиды. Толщина стен и столбов около 2 арш. 12 верш., и кладка их состоит из весьма слабо обожженного (алаго), но хорошо промешанного и спресованного, а потому довольно крепкого кирпича, размерами несколько превышающего современный кирпич (длина $6\frac{1}{2}$ верш., ширина 3 верш., высота $1\frac{3}{4}$ верш.). Арки и своды устроены из такого же кирпича.

Алтарные абсиды теперь отделены от главного помещения тонкими кирпичными стенками позднейшего происхождения, оставлен только небольшой проход. Фундамент, по видимому, сплошь из такого же кирпича: ни булыжника, ни белаго камня не заметно (хотя немного мы и пробовали разрывать землю). Никаких следов кирпичей, характерных для XIII в., или белаго камня, или соответствующего тому времени способа кладки, не видно. Но, безусловно, эта часть храма представляет первоначальное ядро храма. Другие окружающие его подвалы обнаруживают явные следы позднейших разновременных пристроек: и размером кирпича в стенах (длина 7 верш., ширина 3 верш., высота 2 верш.), и степенью его обжига (кирпич ярко-красный), и более правильной его кладкой на известковом цементе, причем фундаменты сложены на булыжном камне, постройка стен этих частей собора вполне соответствует XVI и XVII вв.

Такие данные обследования привели инженера Михайловского в докладе археологическому съезду к предположению, что построение и всего Успенского собора, по крайней мере надземной его части, не может быть отнесено к периоду ранее XVII в. (журнал съезда № 8 от 27 июня).

Но с этим предположением невозможно согласиться.

Несомненно то, что некогда Успенский собор был значительно меньше настоящего и, войдя в него, молящийся видел лишь два столба, а другие два столба вместе с иконостасом, закрывающим их, или находящимся между ними, составляли северную стену средней части храма, отделяющую эту часть от алтарных низких абсид (теперешний высокий, до сводов храма иконостас, совершенно закрывающий северную стену храма, устроен уже после пожара собора в 1773 г.). Задние (южные) нынешние два столба заменялись вначале сплошной стеною, эта стена впоследствии была разобрана, вместо нея оставлены или вновь складены посередине, на разном расстоянии от боковых стен, новые два столба, храм расширен к югу, и поставлена на расстоянии около 5 арш. от прежней сплошной стены новая, наружная стена. Через некоторое время (в XVII в.) пристроены были с трех сторон глухие галереи-паперти, а, наконец, в 1666 г. пристроен с западной стороны придел Феодора Стратилата.

Когда же положено начало постройки каменного Успенского собора, и когда он был расширен?

Он не мог быть основан по высказанным соображениям в XIII в., но постройку его нельзя отнести и к XVII в. Если сравнить технику кладки кирпичных стен, размер и качество кирпича всех более древних храмов г. Костромы за

Гравюра Садовникова. Богоявленский монастырь в XIX в.

вторую половину XVI в. и за XVII в., то необходимо придется убедиться, что только пристройки собора можно отнести к этому времени, постройку же основного ядра собора - середину его от нынешних задних столбов до алтаря и алтарных абсид, необходимо отнести к более раннему периоду.

Предоставим таблицу кирпичей самых древних построек в г. Костроме.

Ограда Ипатьевского монастыря, более древняя часть ее построена в 1586 г.: размеры кирпича

$$(6\frac{1}{8} - 6\frac{3}{8}) \times 3\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{8} \text{ в.}$$

Колокольня в Ипатьевском монастыре построена в 1603 г.:

$$7\frac{1}{4} \times 3\frac{1}{2} \times 1\frac{3}{4} \text{ в.}$$

Троицкая церковь в Костроме построена в 1645-1650 гг.: $7\frac{1}{4} \times 3\frac{1}{2} \times 2$ в.

Стены Богоявленского монастыря 1642-1650 гг.:

$$7\frac{1}{4} \times (3\frac{1}{2} - 3\frac{1}{4}) \times 2\frac{1}{4} \text{ в.}$$

Воскресенская церковь на Дебре 1652 г.:

$$(7 - 7\frac{1}{2}) \times (3\frac{3}{4} - 4\frac{1}{8}) \times (1\frac{3}{4} - 2) \text{ в.}$$

Вид монастыря после пожара 1777 г.

Главный вход в Богоявленский монастырь по восстановлении после пожара

Богоявленский монастырь. Основан XV в.

Спасская церковь за р. Волгой 1685-1688 гг.:

$7 \times 3\frac{3}{4} \times 2$ в.

Воскресенская церковь построена около половины XVII в.:

$7 \times 3\frac{3}{4} \times 2$ в.

Во всех указанных храмах фундамент выложен на булыжном камне, кладка на извести, кирпич хорошо обожженный (красный). Только в Вознесенском храме алый, слабо обожженный.

Успенский собор. Южная часть храма к р. Волге, представляющая первое расширение собора по направлению к югу (к р. Волге): размеры кирпича: $7 \times (3\frac{1}{2} - 3\frac{5}{8}) \times 2$ в.

Южная галерея-паперть к р. Волге: $7 \times (3\frac{3}{4} - 3\frac{1}{2}) \times 2$ в.

Восточная галерея-паперть: $6\frac{3}{4} \times (3\frac{1}{4} - 3\frac{1}{2}) \times 1\frac{1}{2}$ в.

Придел Феодора Стратилата 1666 г.:

размеры кирпича $7 \times 3\frac{1}{2} \times 2$ в.

Кладка фундамента во всех этих частях собора на булыжном камне, по извести, кирпич хорошо обожженный (красный).

Основное ядро собора с алтарными абсидами:

$6\frac{1}{2} \times 3 \times 1\frac{3}{4}$ в.

Кирпич слабообожженный (алый), кладка по извести без булыжного камня. Ясно, что кирпич в центральной части собора, в основном ядре его, ни по размеру, ни по степени обжига не подходит ни к одной постройке в г. Костроме конца XVI или XVII вв., и единственно только здесь фундамент сложен без булыжного камня, а из одного слабообожженного кирпича. Очевидно, эта часть выстроена в тот ранний период, когда еще мастера не умели хорошо обжигать кирпич, а белаго камня в близком расстоянии от Костромы не было.

Когда же возник Успенский собор?

Припомним тот страшный пожар 1413 г., когда сгорело в Костроме до 30 церквей вместе с собором Феодора Стратилата, кремлевскими стенами и княжескими теремами

Богоявленский монастырь в начале XIX в. Рисунок Г. Чернецова. 1838 г.

(Тверская лет., П. С. Л., XV, с. 486). Ниоткуда не известно, чтобы до этого времени были в Костроме какие-нибудь каменные постройки, скорее всего, их еще и не было.

Московский великий князь Василий Димитриевич, помня, как еще отец его великий князь Димитрий Донской в 1385 г. скрывался с семейством от Тахтамышша за крепкими

Южная угловая башня Богоявленского монастыря. 1663 г.

Троицкий собор Ипатьевского монастыря (1652 г.). Старое фото

Костромскими стенами, испытав в 1409 г. и на самом себе важное стратегическое значение г. Костромы, не мог безразлично отнестись к бедствию этого города, напротив, решился немедленно помочь жителям его в восстановлении погоревших построек. Но, зная прежнюю сгушенность построек в месте прежнего кремля и опасность этого места в пожарном отношении, как для глубоко чтимой костромской святыни, чудесно спасшейся в два первые пожара, так и для княжеских построек, он позаботился о перенесении на будущее время кремля на новое, еще более возвышенное место города, туда, где стоят и донныне каменные соборы; окружил это место валом и рвами и обнес деревянной стеною⁷⁷. Под 1416 г. в Воскресен. Лет. (П. С. Л., XIII, с. 88, изд., Арх. и Ист. ком., 1859 г.) и в Никон. Лет. (П. С. Л., XI, с. 231) встречаем известие, что в этот год «был заложен г. Кострома», не восстановлен, или обновлен, а очевидно вновь заложен на новом месте, где до того времени города не было. Трудно полагать, что на этом новом месте до того времени совершенно не было построек, но построек этих было ранее, вероятно, немного, и они не имели характера

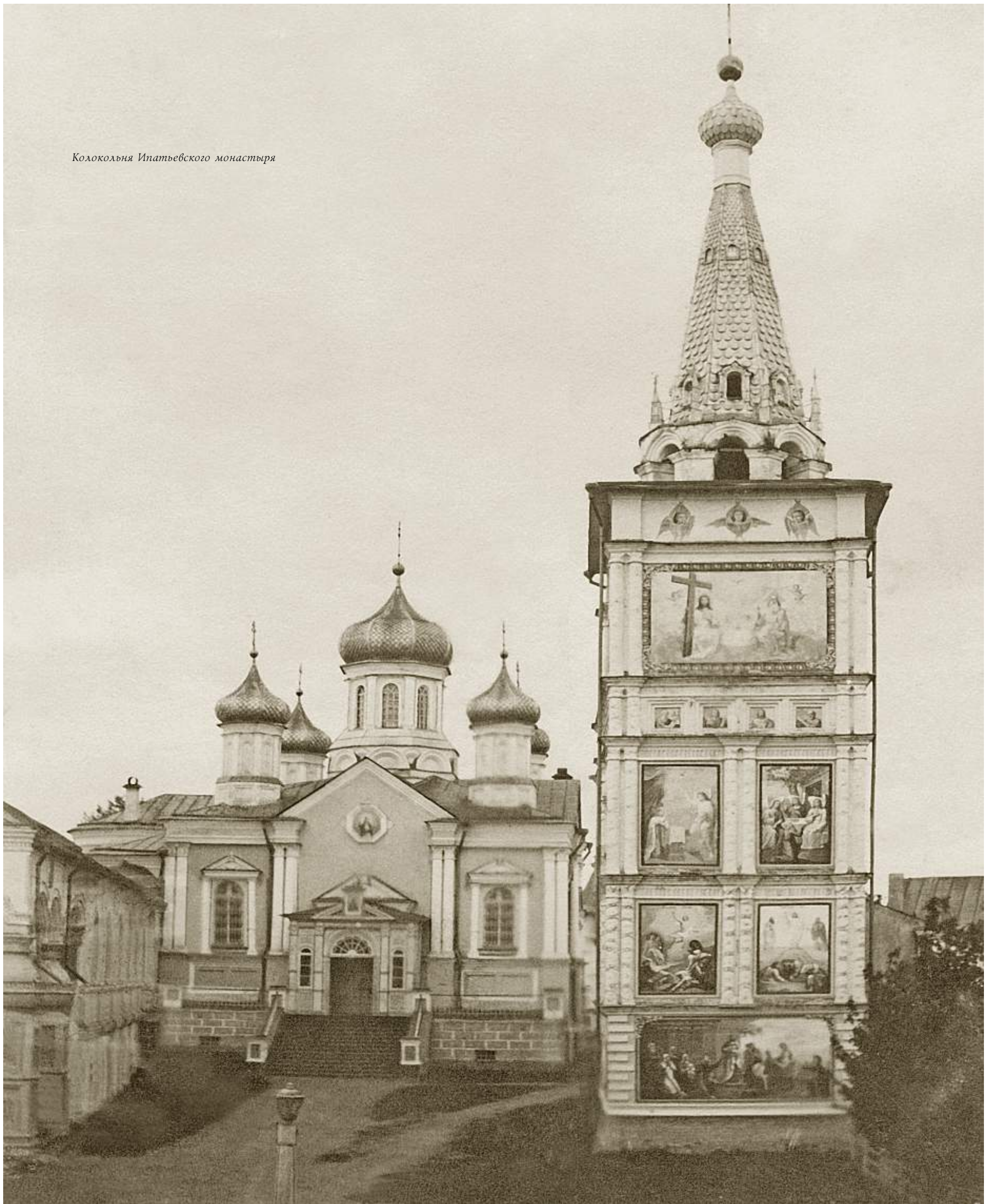
города, т. е. группы строений, окруженной стенами и валами.

Устроив новый кремль, великий князь по необходимости должен был украсить и новыми зданиями - княжескими и боярскими хоромами. Вероятно, в это-то время и был заложен новый, как бы придворный каменный Успенский собор. Именно, всего естественнее к этому новому собору отнести изречение в рукописи Галичской летописи, собранной из разных историй мещанином Тычинкиным, что «в 1415 г. мая в 13 день заложена каменная Кострома»⁷⁸. Хорошо известен обычай удельных князей при закладке и возобновлении какого-нибудь города прежде всего строить на память о себе какой-нибудь храм. Так было во Владимире, Ростове, Ярославле, в самой Костроме после 1238 г. при великом князе Ярославле Всеволодовиче и в других городах. Любовь великаго князя Василия Димитриевича к храмам Божиим еще и ранее этого выразилась в построении нескольких храмов, например, в построении в Московском кремле Благовещенского собора и церкви Рождества Богородицы, называемой ныне церковью святого Лазаря, а равно в украшении в 1408 г. искусной живописью Владимирского Успенского собора⁷⁹. Не вполне ли естественно было этому князю в благодарность костромской святыне за спасение его с семейством в 1409 г. от грозного врага, столь близко уже бывшего к Костроме, при перенесении центра города на новое место и устройстве здесь кремля, прежде всего освятить это место построением

Екатерининские врата. Ипатьевский монастырь. Кострома. Старое фото

Колокольня Ипатьевского монастыря

Нижняя Дебря. Церковь Воскресения Христова. 1652 г. Старое фото

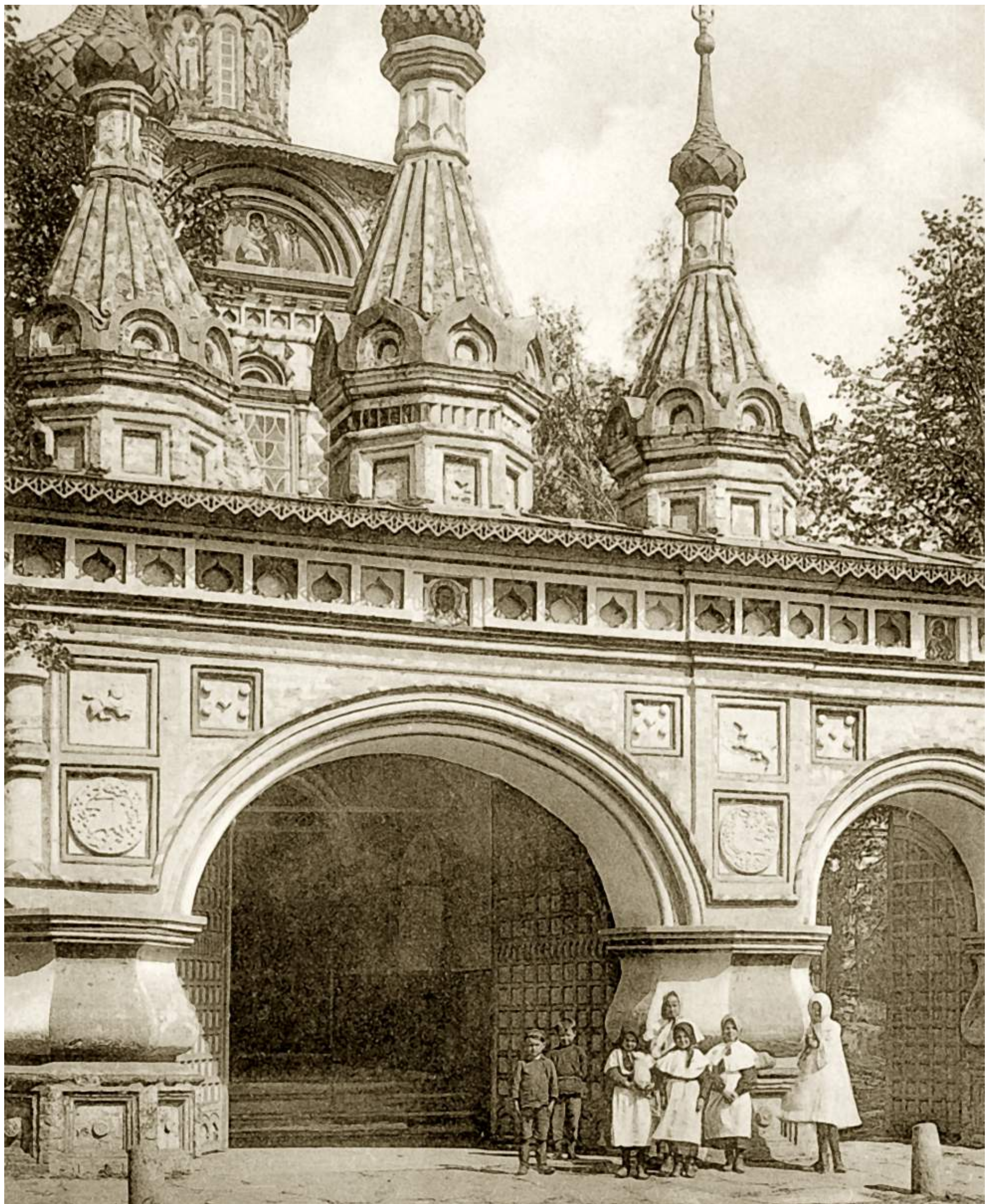
нового, более безопасного от огня каменного собора, для перенесения в него чудотворной иконы Богородицы, покровительницы этого города?

По всей вероятности, великий князь и начал укрепление нового места с того, что на прежнем месте сгоревшего Феодоровского собора выстроил небольшую деревянную церковь с прежним же наименованием для временного помещения чудотворного образа («повесть» об иконе), а на новом месте в 1415 г. заложил по образцу Московских соборов, только в меньшем размере, новый каменный храм, который в 1416 г. и начал обносить вместе с другими пост-

ройками новой кремлевской деревянной стеною и земляными валами.

Подтверждением того, что новый Костромской каменный собор выстроен около того времени, а не ранее, служит и зависимость его по плану и структуре более от московского, чем от владими́ро-суздальского зодчества. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить с Костромским Успенским собором планы и архитектуру владимирских соборов - Успенского (устр. в 1158 и 1185 гг.) и Дмитровского (в 1194 г.), и московских - Успенского (осн. в 1326 г. и перестроен в 1479 г.), Благовещенского (осн. в 1397 г. и

ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСЕНИЯ НА ДЕБРЕ неповторима в своих деталях. На галерею церкви с севера, запада и юга ведут всходы-крыльца. Их шатровые завершения близки древним деревянным храмам костромского края. Первоначальный облик памятника был еще более близок к образцам деревянного зодчества, когда арки подклета и галереи были открытыми, а четверик имел позакомарное покрытие. Вместе с зодчими-каменщиками над созданием церкви трудились резчики по камню, кузнецы, изографы. С большим мастерством выполнены белокаменные детали памятника.

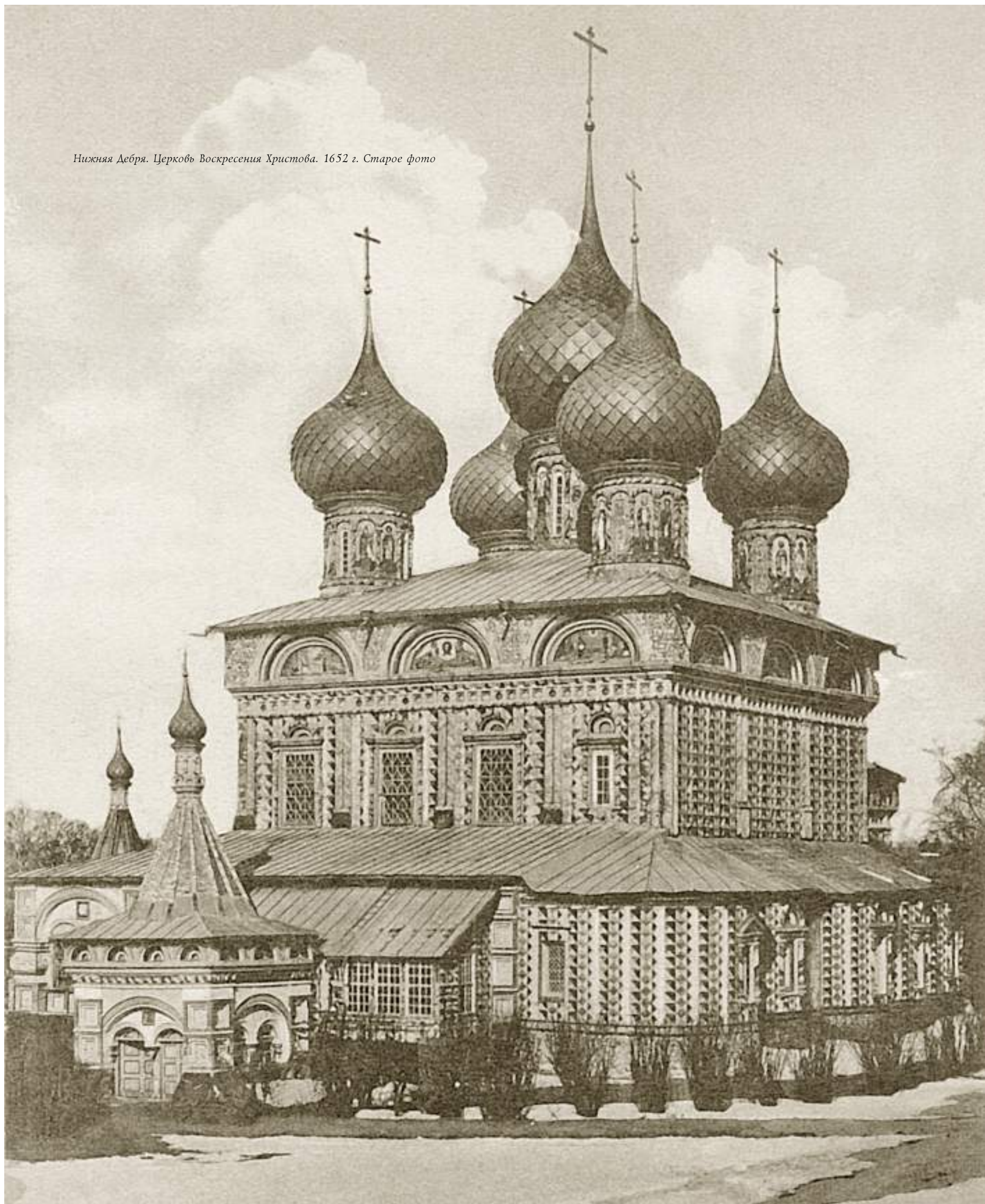

перестроен в 1484 г.), Архангельского (осн. в 1333 г. и вновь перестроен в 1509 г.), Спасо-Преображенского (Спаса на Бору, осн. в 1330 г. и расширен пристройками в 1350 г.) и Михайловского в Чудовом монастыре соборов.

Если Костромской Успенский собор был действительно основан в XIII в. великим князем Василием Квашнею, когда о Московских каменных храмах не могло быть и помина, то естественнее всего искать сходства его архитектуры с главными храмами стольного города Владимира, тем более что и самые лучшие каменщики были в то время владимирцы. Ростовцы недаром же отзывались о них в 1175 г.: «то наши холопы и каменщики» (Иловайский - Ис. Росс., ч. 2, с. 315). Между тем, что мы видим? План и архитектура костромского собора настолько далеки от собора Владимирского Успенского, а частью и от Дмитровского, что

Нижняя Дебря. Церковь Воскресения Христова. 1652 г. Старое фото

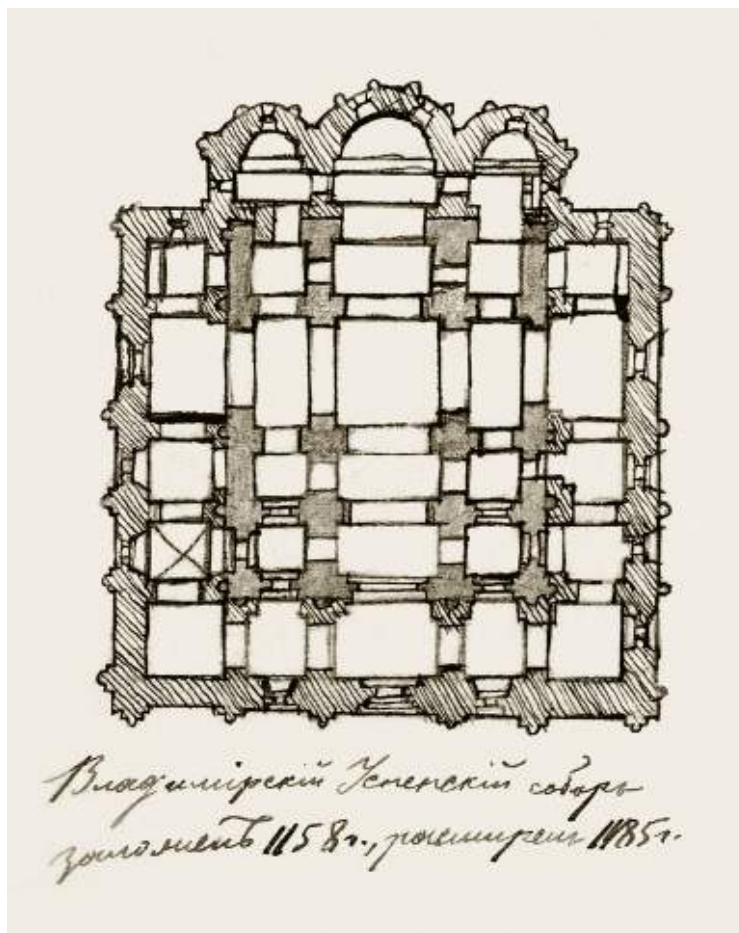
Церкви Троицкая (летняя, 1650 г.) и Введенская (зимняя, 1786 г.)

Успенский собор во Владимире

о сходстве их не может быть и речи. Владимирский Успенский собор (до расширения его) и Дмитровский представляют форму продолговатого прямоугольника, тогда как костромской собор по длине и ширине в основании ядра квадратный; материал всех каменных церквей владими́ро-суздальского периода - белый камень, костромской же собор сложен из простого, слабообожженного кирпича, из какого от XIII в. построек не осталось; форма внутренних колонн, количество их и расстояние между ними во владимирском Успенском соборе и костромском весьма различны; форма изящных наружных пилястр (полуколонн) во

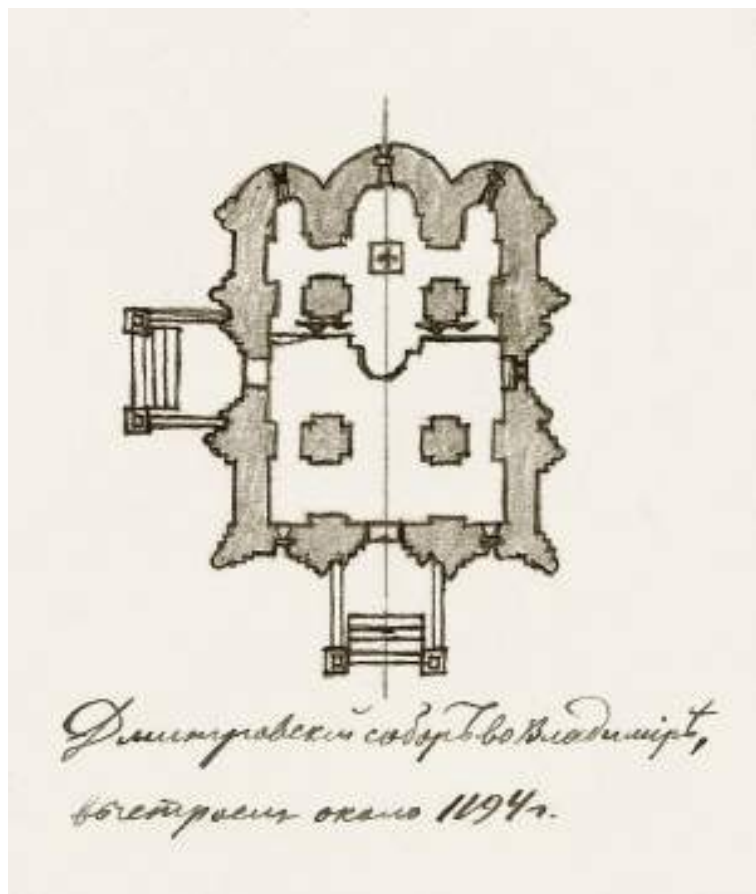
владимирских соборах совершенно не похожа на самые простые, гладкие пилястры костромского собора; нет на костромском соборе и признаков того красивого пояска, состоящего из ряда столбиков, опирающихся на кронштейны, и соединенных сверху арочками, тя-

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ

Наиболее древняя церковь Костромы - Успенский собор; он был основан в половине XIII в., но перестроен впоследствии заново в XVII в. От прежней постройки сохранились, может быть, лишь прием плана, да единственный в своем роде в России поворот апсид не на восток, а на север. Следующий за ним по времени основания (половина XIV в.) Троицкий собор Ипатьевского монастыря также не сохранил ничего от более раннего собора, относится уже к 1649 г. Собор Богоявленского монастыря, основанный в середине XV столетия, тоже представляет вполне тип зодчества XVI в., но и он чрезвычайно изуродован пристройкою в восьмидесятых годах XIX в. обширного храма, в котором старый собор занял лишь алтарную часть. Церковь Воскресения на Дебре, построенная в 1652 г., представляет наиболее цельный в Костроме тип храма русского зодчества периода расцвета, золотой поры его. ... Каменные шатры Воскресенской церкви с прелестно делящими их на грани ребрами дают Костроме особый тип церковного зодчества. Любопытен тип покрытия главок костромских церквей. По всей вероятности, первоначально все они были крыты черепицей или деревянным гонтом. Частые пожары и

изменившиеся экономические условия содействовали введению металлического покрытия, но внешность его по-прежнему напоминала черепицу или деревянный гонт. Но, несмотря на вышеупомянутые искажения, все четыре храма - одного кубического типа архитектуры, с увенчивающимися их пятью главами, снабжены тремя алтарными апсидами, т. е. совершенно московского облика - представляют в общем значительный и ценный материал, обладание которым ставит Кострому в ряду городов, наиболее интересных для любителей и ученых в области русского искусства. Среди общего кубического типа храмов можно отметить прелестную, почти одновременно с ними воздвигнутую, в 1650 г. Троицкую церковь, также кубическую, но с отличным переходом ее от куба к главам с помощью трех ярусов кокошников. Троицкая церковь представляет, кроме того, прекрасный пример не только большой оригинальности архитектурного замысла, но и изумительной фантазии в детализировке и художественности выполнения.

Г. К. Лукомский. Об архитектурных памятниках Костромы и их художественном значении. Альманах «Памятники Отечества». 1991. № 1, с. 61

Дмитриевский собор во Владимире

*Храм Покрова на Нерли.
Реконструкция по Н. Н. Вороницу*

нушагося или по середине наружных стен, или в качестве верхнего карниза под крышею пояска, который составляет один из наиболее отличительных признаков архитектуры владими́ро-суздальских храмов и первых московских соборов, заимствовавших этот поясок из Владимира; нет на костромском соборе и оборонных украшений, нередко встречающихся на храмах владими́ро-суздальского периода, например, на Дмитриевском соборе, или на церкви Покрова на Нерли.

Те же признаки, в которых замечается сходство между костромским и владими́рскими соборами, не в меньшей степени принадлежат и московским храмам. Таковы, например, разделение стен на фасы прямыми, гладкими пилястрами, доходящими почти до крыши и соединяющимися вверху полукругиями; выступ средней алтарной абсиды менее выдающийся, чем в церквях киевской архитектуры; вход в храм с откосами из полукруглых красивых колонн попеременно с пилястрами, соединяющимися вверху такими же полукруглыми перемычками (полуколонки эти в настоящее время заштукатурены).

Гораздо более сходства мы находим в архитектуре костромского Успенского собора с московскими храмами; здесь в некоторых чертах замечается даже прямая зависимость первого от последних.

Нет достаточного основания искать сходства в костромском соборе с главными московскими соборами Успенским и Архангельским, так как Успенский собор, основанный при Московском князе Иоанне Даниловиче Калите в 1326 г. был через 145 лет, при великом князе Иоанне III, совершенно разобран и заново воздвигнут известным зодчим итальянцем Аристотелем Фиоравенти уже в 1479 г., а Архангельский собор, основанный при великом князе Иоанне Калите в 1333 г. при Иоанне III за теснотою был разобран и выстроен вновь в 1509 г.

Но и в отношении постройки московского Успенского собора следует заметить не архитектуру его, а то обстоятельство, что главный архитектор его, итальянец Фиоравенти, впервые научил русских правильному обжигу кирпича, так что стены перестроенных вслед за тем при великом князе Иоанне III соборов Архангельского, Благовещенского и Михайловского (в Чудовом монастыре) сложены большею частию уже из хорошо обожженного, обыкновенного красного, но более тяжеловесного, сравнительно с нынешним, кирпича. Это, впрочем, не значит, что до того времени Московские каменщики не имели понятия о кирпичной кладке. Гораздо меньшего размера пред другими кремлевскими соборами церковь Спаса на Бору (Спасо-Преображенский собор), основанная в 1330 г. и расширенная в 1350 г., имеет только фундамент и цоколь из белого камня, большая же часть стен ее сложена из тяжело-

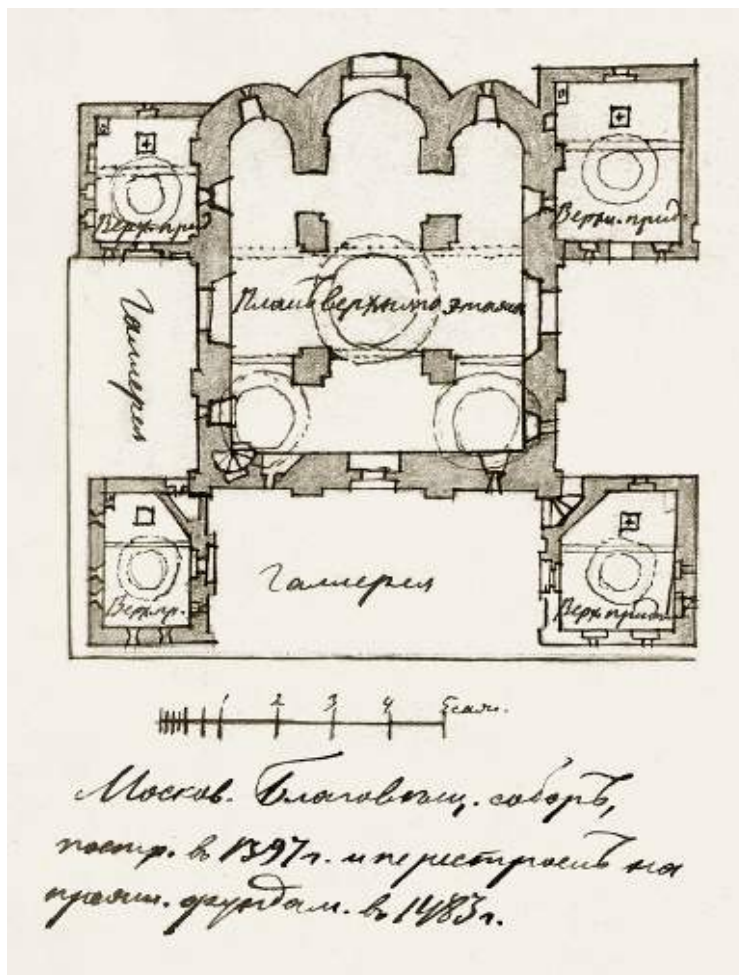
Успенский собор в городе Костроме

весного кирпича и даже с железными связями, только кирпич этот не такого правильного обжига, как соборы, выстроенные в конце XV и нач. XVI вв.⁸⁰, а это же самое следует сказать и о костромском Успенском соборе.

Кострома с древних времен славилась своими каменщиками. В середине XVI в. при Иоанне Грозном в Костроме существовала уже так называемая кирпичная слобода, жители которой несли государеву службу: они по вызову московских властей принимали участие в постройке московских каменных храмов и разных правительственных учреждений. Принимали они участие и в постройке кремлевских соборов при Иоанне III в конце XV века. Там же, вероятно, они усовершенствовались и в выделке кирпича и в кладке каменных зданий.

Основное ядро костромского собора сделано из кирпича значительно худшего качества, чем московские постройки конца XV в.; напротив, кирпич южной части собора и галерей его по обжигу, размеру и качеству весьма близко подходит, например, к стенам Михайловского храма в Чудовом

Благовещенский собор Московского кремля. 1484-1489 гг. Фото 1883 г.

Вид на Чудов монастырь.
Церковь Спаса на Бору
Чудова монастыря
(справа)

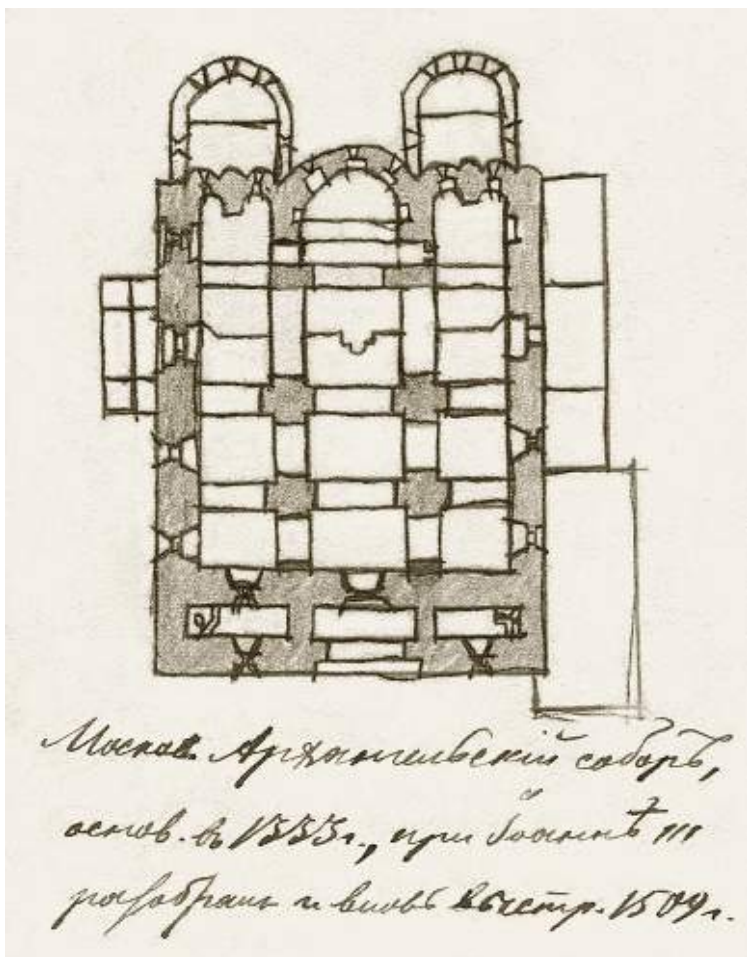

Глава IV

монастыре и Благовещенского собора в кремле. Это тоже может свидетельствовать о том, что стены основной части костромского собора кладены ранее постройки московского Успенского собора в 1479 г. и, вероятно, в первой половине XV в.

По плану костромской собор не зависит от Успенского и Архангельского московских соборов, выстроенных в конце XV в. Последние представляют по плану продолговатые четырехугольники с четырьмя столбами внутри (в Успенском соборе столбы круглые). Средний алтарь в обоих храмах имеет вид полукружия, а боковые алтарные помещения-жертвенники и дьяконники, хотя изнутри и представляют тоже два небольших полукружия, но на фасаде они едва выражаются.

Стены Успенского собора все из белого камня, а в Архангельском - белокаменные пилястры, капители, карнизы и тяги. Основное же ядро костромского собора, считая от наружной стены средней абсиды алтаря до южной стены центрального подвала, имеет план квадрата с двумя поддерживающими свод храма столбами и тремя полукруглыми алтарями абсидами, из которых средняя немного

Вид на соборы
Московского кремля

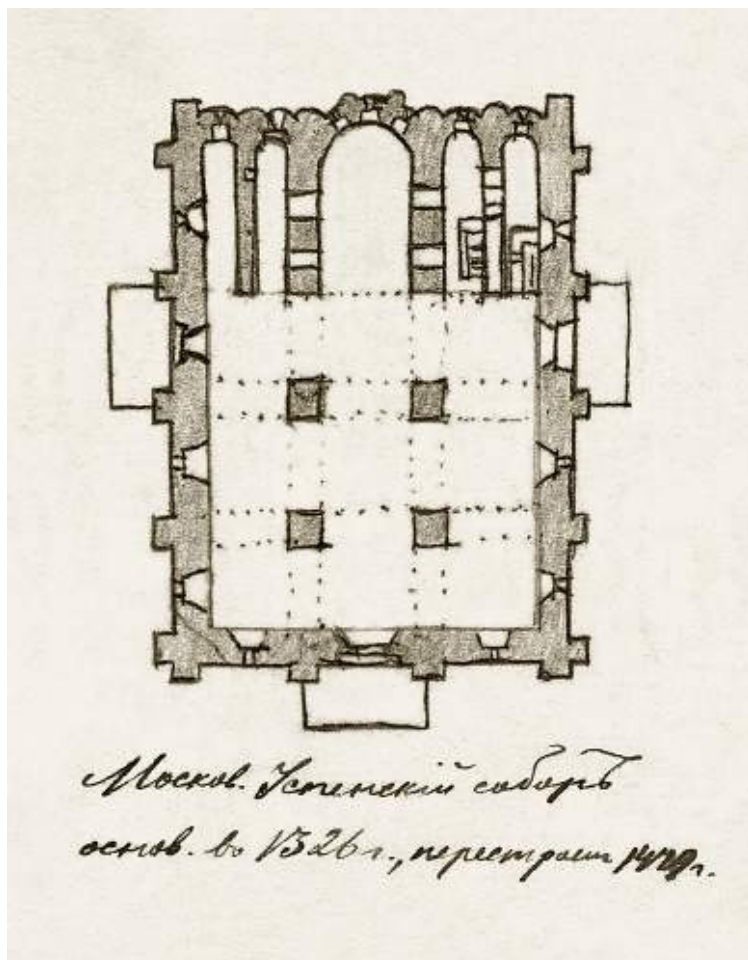

Старая Москва.
Реконструкция.
А. Васнецов. 1891 г.

выдается пред крайними. В этом виде план этого храма весьма близко подходит к плану других соборов московских - Благовещенского, Михайловского храма в Чудовом монастыре и Спасо-Преображенского в кремлевском дворце. Особенно близкое сходство с первыми двумя храмами имеет подвальная часть костромского собора. Все три храма поставлены «на подклетьях», т. е. имеют обширные подвальные помещения. Подвальные помещения, устраиваемые нередко при церквях, в старину имели особое назначение: туда, например, богатые купцы или бояре складывали для хранения от частых пожаров более ценное имущество, тут же хранилось и церковное имущество.

План и вид на Архангельский собор Московского кремля. 1505-1508 гг.

План и вид Успенского собора Московского кремля. 1475-1479 гг.

С течением времени простые подвалы были заменены подклетьями, или подцерковьями, пример которых мы видим под нашими соборами⁸¹. Эти подклети представляют в указанных храмах, можно сказать, целый этаж с небольшими окнами, на сводах которого лежит пол второго этажа, где стоят молящиеся. Под Чудовским Михайловским собором в подклети были заключены поляки в нач. XVII в. патриархом Гермогеном. Под этим же храмом и под некоторыми другими в таких подцерковьях можно встретить гробницы епископов, игуменов и князей. Какое прямое назначение имело подцерковье костромского каменного собора, определенно сказать что-либо об этом нет достаточно оснований.

Михайловский Чудовской и Благовещенский кремлевский соборы, хотя при Иоанне III и были разобраны, но вновь тогда же воздвигнуты на древних же подклетьях. Подклети московских храмов белокаменные, тогда как в костромском соборе, они сложены из того же простого кирпича, как и стены храма. Устройство подклетей во всех этих храмах весьма сходно; те же почти одинаковой толщины столбы, соединенные между собою и с наружными стенами подпружными арками, те же парусные своды, такое же полукруглое основание алтарных абсид.

Во всех храмах очень близкое сходство имеют входы в храм, хотя в костромском соборе главный вход уже явно испорчен позднейшею штукатуркою.

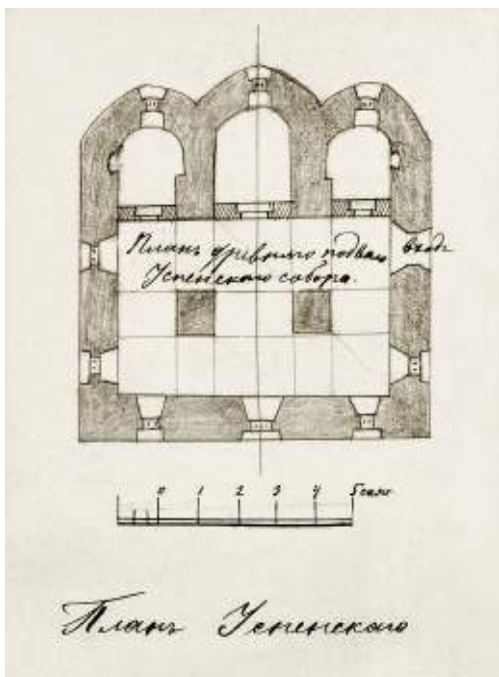
Прямой, без всяких узоров, тройной круглый, с отливом от верха вниз, пояс, видимый снаружи посредине алтаря, и верхний карниз кругом храма, соединяющий полукругия прямых, гладких пилястр, также приближает костромской собор к типу московских, а не владими́ро-суздальских храмов. Высота алтарных абсид, закрывающих немного более половины стены средней части храма, приближается к абсидам московского Архангельского собора, но еще более она подходит к типу древних ярославских церквей, построенных в XVII в.

Что касается покрытия костромского Успенского собора, то оно, несомненно, более позднего времени, и, во всяком случае, не ранее первого расширения собора, о котором скажем ниже.

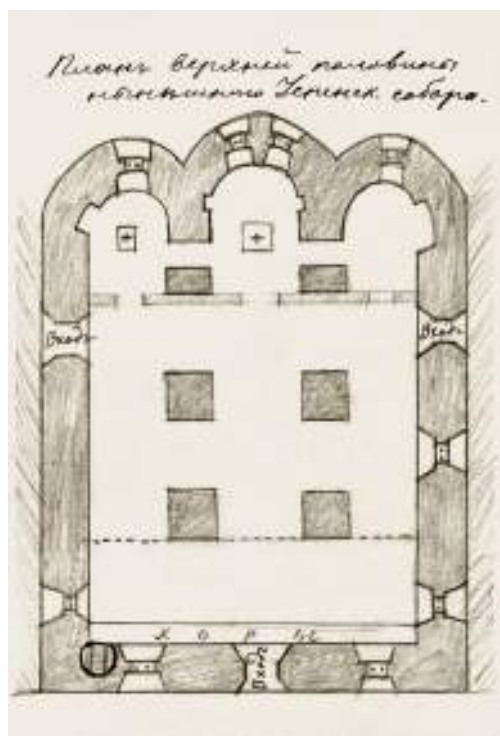
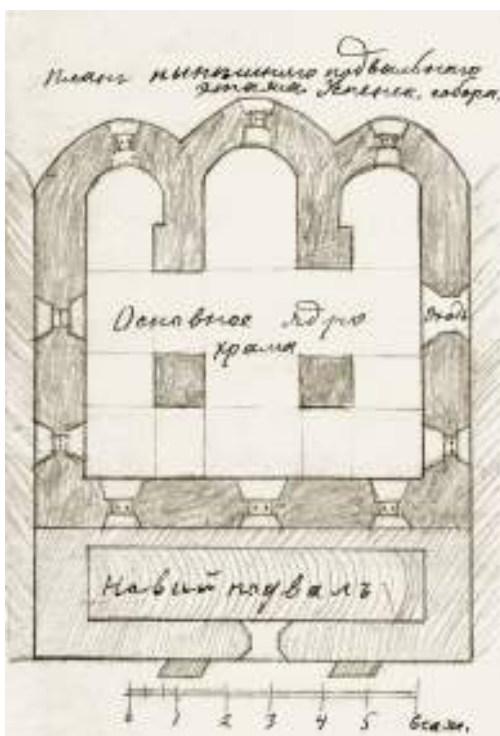
Таким образом, по характеру архитектуры, костромской Успенский собор в основной его части следует отнести не к владими́ро-суздальскому, а к московскому

периоду и более основательно к периоду княжения в Москве Василия Дмитриевича, а именно к 1415-1416 гг.

О внешнем и внутреннем благоустройстве и благолепии собора за первое время его существования, как и о первоначальном его общем плане и фасаде, мы можем судить только по памятникам позднейшего времени и, притом, не ранее XVII в. Ни письменных, ни вещественных памятников, обрисовывающих прямо и непосредственно внешнее и внутреннее благоустройство собора за первые два (XV-XVI) века не сохранилось положительно никаких. Все они, вероятно, истреблены опустошительными пожарами, бывшими в 1493, 1654, 1679 и 1773 гг. На основании же изучения современной нам архитектуры собора можно выводить лишь то

заключение, что от первоначального устройства храма остались до нашего времени неприкосновенными - а) алтарь, принявший, вероятно, в позднейшее время значительно больше света от разделки окон, и б) половина храма, составлявшая прежде целый храм, а ныне только первую, примыкающую к алтарю половину; во время постройки в последующее время другой, задней половины (к югу), верхние своды всего храма, конечно, были переделаны. Заслуживает внимания то, что в верхней половине всего здания храма, составленного в разное время из отдельных частей, ни внутри, ни в стене не заметно для не вполне опытного глаза никаких признаков одновременности постройки, только над помостом галереи, облегающей храм, на восточной его

БОГОЯВЛЕНСКИЙ СОБОР. ..Мощный барабан, возвышающийся над собором, играл особую роль в композиции здания. Он был воздвигнут на глухом своде, и в нем размещалась соборная библиотека. В библиотеку попадали через винтовые лестницы в устоях нижнего яруса колокольни, по особому помосту с железными перилами на крыше собора. Созданная по инициативе архиепископа Симона II Лагова и соборного протоиерея И. А. Метелкина, библиотека содержала «значительное количество книг на греческом, латинском и прочих языках: богословских, философских, медицинских, исторических, физических, стихотворческих, также всех российских писателей лучшие сочинения и путешествия» (И. Арсеньев. Описание Костр. Успенского собора, М., 1837 г.). Библиотека играла, несомненно, очень важную роль в культурной жизни города XVIII-XIX вв.

Е. В. Кудряшов. Архитектурный ансамбль центра Костромы. Ярославль. 1992, с. 8

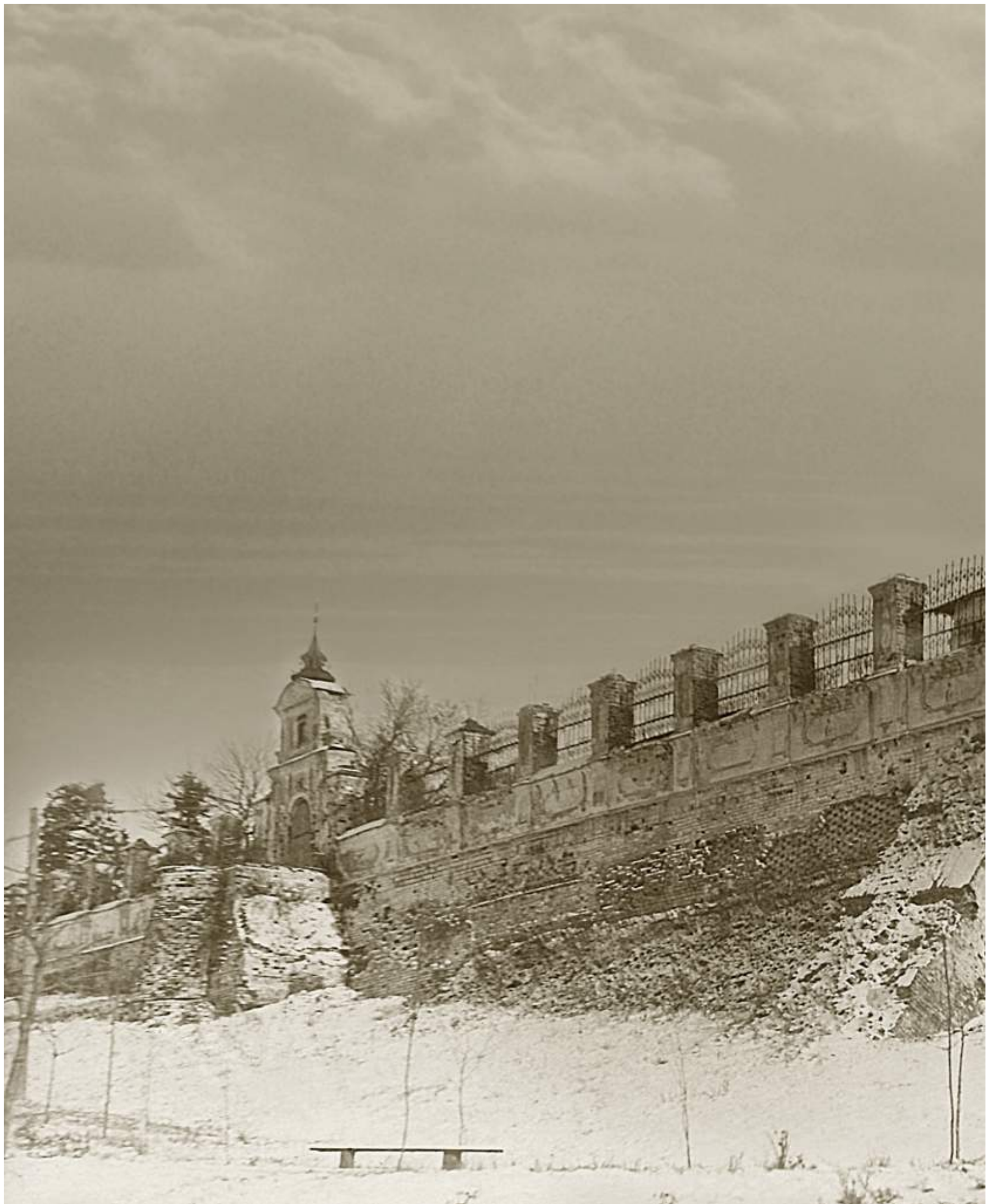
стене снаружи виднеется образ с отливом от верха, которого на задней, южной части храма, по всей стене последующей постройки, начиная от задних колон, нет, да стиль наружных украшений приделанного в 1666 г. храма Феодора Стратилата не гармонирует несколько с общим стилем храма.

Нельзя не обратить внимания на то, что Успенский собор с самого основания своего сохранил алтарь, обращенный не на восток, как это принято для православных храмов, а на север, по направлению к реке Запрудне, для того, чтобы необычное устройство алтаря служило напоминанием о месте явления чудотворной Феодоровской ико-

ны Богоматери в северной части города Костромы, на месте нынешнего Спасо-Запрудненского храма. Вместе с этим Успенский храм самой южной своей стороной мог во время нашествия врагов с реки Волги представлять охрану важнейшей части храма и защиту для жителей костромского кремля⁸². Главный алтарь Успенского храма имеет длины 8 арш. и ширины 7 арш.; два, по сторонам, предалтария имеют длины одно около 5 арш., а другое 6 аршин ширины, каждое по 4 арш.; все они имеют латковые своды, опирающиеся на стены. Троечастный алтарь разделяется стенами в $2\frac{3}{4}$ арш. толщины, с арками для входа из предалтарей; из последних в правом устроены

И. А. МЕТЕЛКИН был один из образованнейших людей в городе. В Окладной книге 1793 г. о нем сообщается: Иоанн Алексеев сын Метелкин, здешняго Успенскаго собора протоиерей, вновь поселившийся, отроду ему 43 года... Имеет дом каменной, построенный им в отведенной городской земле, состоящей в 1-й части... во вновь прожектированной Ильинской улице... В службах находился, а именно; в костромской семинарии, где 12 лет был учителем: обучал богословию, философии, риторике, началам, поэзии, синтаксис латинскаго языка и еврейскому языку, в числе тех же 12 лет через 7 лет находился оня семинарии префектом и в правлении семинарском присутствующим, а ныне положено на него от стороны его преосвященства строение при означенном соборе церковное и архиерейскому дому и по здешнему городу надзирание благочиния и другие должности до духовенства относительныя.

Е. В. Кудряшов. Архитектурный ансамбль центра Костромы. Ярославль. 1992, с. 49

Глава IV

впоследствии два комода с ящиками во впадине наружной стены, - под ними деревянная лавка, а в левом предалтарии - жертвенник, по правую сторону которого, в небольшом углублении стены кладезь, а по левую выход из предалтария, устроенный аркою. Алтарь имеет два окна, предалтария - каждое по одну сторону. Пол в алтаре, равный с солею, возвышается над храмовым полом на две ступени. За престолом открыто устроено (вероятно, впоследствии) из белаго камня горнее место в три ступени со всех сторон.

С построением новаго каменнаго соборнаго храма, в него была перенесена из древняго храма Феодора Стратилата чудотворная икона Божией Матери, но поставлена здесь не в алтаре за престолом, где она стояла в деревянном Феодоровском соборе от первого его пожара, а в самом храме «против праваго клироса». В рукописной повести о перенесении образа в Успенский собор читаем так: «егда совершиша каменную церковь внутрь града во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, чудо-

творную икону Пречистыя Богородицы с подобною честию принесоша от древняи церкви великомученика Феодора в созданную во имя Пречистыя Богородицы церковь каменную новую, и поставиша подле царских дверей против праваго клироса» (II ред. повести. Вест. Арх. и Ист., XIX, с. 222). Подобное же сведение находится и в рукописном «сказании об обновлении чудотворнаго образа, иже на Костроме» в 1636 г.: «и поставиша сей чудотворный образ Пресвятыя Богородицы на прежнем ея месте, близ царских дверей от десныя страны, против праваго клироса» (Вест. Арх. и Ист., XIX, с. 226; ср. со с. 222). Это, впрочем, не значило, как иные полагают, что чудотворный образ Богоматери помещен был возле царских врат на первом месте в иконостасе, в числе так называемых местных икон, так как в то время и иконостасов то в том роде, в каком мы привыкли их видеть в храмах перед собою, еще не было. Следовательно, чудотворный образ был поставлен только «близ царских дверей, против праваго клироса», т. е. между тем

Вид с запада на город с колокольни Успенского собора. Старое фото

Костромской кремль зимой

местом, где мы обычно видим в иконостасе образ Спасителя, и клиросом, вероятно, в особом киоте, в котором она находилась до конца XVII в. С XVIII же в., как это видно из церковной описи Успенского собора от 1737 г., списанной с такой же описи от 1702 г., чудотворный образ находился уже в числе местных икон в иконостасе, по левую сторону царских врат, где обретается и доныне⁸³.

Таким образом, запрестольным образ Феодоровской

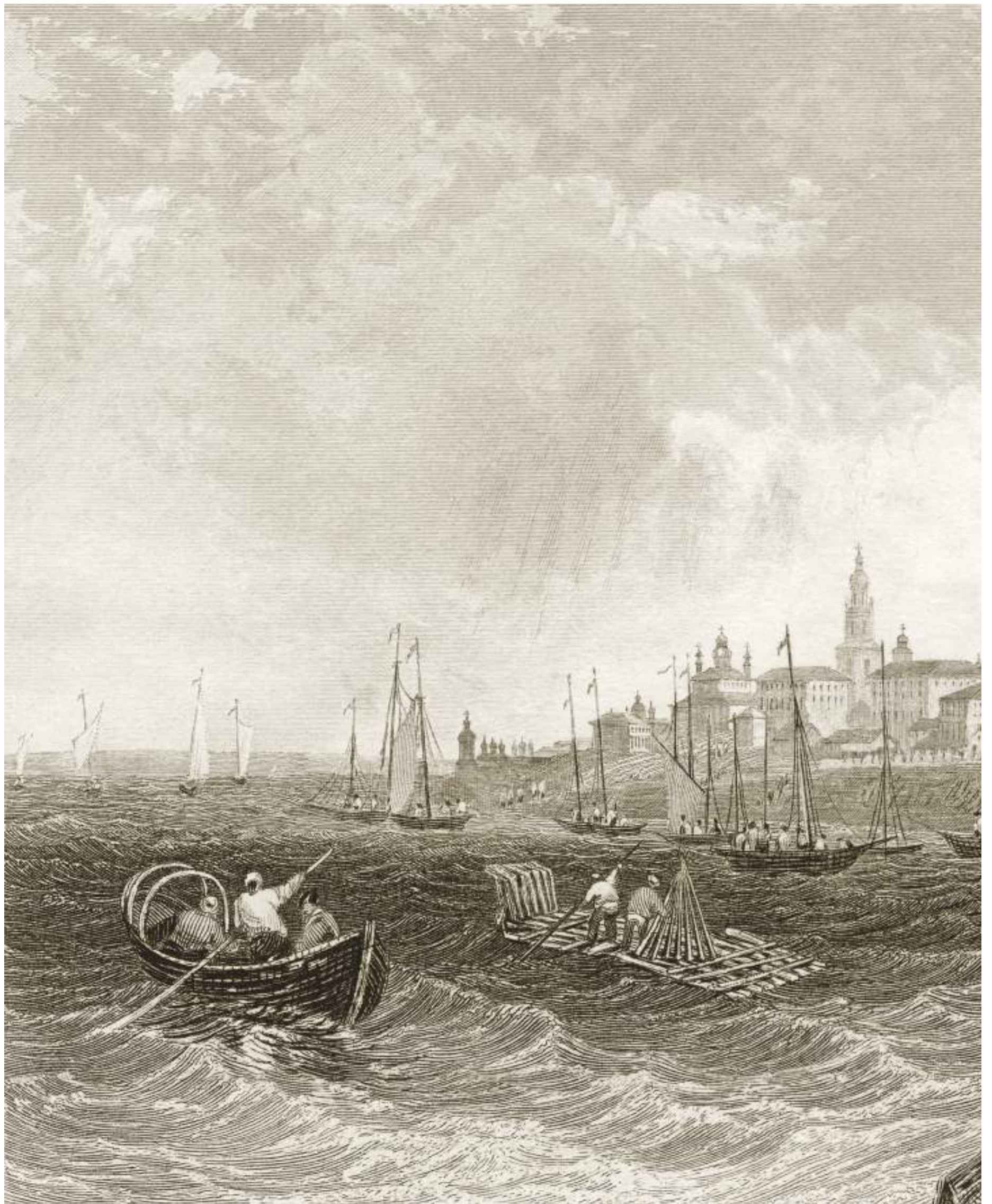
иконы Божией Матери за все время пребывания в Успенском соборе, не был.

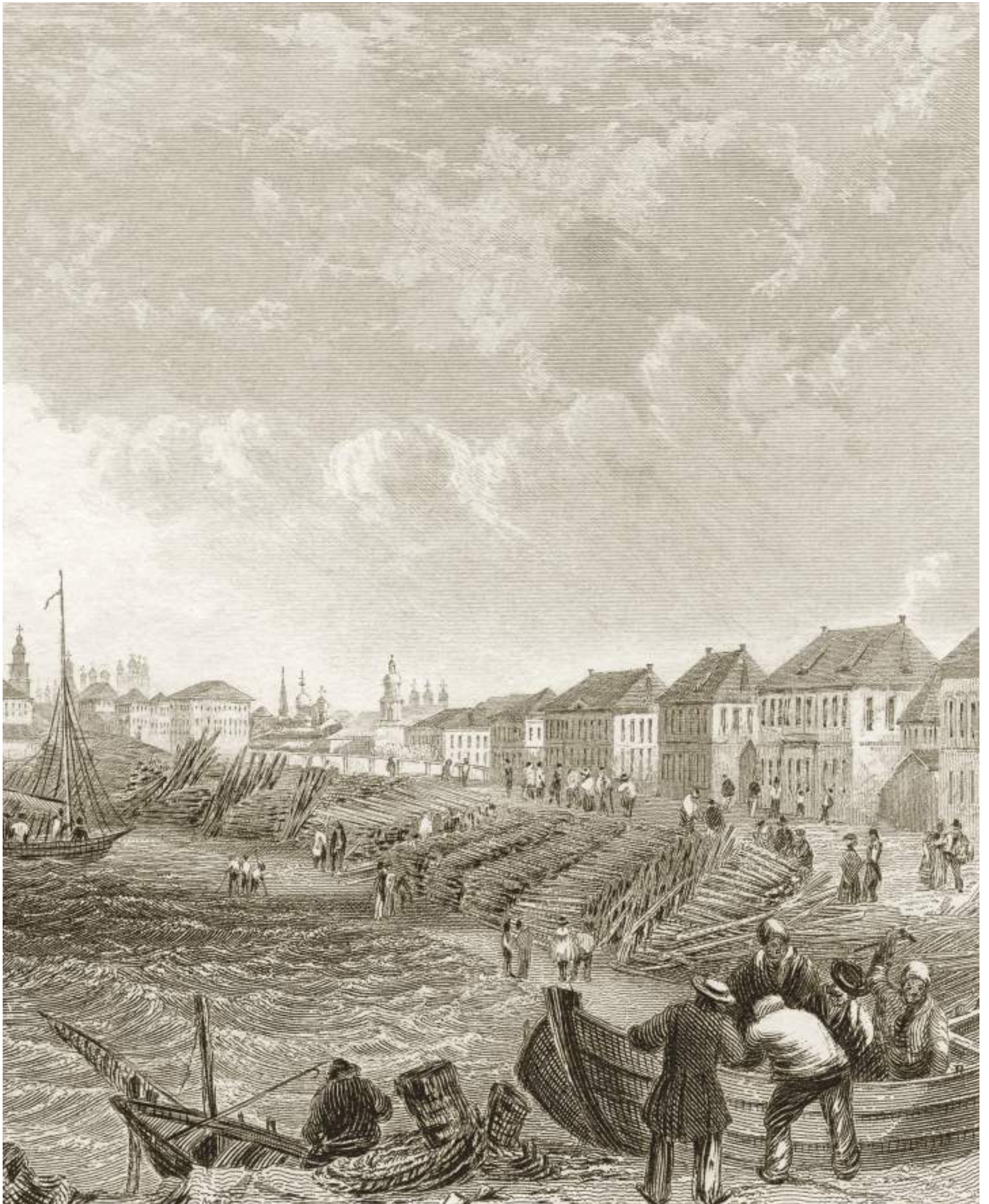
Построение нового, главного по тому времени каменного собора на новом месте и перенесение в него Феодоровской иконы Богоматери, имело громадное значение для города Костромы в топографическом отношении.

Старая часть города за рекою Сулою, выгоревшая в ужасный пожар 1413 г., перестала быть центром город-

БОГОЯВЛЕНСКИЙ СОБОР. Незаурядным памятником русского провинциального барокко XVIII в. следует считать Богоявленский собор (1776-1791 гг.). Его заказчиком был Симон II Лагов, архиепископ Костромской и Галичский. ... После пожара в Костроме 1773 г. Симон Лагов приступил к осуществлению своих строительных замыслов и в Костромском кремле - разборке обгоревших каменных зданий Крестовоздвиженского монастыря, возведению нового теплого собора, ремонту старого Успенского собора XVI-XVII вв., строительству «архиерейского подворья» из четырех жилых домов. Особое значение при этом придавалось постройке высокой соборной колокольни, которая выделяла бы новый кремль панораме города с реки Волги.

Е. В. Кудряшов. *Архитектурный ансамбль центра Костромы*. Ярославль. 1992, с. 5-6

Глава IV

ской жизни. Старый кремль, княжеские хоромы и дворы бояр на прежнем месте не были восстановлены, а в 1416 г. устроен новый кремль на новом месте по образцу московского кремля с земляными валами, водяными рвами, мостами, деревянными стенами и башнями⁸⁴. Тип этого кремля сохранился, может быть, с несущественными изменениями до XVII в., когда он довольно подробно описан в Костромских Писцовых книгах 1628-1630 гг.⁸⁵. В этом новом кремле, с построением каменного Успенского собора, сосредоточилась вся церковная, административная и городская жизнь. Город как бы переместился на другое место и стал расти вниз по берегу реки Волги. Старый город с соборным храмом Феодора Стратилата скоро превратился в посад, около нового кремля постепенно образовались и другие посады - Вознесенский, вниз по берегу реки Волги и верхний посад во главе с кремлевским Троицким собором, разросшийся на северо-восток между Благовещенскою церковью и основанным в XVI в. Богоявленским монастырем.

Новый деревянный храм Феодора Стратилата, на Мшанской улице за Сулой, выстроенный после пожара 1413 г.

в виде малой церкви, для временного помещения чудотворной иконы, пока не построен был Успенский собор, теперь, с перенесением из него главной святыни на другой район города, постепенно потерял свое значение в глазах горожан, слава его поблекла, а, напротив, стал расти, украшаться и привлекать все более и более любовь горожан и окрестных обывателей новый каменный собор со своей глубоко чтимой всеми святыней.

С самого освещения нового каменного собора, в нем в память первого местопребывания в г. Костроме чудотворного образа в храме Феодора Стратилата и во имя верования народного, что сей образ был принесен в Кострому этим покровителем города, в правом предалтарии (абсиде), или дьяконике, по примеру других современных соборных и монастырских больших церквей, был устроен придел в честь этого св. угодника (II ред. повести). И в новом каменном соборе служба св. Феодору стала совершаться также торжественно, как и в прежнем. В малом деревянном Феодоровском храме служба совершалась уже не так часто, как в каменном соборе, и Феодоровский храм скоро потерял даже свое самостоятельное значение. К кон-

Адрес: 74. г. Кострома, Мшанская ул., 2 № 26

Соборъ и рынокъ.

цу XVI в. он, по-видимому, лишился своего отдельного причта и был приписан к Успенскому собору, причт которого, все еще продолжая жить подле деревянного Феодоровского храма, и совершал по временам богослужение в Феодоровском соборе.

В писцовых книгах 1628-1630 гг. мы встречаем о прежнем соборном храме Феодора Стратилата уже такое печальное известие: «на Суле у Мшанской улицы церковь стоит без пения (т. е. без своего причта) Феодора Стратилата древяна клецки, земли церковныя в длину девятнадцать сажен, поперег тринадцать сажен». Никаких других исторических известий, которые чем-нибудь отметили бы за XV и XVI в. судьбу этого знаменитого прежде костромского собора, не сохранилось.

Скоро в летописях и других письменных актах оба собора - деревянный Феодоровский и каменный Успенский перемешиваются даже именами, как нечто единое, связанное в самом наименовании судьбою чтимой чудотворной Феодоровской иконы: Успенский каменный собор называется иногда то храмом св. Феодора Стратилата, по имени древняго собора и своего придельнаго храма, то Пречистенским⁸⁶. Такое название Успенскаго собора не по главному Успенскому престолу, а иногда по приделу в честь Феодора Стратилата, или по имени стараго деревяннаго собора можно объяснить с одной стороны - привычкою к старому названию и единством причта в обоих соборах, с другой - благоговением к покровителю города Феодору Стратилату, имя котораго усвоено и новоявленной Феодоровской иконе бывшей, «Одигитрии». В последующих грамотах царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, святейших патриархов и митрополичьих этот же самый храм нередко называется «церковью Пресвятой Богородицы», «Феодора Стратилата», церковью «Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, чудотворныя иконы Феодоровския», «соборной церковью Пречистыя Богородицы иконы Феодоровския», или просто - «Богородицким», или даже «Феодоровским» (Пр. П. Островский, описание Усп. соб., приложения, с. 201-237). Лишь в конце XVII в., особенно в начале XVIII в. он стал называться уже Богородицким Успенским.

Икона св. Феодора Стратилата. Симон Ушаков. 1676 г.

ФЕДОР СТРАТИЛАТ ГЕРАКЛИЙСКИЙ, ВЕЛИКОМУЧЕНИК (319 г.). Святой Федор происходил из города Евхаит в Малой Азии и был военачальником (стратилатом) в римских войсках в городе Ираклее, вблизи Черного моря. Своей благочестивой жизнью и кротким управлением он расположил к себе сердца горожан, и многие язычники, видя его добродетельную жизнь, принимали христианскую веру. В это время Ликиний, соправитель императора Константина, начал на востоке Римской империи жестокое гонение на христиан. Когда слух о благочестивом начальнике достиг Ликиния, то он сам прибыл в Ираклею, чтобы принудить Федора отречься от Христа и поклоняться идолам. Встретив отказ святого, Ликиний повелел предать его тяжелейшим истязаниям, которые завершились распятием мученика. Палачи, не удовлетворенные безмерным страданием свято. Феодора, выкололи ему глаза. Но ночью ангел Господень, представ пред мучеником, снял его с креста и совершенно исцелил его раны. Явившиеся утром слуги Ликиния, спешившие бросить в море тело исповедника, которого они чаяли увидеть мертвым, встретили Феодора совершенно здоровым. Это явное чудо милости Божией так потрясло их, что они приняли веру Христову, а с ними и множество язычников. Узнав об этом, Ликиний приказал обезглавить св. Феодора. Память великомученику Феодору отмечается 21/8 февраля и 21/8 июля.

Образъ св. Феодора Стратигота
фот. об. Кларко.
въ Богородицкой церкви гор. Кострома.

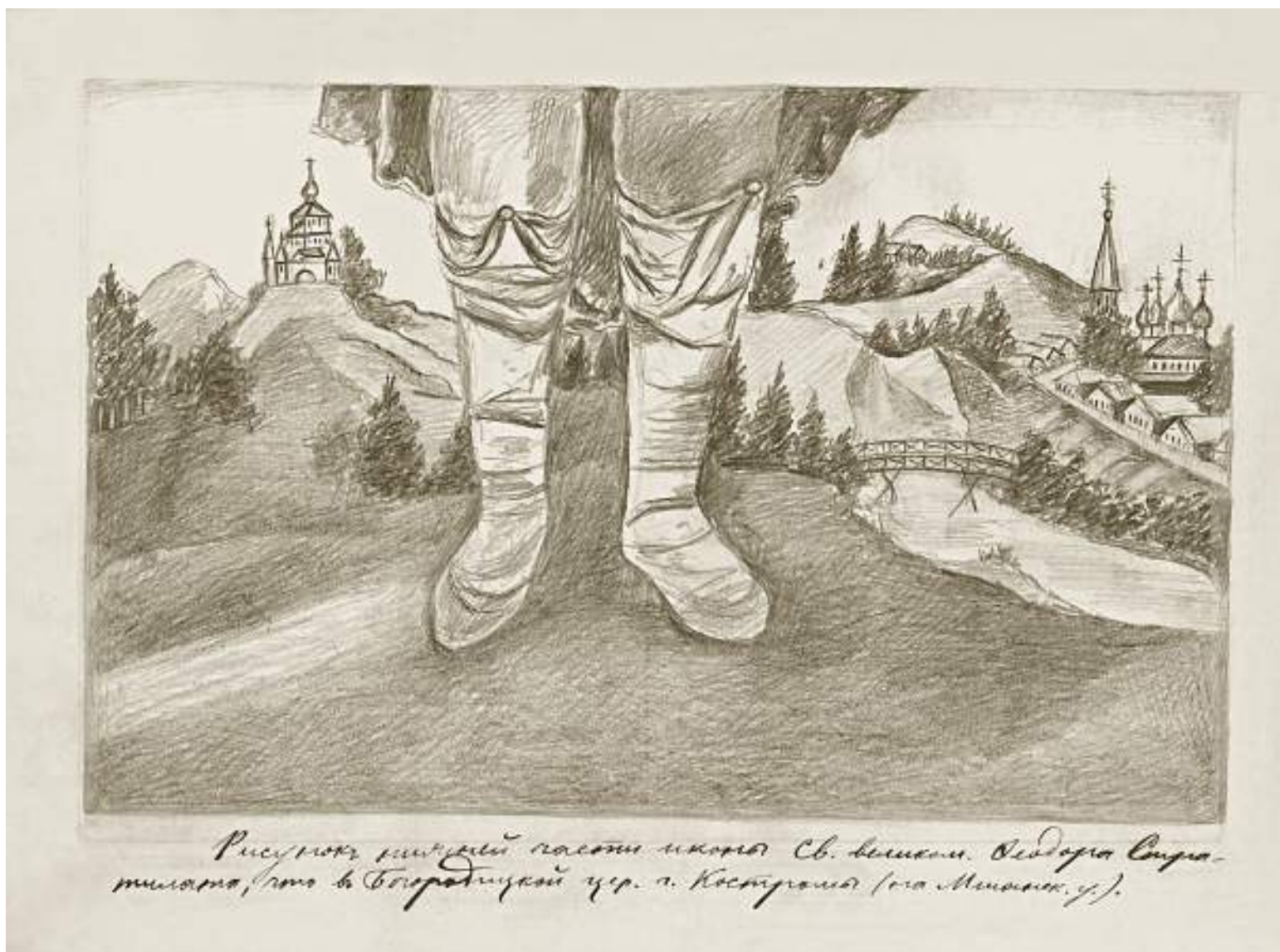

Рисунок нижней части иконы Св. великом. Феодора Стратилата, что в Богородицкой цер. в Костроме (по Мшенин. у.).

За XV и XVI вв. мы не имеем документов не только о храме Феодора Стратилата, но имеем очень мало данных для того, чтобы проследить за это время судьбу Успенского собора: всепоглощающее пламя пожаров истребило все документы, касающиеся этих храмов за описываемое время. Только и известно, что в XV в. был слишком обилен в истории Костромы несчастными событиями, которые препятствуя росту и благоукрашению города, вместе с тем препятствовали и церковному строительству в нем.

Упомянем о некоторых из этих событий. Не успел город вполне оправиться от пожара 1413 г., как в 1420 г. с 15 августа распространилось моровое поветрие в Костроме, Ярославле, Галиче и Плесе и в др. местностях; людей вымирало так много, что некому было жать рожь. В 1422 г. новое

бедствие постигает Кострому и другие города - сильный голод. Цены на хлеб страшно поднялись; вследствие голода появилась большая смертность, так как люди ели всякую пададь⁸⁷.

В 1425 г. скончался попечитель Костромы великий князь Василий Димитриевич. На великое княжество вступил сын его, еще десятилетний, Василий Васильевич, а с этого времени почти до 1452 г. начинается последняя сильная усобица из-за великаго княжения. Кострома и Галич со своими уездами сделались театром междоусобных войн великаго князя Василия Васильевича со своим дядею Галичским князем Юрием Димитриевичем и его детьми Василием Косым и Димитрием Шемякою.

Город Кострома был уже настолько укреплен, что слу-

Богоматерь Федоровская со сказанием (фрагмент). Гурий Никитин. Кострома. 1680-е гг.

Вид на Костромской кремль со стороны реки Волги

жил местом убежища князей и сборным пунктом их ратей. За его крепкими стенами спасаются то сам великий князь Василий Васильевич (в 1433 г.), то дети князя Юрия - Василий Косой и Дмитрий Шемяка, убежавшие от родительского гнева⁸⁸. В 1449 г. князь Димитрий Шемяка подошел с большим войском к Костромскому кремлю, где находился двор великаго князя Василия Васильевича, но защитники города, воеводы Ив. Вас. Стрига и Феодор Басенок со многими боярскими детьми заперлись в твердых костромских укреплениях и так мужественно отразили неоднократные нападения галичских ратников, что Шемяка без всякой пользы вынужден был отступить от города⁸⁹. Около 1468 г. на окрестности Костромы напал с войском Казанский царь Ибрагим, опустошил соседния волости, многих жителей захватил в плен, но на сильныя укрепления Костромы напасть не решился. Князь Иван Стрига Оболенский, узнал об этом, вышел из костромских укреплений

за казанцами в погоню, гнался до реки Унжи, но не достиг⁹⁰.

Таким образом, после смерти Василия Димитриевича новый костромской кремль представлял уже хорошо обстроенную крепость, которая выдерживала неоднократные нападения врагов.

В 1462 г. великий князь Василий Васильевич скончался, и на московский великий престол вступает его старший сын Иоанн III Васильевич (1462-1505).

Этот великий князь оставил о себе, между прочим, память как глубокий почитатель храмов Божиих и строитель многих каменных соборов в Москве и других городах. В этом отношении только великий князь Иоанн Калита может равняться с ним. Но московские кремлевские соборы, выстроенные Иоанном Даниловичем Калитой, при слабой технике тогдашняго строительнаго искусства, отличались непрочностью и теснотою, храмы же, выстроенные Иоанном III, стоят и до сего времени.

СЫРЦОВ ИОАНН ЯКОВЛЕВИЧ. родился в 1837 г. - духовный писатель, протоиерей, ректор Костромской духовной семинарии. Окончил курс в Казанской духовной академии. В бытность на службе в Сибири изучал тамошний раскол; в Тобольске при семинарии образовал библиотеку из старописьменных и старопечатных дониконовских книг; в Барнауле вел несколько лет беседы со старообрядцами. Главные труды Сырцова: «Возмущение Соловецких монахов-старообрядцев в XVII столетии» (Казань, 1881; 2-е изд., Кострома, 1889, магистерская диссертация), «Самосжигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетиях» (Тобольск, 1888), «Соловецкие острова» («Морской Сборник», 1867), «Архимандрит Порфирий Каробоневич, настоятель Соловецкого монастыря» (Архангельск, 1891), «Старообрядческая иерархия в Сибири» (Тобольск, 1882), «К истории мистических сект в Сибири. Духовидец Израиль» (Тобольск, 1890), «Мировоззрения наших предков русских славян язычников до крещения Руси. Вып. I. Мифология» (1897), «150-летие Костромской духовной семинарии, 1747-1897 годы» (1897), «Архипастыри костромской епархии за 150 лет ее существования, 1745-1898 гг.» (1898).

Задавшись целью перестроить обветшавшие кремлевские храмы, великий князь Иоанн III Васильевич с этой целью выписал опытных мастеров из иноземных государств и из некоторых соседних областей русского государства, например, из Пскова, Новгорода и др. Опытными иностранными и русскими мастерами по указанию великого князя были заново перестроены в Москве соборы Успенский (1472-1479 гг.) и Благовещенский (1484-1489 гг.), Архангельский (нач. при Иоанне III, конч. 1509 г. при Василии III), и Михайловский в Чудовом монастыре (1501-1504 гг.), а равно и монастыри Новоспасский и Данилов и расширены кремлевские царские палаты.

Город Кострому при этом великом князе, строителе церкви Божиих, постигло такое тяжкое несчастье, как и в 1413 г. В 1493 г. в субботу на Вербное Воскресение весь город, по сказанию летописи⁹¹, был истреблен пожаром. Не был пощажён пожаром и Успенский собор, стоявший в центре городского кремля⁹² и имевший не только в то время, но даже во второй половине XVII в., деревянную кровлю и деревянные полы. Если в прежнее время жители Костромы после пожаров, прежде всего, заботились о возобновлении своих храмов, то, конечно, и теперь употребили все свои силы к восстановлению своего главного соборного храма. Так как храм этот был в то время главным центром, около которого сосредоточивалась вся местная церковная и административная жизнь, и как бы придворным собором, в отличие от другого, рядом стоящего посадского Троицкого собора, то в возобновлении его, естественно, должен был помочь костромитянам и московский храмоздатель - великий князь Иоанн III Васильевич.

Именно в это время, надо полагать, и произошло первое расширение Успенского собора пристройкой южной его части, удлинившей средину храма. Устроенный первоначально с двумя внутри столбами Успенский собор, с этого времени (после 1493 г.) получил четыре столба и удлиненную форму средней части храма.

Задняя стена основного ядра храма, имеющая в подвальной части, как и другие его стены, небольшие древнего стиля окна, с железными решетками, находится и ныне под полом на том месте, над которым в самом храме находятся задние его столбы; но для основания и большей устойчивости этих столбов к задней, подвальной стене основного ядра храма, приложена снаружи другая стена, закрывающая окна. Эта стенка на расстоянии 5 аршин и 9 вершков соединена в подвале каменным полуциркульным (бочкообразным) сводом с последнею, ныне существующею от основания до кровли храма заднею стеною храма, образуя т. о. внизу новый, совершенно изолированный подвал около 7 сажень длины и 5 аршин и 9 вершков ширины. Размер кирпича в стенах этой пристроенной части храма ($7 \times 3\frac{5}{8} \times$

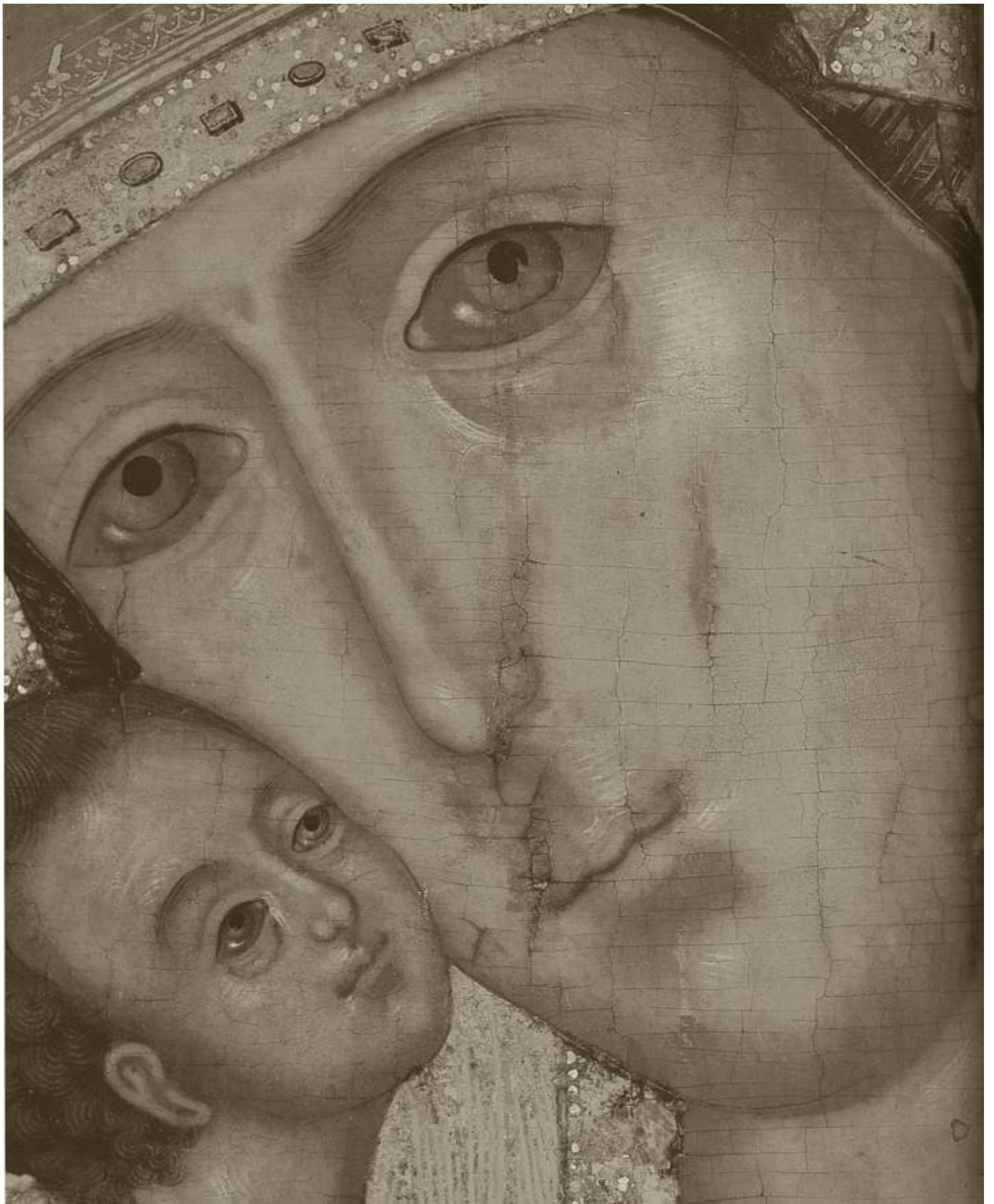

Икона Феодоровской Божией Матери с 16 клеймами.
Первая половина XIX в.

2 в.), а в основном ядре ($6\frac{1}{2} \times 3 \times 1\frac{1}{4}$ в.); степень его обжига (кирпич красный, хорошо обожженный) и чистота кладки стен наглядно показывают, что она строена позднее основного ядра собора и вполне соответствует качеству кирпича и кладке других построек времени Иоанна III, например, московских соборов.

Внутри храма по новой задней стене во всю ее длину, вероятно, при самой же кладке ее, устроены висячие хоры, вход на которые проделан в самой стене в левом углу. Под хорами посредине стены проложен вход в храм из южной галереи. А внизу стены, для большей ее устойчивости, снаружи на земле поставлены контрафорсы, существующие и до сего времени, ясно показывающие, что эта стена в свое время была наружною, а все облегающие храм галереи устроены позднее.

Своды древнего храма, с удлинением его, по необходимости были переложены, а с тех пор Успенский собор своими коробчатыми сводами опирается одним концом на стены, а другим на четыре четырехгранные столба, соединенные между собою прямыми арками. На среднем между столбами парусном своде поставлен фонарь с купольным сводом. Весь храм во внутренности своей (от иконостаса) имеет 21 аршин 10 вершков длины и 20 ар-

шин ширины. Есть достаточное основание предполагать, что самые стены храма для большей симметрии длины и ширины с высотой, были тогда же, в размере опирающихся на верхний наружный карниз (около 4 аршин высоты), подвышены. Характер выдающегося наружу верхнего карнизного пояса, на который опираются наружные полукружия, связывающие пилястры, таков, каким каменные стены обыкновенно заканчиваются вверху, для опоры на него крыши. Да и самые своды храма опираются не на верх стен, а несколько ниже, именно на то место, где снаружи протянут карнизный пояс, так что расстояние между сводом и краем крыши таково, что около стен может пройти согнувшись человек.

При уменьшенной настолько (около 4 аршин) снаружи высоте первоначального храма (6 аршин), высота и алтарных выступов более соответствовала высоте храма, чем теперь.

Вероятно, при перекладке сводов храма, воздвигнуты

на них все существующие доныне пять глав⁹³, причем трибуна средней главы устроена с просветами, а трибуны угловых глав - глухие, и все они украшены изящными полуколонками. Современная же форма покрытия глав в виде двух луковиц - большой и малой - это остаток уже позднейшего времени, последок пожара 1773 г. После этого же пожара 1773 г. разделаны и существующие ныне в алтарях и стенах верхней половины храма, приподнятые с самого начала по старинному обычаю на 2 сажени от пола, щелеобразные прежде окна. В описи собора 1702 г. говорится, что церковь еще в XVII в. освещалась 12 слюдяными оконцами⁹⁴.

Таким образом, к XVI в. Успенский собор, за исключением пристроенных позднее галереи и придела Феодора Стратилата, получил тот размер, в котором мы видим его и ныне. Высота его снаружи со стороны алтаря от земли до крыши 7 сажень слишком (другие стены из-за покатости местности выше), ширина без галереи и пристроек - 9 са-

Икона Феодоровская Божией Матери со сказанием. XVIII в. Фрагмент средника

Глава IV

жен, длина по стенам со средним алтарным выступом 11 сажен $1\frac{3}{4}$ аршина.

О судьбе Успенского собора за XVI в. ничего не известно. Можно полагать, что за это время ничего, заслуживающего внимания в историко-археологическом отношении в судьбе собора и не было. Неизвестно ни о каких пожарах, ни о каких местных исторических событиях, ни о замечательных в каком-нибудь отношении кремлевских постройках, которые отразились бы на истории этого знаменитого храма.

Единственный документ, касающийся Успенского собора - это несудимая грамота царя Феодора Иоанновича, данная в 1586 г. на имя протоиерея Алексия, да попов Максима, Фалалея и Полиевкта с диаконами и их преемников. Этот документ дан был вместо такой же ветхой грамоты от времен великаго князя Василия Иоанновича⁹⁵. Из этой грамоты видно, что при соборе в XVI в. существовал многокомплектный причт; из протопопов, двух священников, нескольких диаконов и псаломщиков. Протопоп собора именуется здесь то протопопом соборныя церкви Феодора Стратилата, то Пречистенским, то просто костромским

(если сопоставить упоминание грамоты, повторенной в том же смысле и последующими царями первой половины XVII в., о таком многокомплектном причте собора, с упоминанием костромских Писцовых книг 1628-1630 гг. о том, что в начале XVII в. древний деревянный храм Феодора Стратилата стоял на Мшанской улице без пения, т. е. без самостоятельного причта, то не естественно ли предположить, что в XVI и XVII вв. деревянный соборный храм Феодора Стратилата уже перестал существовать, как самостоятельный, а был приписан к новому каменному кремлевскому собору, носившему разные наименования. Причт этого новаго кремлевскаго собора, надо полагать, по времени и совершал в приписанной древней Феодоровской церкви богослужение).

В Богородицкой (Богоотцовской) церкви города Костромы, выстроенной на месте древняго деревяннаго храма великомученика Феодора Стратилата на Мшанской улице, сохранилась от XVII в. одна древняя икона этого святого, которая в своих оригинальных деталях, по-видимому, может несколько уяснить и забытость в XVI и XVII вв. древняго Феодоровскаго храма⁹⁶ и топографическое отноше-

Вид старого железно-дорожного вокзала в Костроме

Гауптвахта. 1823-1825 гг.

ние его к новому городу. На этой иконе (1 арш. 2 верш. выс. и 14 верш. ширины) изображен во весь рост св. великомученик Феодор Стратилат в древней воинской одежде с крестом в правой руке и мечом при левом бедре. У ног святого изображен горный ландшафт. С правой стороны от святого угодника в отдалении на горе виднеется одинокая одноглавая, высокая, в два света, окруженная небольшой оградой, с башенками и с шатровой колокольней церковь. За оградой около церкви видны два дома. Не есть ли это изображение иконописцем той самой церкви Феодора Стратилата, о которой в Писцовых книгах 1628 г. говорится, что «на р. Суле у Мшанской улицы она стоит без пения», т. е. без причта, как приписная «древяна клецки», т. е. деревянная, построенная в клетку, как она и изображена на иконе? Если предположить, что святой Феодор Стратилат изображен на иконе обращенным лицом по направлению от города к р. Волге, то именно этот древний Феодоровский храм и должен находиться от него с правой стороны.

По левую сторону Феодора Стратилата (на правой стороне иконы) изображена протекающая по рву речка, через которую перекинут деревянный мостик, а за мостиком земляной вал, за валом виден ряд домов, за которыми стоит

пятиглавый храм с четырехскатною кровлею и рядом стоящею с ней шатровою колокольнею. Не пытался ли иконописец с этой стороны изобразить окруженный земляными валами, находившийся по отношению к храму Феодора Стратилата за р. Сулою, новый кремль, или старый город с храмом «Успения Пресвятыя Богородицы и иконы Феодоровския», находившийся, по описанию Писцовых книг, внутри кремля среди деревянных домов? В начале XVII в. при этом храме по Писцовым книгам значится уже и шатровая колокольня, построенная неизвестно когда⁹⁷.

Впрочем, нельзя опустить из внимания и то, что в XVII в. пространство между упоминаемыми двумя храмами не было уже так пустынно, как оно изображено на иконе; тут был уже в 1619 г. окруженный деревянною стеною новый город с церквами и целой улицей (Брагиной) домов. Так как иконы в древности писались обыкновенно не от собственного измышления, а по твердо установившемуся преданию, без допущения каких-либо новшеств, то естественно, что иконописец, желая изобразить святого великомученика Феодора Стратилата, как покровителя г. Костромы, пытался воспроизвести и местность, окружающую тот Феодоровский храм, в который предназначена была икона, в том виде, в котором она представлялась иконописцу, со-

Глава IV

гласно местному преданию, притом не в современном состоянии, а в предшествовавшее время в XV и XVI вв. А в XV в. и нач. XVI в., когда административная и торговая жизнь города с религиозным центром сосредоточивались исключительно около Успенского собора, и город постепенно разстраивался лентою уже более по направлению от кремля вниз по Волге, а не между Сулою и рекою Костромою, вполне естественно, что местность прежнего деревянного кремля со старым деревянным Феодоровским храмом, после нескольких пожаров и моровых язв, надолго заглохла и сделалась сравнительно с новой территорией города довольно пустынною.

Если же предположить, что на правой стороне иконы, около речки, изображен не этот кремль, устроенный в 1416 г. и известный в XVII в. более под именем старого города, который в действительности находился от речки Сулы не так близко, как изображен на иконе, а современный иконописцу город, окруженный стеною «на случай осада положения» в 1619 г., то видимая стена или вал, а за ним пятиглавая с шатровою колокольнею церковь, окру-

женная домами, будет ничто иное, как церковь основанного еще в конце XVI в. Анастасьина монастыря, который находился в XVII в. уже в так называемом «новом городе» и всего ближе к древнему храму Феодора Стратилата. В писцовых книгах об этом монастыре сказано так: «на Костроме на посаде на Суле» Пресвятыя Богородицы девич Анастасьин монастырь, а в монастыре церковь Пресвятыя Богородицы Ризоположенье, да предел Михаила Милейна, да другой предел мученицы Настасеи, деревянна верх шатровый на каменное дело»⁹⁸. Монастырь этот окружен был оградой, а около ограды шел ров, окружающий «новый город», за оградой монастыря к Волге шла Брагина улица, начало теперешней Мшанской, а «в Брагиной улице Анастасьина девича монастыря на земле дворы»⁹⁹, все так, как изображено на иконе.

Очевидно, иконописец, желая изобразить местность, окружающую храм, посвященный имени изображенного на иконе вм. Феодора Стратилата, вместе с тем невольно показал ту забытость и одиночество этого храма, стоящего «без пения», ту пустынность этой местности, которую

Успенский собор, Сусанинская площадь и Гостинный двор. Старое фото

долгое время отличалась эта часть города, весьма густо в древности (до XV в.) населенная, но после страшного пожара 1413 г., мора и голода 1420-1423 гг. и последующих бедствий надолго запустевшая.

Такова судьба соборных храмов Феодоровского и Успенского в XV и XVI вв. в связи с изменившейся топографией г. Костромы. С XVII в до настоящего времени история этих храмов и особенно Успенского собора более ясна, чем в предшествующее время, так как есть письменные документы, по которым можно составить более ясное представление об истории всего г. Костромы, и, в частности, о его главных храмах.

Вид на ограду Костромского кремля с запада

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

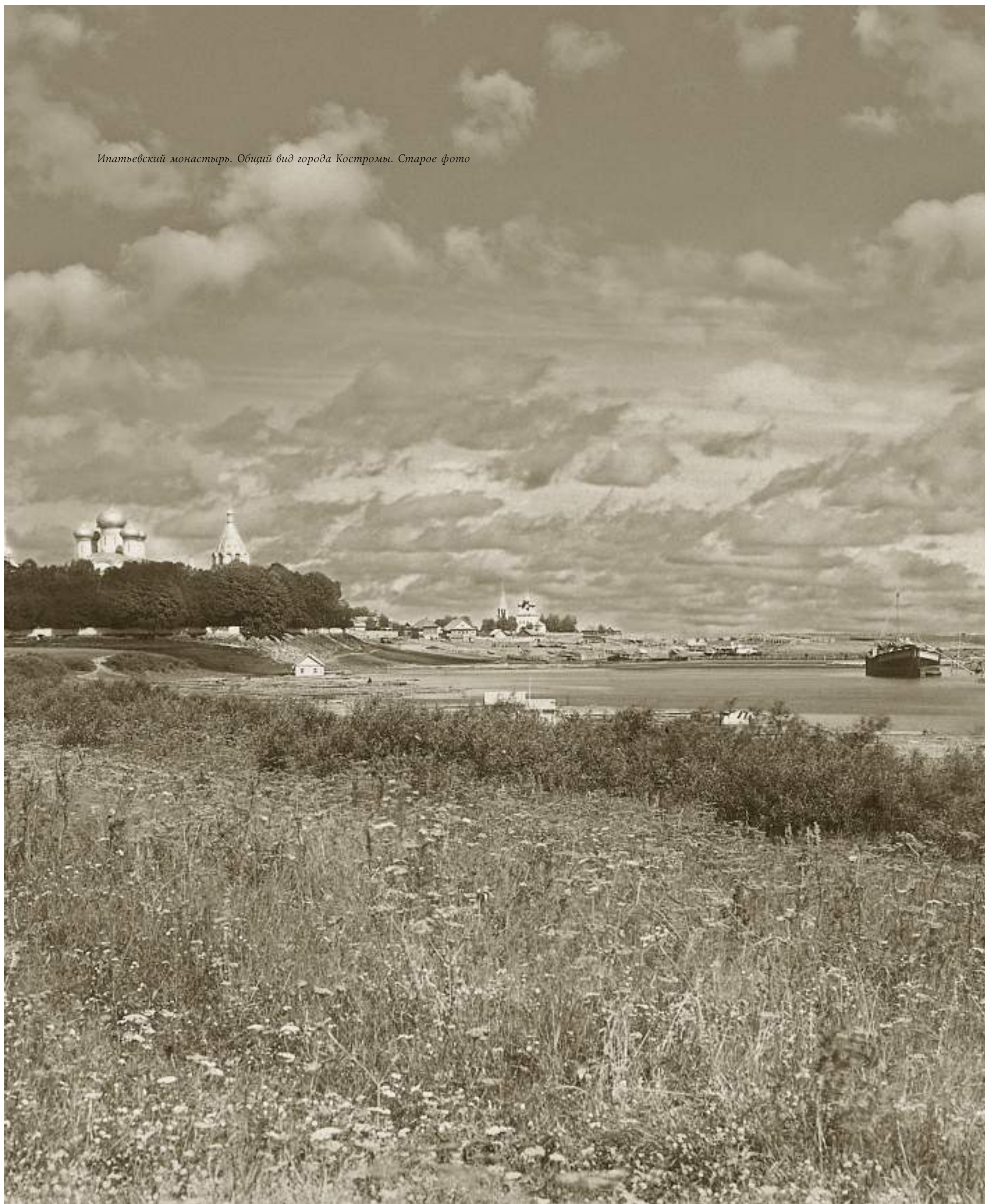
- 75 Другие историографы только повторили письменно мнения оо. протоиереев.
- 76 Никон. Лет. в П. С. Л., X, с. 231, изд. Арх. ком. 1897 г.; Воскр. Лет., в П. С. Л., VIII, с. 88, изд. Арх. ком., 1859 г.; И. Миловидов. Очерки ист. Костромы, с. 64.
- 77 Древний русс. Летописец, ч. 2, с. 398; Козловский - Взгляд на ист. Костромы, с. 49, Пр. П. Островский - Ист. Костромы, с. 20.
- 78 Галичская летопись писана в 1572 г., см. Крживоблоцкий - Материалы для геогр. России, с. 7. В рукописи Царского (Уварова) № 438 летопись эта занимает 21 лист. См. опыт русс. историографии В. С. Иконникова, т. 2, кн. 1, с. 893. прим. 10. Ссылка на упомянутое нами место Галич. Лет. есть и у Прот. М. Диева - Ист. зап. о г. Костроме, рукоп. из библ. А. Титова № 419.
- 79 Прот. А. Виноградов. - Ист. Усп. соб. в г. Владимире, с. 48; А. М. Павлинов - Ист. русс. Архит., с. 113.
- 80 Прот. Н. Благоразумов - собор Спаса Преображения (Спаса на Бору). М., 1899, с. 18.
- 81 А. Павлинов. - Ист. Русс. Архит., с. 37.
- 82 Прот. П. Островский - Историч. опис. Костр. Усп. соб., с. 47. И. Баженов «Костромские святыни» в Костр. Епарх. Ведом., 1910, № 24, с. 761, прим. 1.
- 83 Прот. П. Островский с. 20.
- 84 Древ. Русс. Летописец, ч. 2, с. 398; Козловский, с. 4.
- 85 Писцовыя книги по г. Костроме «письма и меры Ивана Бутурлина, да подъячих Остафья Колюпанова, да Ивана Злобина, 136 (1628) года, да письма же и меры и межевания Василия Валконского и др. 136 и 138 (1628-1630 гг.), хранятся в Костромской городской управе. Копия с них имеется в Костромском Богоявленском монастыре. Часть этих книг списана прот. М. Диевым в его «Кост. Вивлиофик», в рукописи за № 111, хранящейся в Кост. арх. музее. Есть специальное исследование И. Баженова - «Костромские городские церкви и монастыри по писцовым книгам XVII века», напечатанное в Костромских Епархиальных Ведомостях 1899 г.
- 86 Так перемешиваются эти наименования, напр. в несудимой грамоте, данной этому собору царем Феодором Ивановичем 15 сент. 1586 г. взамен старой обветшавшей, данной царем Василием Ивановичем (1505-1535) и подтвержденной царем Иоанном Грозным. См. описание собора пр. П. Островского, прим. 7, с. 195; ср. с 199 и 157. То же наименование собора значится и в подтверждении этой грамоты государями Борисом Феодоровичем 6 октября 1108/1600 г. и Вас. Ив.

- Шуйским 29 сент. 7115/1607 г. Там же с. 200.
- 87 И. Миловидов. - Очерк Костр., с. 64.
- 88 Карамзин - Ист. Гос. Росс., т. V, с. 260, 262, изд. 2. Щербатов - Ист. Росс., т. IV, ч. I, с. 469-474.
- 89 Там же. с. 566; летоп. по Никонову списку в П. С. Л., т. XII, изд. Арх. Ком., 1901 г. И. Миловидов, с. 91, Козловский, с. 63.
- 90 Щербатов, т. IV, ч. 2, с. 10; прод. Нестор. лет, с. 265.
- 91 Воскрес. лет в П. С. Л., т. VIII, с. 226 и Твер. лет. в П. С. Л., т. 15, с. 501. Изд. Арх. Ком.
- 92 В древности самый кремль собственно и носил название города, а примыкающие к нему улицы делились на посады.
- 93 Из истории обновления Успенского собора после следующего пожара 1654 г. известно, что он до этого пожара имел кровли, очевидно, деревянные, и главы, которые только после этого пожара были опаяны железом. Пр. И. Сырцев - Костр. Усп. собор, см. в К. Е. В., 1908, № 19, с. 510.
- 94 Там же, с. 511.
- 95 Прот. П. Островский - Опис Усп. соб., прилож. 7, с. 195-199.
- 96 Костр. город. церкви и монастыри по писцовым книгам XVII в. И. Баженов, см. в прил. к К. Е. В., 1899-1901 гг., с. 36.
- 97 Там же, с. 15 и прим. 9.
- 98 Там же, с. 41.
- 99 Там же, с. 43.

В 1797 г. по велению императора Павла I городу Костроме был пожалован новый губернский герб, изображающий щит, разделенный на 4 части: на красном поле изображен золотой крест, на зеленом - перевернутый полумесяц, пустые поля - золотые.

Ипатьевский монастырь. Общий вид города Костромы. Старое фото

ГЛАВА V

Успенский собор и храм Св. Феодора Стратилата в XV-XIX вв. в связи с топографией г. Костромы

Костромской кремль и Успенский собор по Писцовым книгам 1628-30 гг. Значение Успенского собора и его чудотворной святыни в истории Костромы, особенно со времени воцарения в 1613 г. Михаила Феодоровича Романова на всероссийский престол, и установление в память этого события праздника на 14 день марта. Составление на этот день в 1678 г. особой службы Феодоровской иконе Богоматери. Паломничество государя Михаила Феодоровича в Успенский собор в 1619 г. Обновление Феодоровской иконы Богоматери в 1636, 1677 и 1745 гг. Попечение Михаила Феодоровича о благоустройстве г. Костромы. Город Кострома и кремлевские храмы к концу царствования Михаила Феодоровича. Кострома в церковно-археологическом отношении во второй половине XVII в.

Постройка при Успенском соборе крытой каменной галереи и придельного храма св. Феодора Стратилата. Успенский собор в XVIII в. Древний соборный храм Феодора Стратилата и Симеоновский монастырь в XVII и XVIII вв. Уничтожение древнего Феодоровского храма и построение на месте его новой каменной церкви в честь Феодоровской иконы Божией Матери. Пожары Костромы 1773, 1779 и 1789 гг. Новые пристройки к Успенскому собору и новая распланировка города по плану 1781 г.

Самый важный документ, по которому мы можем судить о топографии и церквях г. Костромы в XVII в., представляют упомянутые выше Писцовы книги 1628-30 гг. «письма и меры Ивана Бутурлина, да подьячих Ост. Колюпанова, Ив. Злобина, князя Волконского» и др., писанные в царствование благоверного Государя Михаила Феодоровича. Они содержат в себе довольно подробное описание и города с землями, строениями и населением, и разных его угодий, и промыслов. Благодаря этим книгам мы и можем составить представление об устройстве города в XV и XVI вв., о количестве и местоположении церквей и монастырей, и даже, несколько, об архитектуре самых храмов. Другой важный документ - план г. Костромы от 1755 г. с объяснительною к нему запискою. По этим двум документам видно, что Успенский собор в XVI и XVII вв. находился в центре кремля, известного под названием «старый

город», какое название усвоено ему, вероятно, тогда, когда посадскими жителями с разрешения Великого государя Михаила Феодоровича был построен в 1619 г. «новый город» на случай осадного положения¹⁰⁰. Кроме кремля и «нового города» Кострома состояла в то время уже из двух, или трех посадов, и нескольких слобод. В таком виде она оставалась до 1773 г., когда после сильного пожара, истребившего большую часть города, был в 1781 г. составлен новый план города, подтвержденный Высочайшей властью. По этому плану Кострома совершенно изменила свой облик, и на прежний старый и новый город остались в настоящее время только самые слабые намеки.

Костромской кремль или старый город в начале XVII в. представлял собою благоустроенную крепость, вооруженную и довольно населенную. Крепость состояла из земляной дугообразной насыпи, похожей на нынешние железно-

Барельеф памятника со сценой гибели Ивана Сусанина

дорожные насыпи. Она доходила вышиною местами до 5 саж., а в окружности тянулась $511\frac{1}{4}$ саж. Концы насыпи упирались в реку Волгу. Насыпь с трех сторон была окружена глубокими рвами, с перекидными против выходов в «новый город» и в посады мостами. На насыпи в различных местах стояло 14 деревянных башен, рубленных клетками. В некоторых башнях были устроены ворота. Между башнями - тын из толстых бревен вышиною в $2\frac{1}{2}$ саж., ставлен в борозду. «Под верхом (под крышею) были полати с боем и подкатами». Был даже тайник, т. е. тайный подземный выход из крепости к реке Волге, откуда в случае осады можно было брать воду. Пред главными Спасскими воротами, в сторону нынешней Спасской в гостином ряду церкви, был устроен в новый город через ров на клетках мост, ширина его 5 саж. Этот мост существовал до конца XVII в., когда он был уничтожен, а ров, через который он был перекинут, засыпан. В кремле было три улицы: большая улица тянулась от Спасских ворот подле осыпи или северного вала к водяным воротам; на эту улицу выходит переулок. Здесь было расположено много казенных зданий, осадных дворов и до 191 частных домов. Невдалеке от Успенского собора к северному валу находился деревянный Воеводский двор (23 саж. в длину и 17 саж. в ширину). Из казенных зданий здесь помещались - съезжая изба с сенями, где сидели воеводы и приказные люди (воеводская канцелярия), губная изба (судебное учреждение для разбирательства уголовных дел), караульная изба, тюрьма, четыре

житницы государевы, кузница казенная; сюда же следует отнести и дворовое место пушкарское и осадный колодезь¹⁰¹. Здесь жил и военный гарнизон, состоящий из стрельцов, пушкарей, воротников и т. д.

В кремле же находилось семь осадных дворов, которые принадлежали Костромским монастырям: Ипатьевскому, Богоявленскому (два двора), Троице-Сергиевой Лавре и Московским монастырям: Новоспасскому, Чудову и Новинскому. Из частных домов многие принадлежали знатнейшим фамилиям - князей, бояр, стольников, дьяков и разных дворянских семейств¹⁰². Но особенно обращает на себя внимание собственный дом матери царя Михаила Феодоровича, инокини Марфы Ивановны (в мире боярыня Ксения Шестова), который находился вблизи Успенского собора на месте северо-западного угла соборной ограды. О нем так говорится в Писцовых книгах письма и меры Ивана Бутурлина: «в старом городе переулок на большую улицу к водяным воротам двор осадный великия Государыни инокини Марфы Ивановны; двора в длину семь сажен без чети (четверти) поперег полсемы сажени опорныя земли (с) Здвиженским монастырем, в длину полдевяты сажени, поперек пять сажен с четью (с четвертью)». Можно с вероятностью предполагать, что в этом своем доме близ собора боярыня Ксения Ивановна Шестова - Романова и юный сын ее Михаил Феодорович жили временно с 1606 г. под близким покровом Богоматери, прославившей многими чудесами свой явленный в Костроме образ¹⁰³. Отсюда же они по различным обстоятельствам отъезжали

М. Скотти. К. Минин и Д. Пожарский

Впервые идею увековечения исторического подвига костромского крестьянина Ивана Сусанина, который в начале 1613 г. завел отряд врагов в непроходимые дебри, пожертвовав жизнью во имя спасения родины, выдвинул местный педагог и литератор Юрий Никитич Бартенев, хороший знакомый А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Во время приезда Николая I удалось получить его согласие на установку памятника народному герою, в ознаменование чего указом от 8 июня 1835 г. Екатерининская площадь была переименована в Сусанинскую.

то в Москву, то в свое вотчинное село Домнино, то укрывались (например, во время опасности от поляков, устраненной подвигом И. Сусанина в 1613 г.) за крепкими стенами Ипатьевского монастыря.

Обилие в кремле частных домов знатных фамилий дает нам основание предполагать, что в смутное время в начале XVII в. так же, как и прежде, многие из Московских бояр и князей искали себе верного убежища от опасностей в Костроме, прославившейся уже много раз неодолимой земною силою покровом Богоматери. По такому убеждению они и устраивали осадные для себя дворы близ собора, считая себя некоторым образом прихожанами соборной церкви, в которой находилась чудотворная Феодоровская икона Заступницы Божией Матери.

Серебряный ларец с верноподданнической грамотой от Российского дворянства, врученный Михаилу Федоровичу в Москве

Соборный каменный храм в память Успения Божией Матери с приделом внутри его в честь Феодора Стратилата, со времени его построения придавал Костромскому кремлю как-бы особенное священное значение. Такое значение этого храма и главной его святыни, чудотворного образа Феодоровской Богоматери, особенно возросло со времени избрания и вступления на царский престол Костромского молодого боярина Михаила Федоровича Романова. С 14 Марта 1613 г. Кострома сделалась колыбелью, из которой пришел на спасение отечества и веры (надпись на памятнике Сусанину в Костроме) родоначальник Благословенного Богом Дома Романовых, уже 300 лет славно царствующаго в России.

Род Романовых, как известно из истории, ведет свое начало от Прусского князя, одного из потомков первого царя Латышскаго Видвута, приехавшаго (1287 г.) в Россию с двумя сыновьями и в святом крещении названнаго Иоанном¹⁰⁴. Этот славный род потомков царя Видвута, став потом более известными под фамилией Захарьиных, Юрьевых, Романовых, начинается в России почти современно явлению в г. Костроме Феодоровской иконы Богоматери.

Такое совпадение двух событий, оказавших впоследствии времени благодетельное влияние на судьбу России, не возможно ли признать не простым только стечением обстоятельств, но и действием премудраго Промысла Божественнаго, который постепенно неисповедимыми для слабого человеческого разума путями вел к спасению Россию, устроив то, что Род Романовых, потомков царя Видвута, привился к роду царей Русских и произвел отцов отечества, столь славно послуживших в течение 300 лет в преемственном ряду наследственных царей, столь славно и плодотворно послуживших на пользу Русскаго государства. Это объединение двух родов совершилось в 1547 г. чрез брак Иоанна IV Васильевича с добродетельною и (по летописи) предоброю Анастасиею Романовною, дочерью Романа Юрьевича Захарьина, бывшаго окольным Иоанна III. Брат царицы Анастасии, великий Боярин Никита Романович Юрьев, чрез сына Феодора Никитича и был дедом первого царя Дома Романовых костромского боярина Михаила Федоровича.

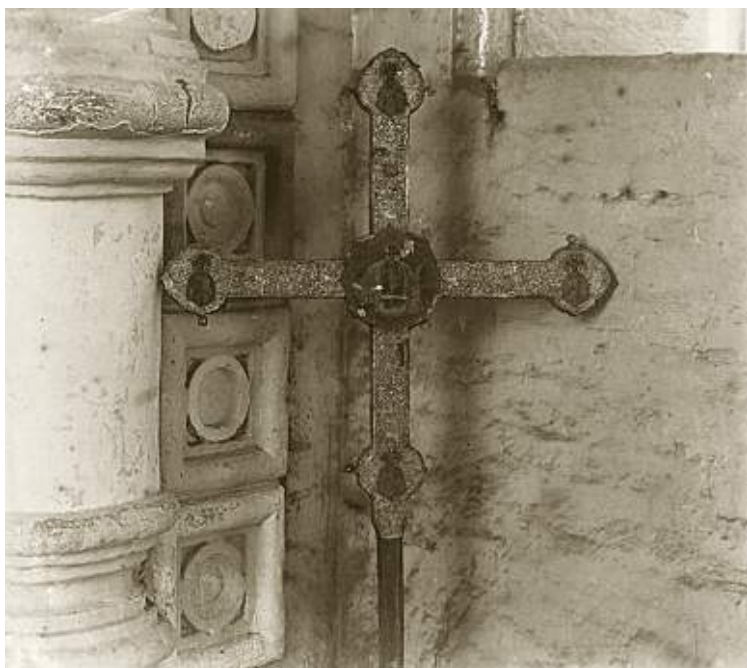
Вспомним кратко славную годину воцарения на Руси этого славнаго родоначальника царствующаго ныне Дома Романовых. 1612-м годом кончилась на Руси известное всем лихолетье самозванщины. Господь, наказавший Россию в начале XVII в. тяжкою годиною смут, безначалия и погрома от иноплеменников, положил предел гнева своего: премудрым и всеблагим промыслом избранные на спасение России князь Пожарский, Нижегородский купец Кузьма Минин и Троице-Сергиевский инок Авраамий Палицын с полным успехом совершили врученное им народное дело. К концу

Портрет юного царя Михаила Федоровича Романова

1612 г. Москва и вся средняя Россия, очищенные от врагов внешних, уже торжествовали свое спасение. К 12 Февраля 1613 г. в Москве собрался великий земский совет для избрания царя, на котором сословными представителями народа и был единогласно избран на царство шестнадцатилетний Михаил Романов (род. 12 июня 1596 г.), недавно освобожденный (28 сентября 1612 г.) из плена, в котором держали его у поляков, владевших Москвою, а теперь живший в своей Костромской отчине¹⁰⁵. В Кострому к новоизбранному царю и его матери инокине Марфе Иоанновне отправлено было с грамотами и московскими чудотворными иконами именитое посольство из духовных лиц и бояр.

Когда великое посольство Московское было уже в пути, поляки, узнавшие что их надежда видеть на царском престоле России Польскаго королевича Владислава, или самого короля Сигизмунда, потеряна, решили сделать попытку опять захватить в плен, или даже совсем погубить ново-

Крест, которым благословляли Михаила Федоровича на царство

избранного царя. Только кровь Костромского патриота Домнинского крестьянина Ивана Сусанина спасла народного избранника от покушения на него врагов, и юный Михаил Федорович, своевременно извещенный об опасности, укрылся в Ипатьевском монастыре, где и встретил Московское посольство.

13 Марта 1613 г. во время вечерен именитое посольство во главе с архиепископом рязанским Феодоритом, в преднесении Владимирской иконы Богоматери, прибыло в село Новоселки (ныне Селище) в 2-х верстах от Костромы за р. Волгой. На другой день 14 Марта с одной стороны реки Волги торжественно отправилось с крестным ходом в Ипатьевский монастырь московское посольство, а с другой - из Костромского кремля, из Успенского собора, чрез Спасские ворота, мимо древняго собора Феодора Стратилата, одновременно пошло городское духовенство в предшествии крестов и чудотворной Феодоровской иконы Богоматери, сопровождаемое чинами воинскими и гражданскими, и множеством народа с женами и детьми. На том месте, где р. Кострома сливается с Волгой, соединились Москва и Кострома - в лице своих святынь, священных соборов, высших сановников и множества народного, в единственную в летописях нашего отечества по цели и собранию святыни процессию, благоговейно и радостно продолжавшую путь по р. Костроме до святой обители. Колокольный звон при городских церквях и в самом монастыре возвестил боярам Романовым о приближении знаменитого посольст-

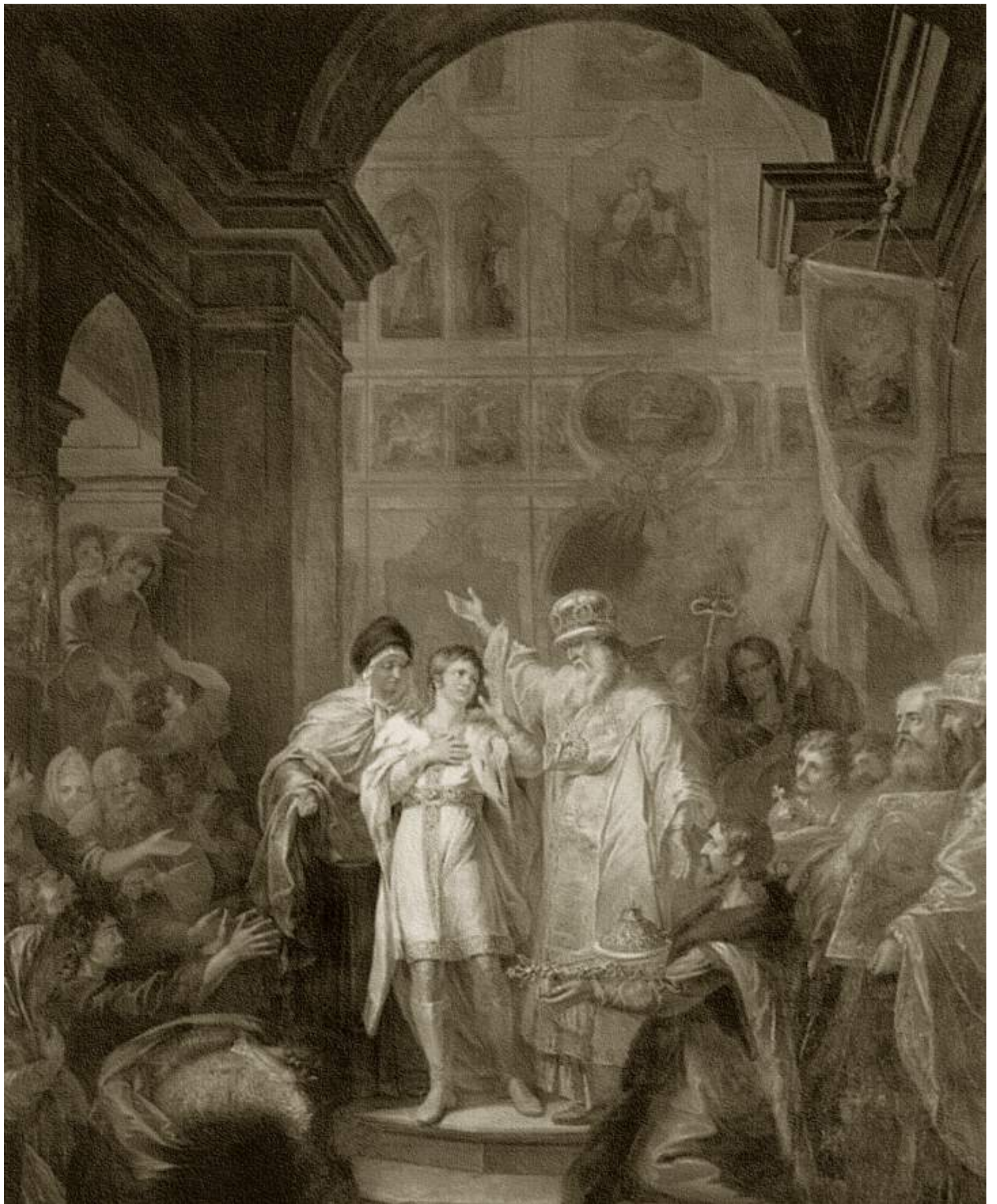
ва: они вышли из монастыря навстречу процессии, с благоговением и слезами пав на землю, поклонились святыням и приняли благословение святителя Феодорита, осенившего их животворящим крестом¹⁰⁶.

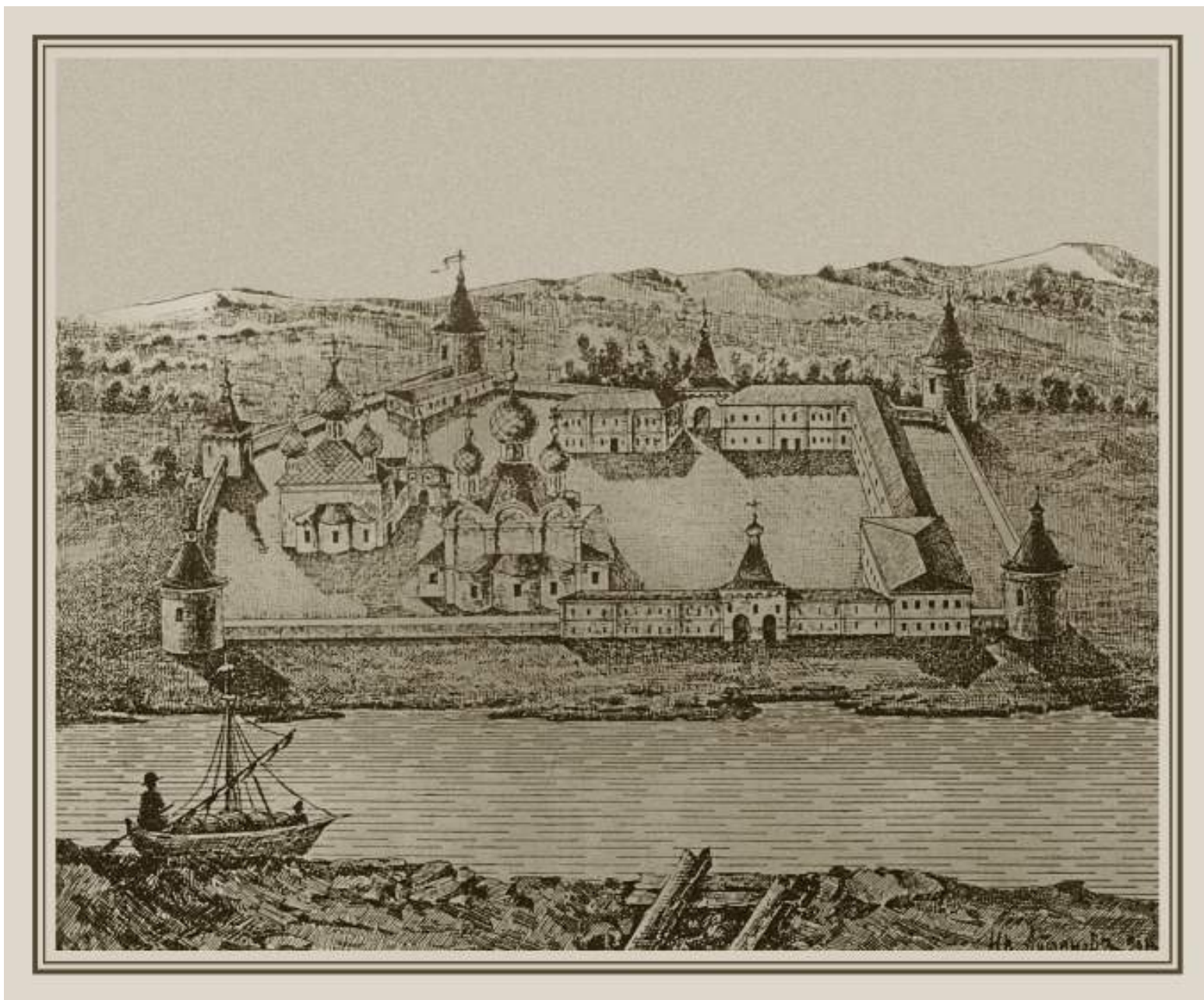
Вопреки ожиданию посольства и всего народа, долго смиренные и добродетельные мать и сын решительно не хотели принимать присланных из Москвы грамот об избрании юнаго Михаила на царство и стать на предлагаемое первое место в процессии, чтобы идти вместе с нею в Троицкий храм Ипатьевской обители. Немало потребовалось времени даже на то, чтобы убедить их идти за святынями в соборный храм монастырский¹⁰⁷. Здесь, по совершении освященным собором молебствия пред чудотворными иконами, послы подали Михаилу и матери его грамоты от собора и напрасно говорили сильными убеждениями и прочувствованными речми, которыми хотели вызвать согласие матери и сына на столь великое и почетное избрание народное. Шесть часов продолжались молебны посольства и народа, но безуспешно. Инокня Марфа говорила, что «у сына ея и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем; он не в совершенных летах, а московскаго государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались - дав свои души прежним государям, не прямо служили и т. п.»¹⁰⁸.

Наконец, видя, что все моления и речи не приводят к благой цели, архиепископ Феодорит с прочими священными чинами, поднявшими на руки честные кресты и чудотворные иконы, подошел к Михаилу и с твердостью сказал: «не противься воле Божией, - не мы предприняли сей подвиг, но Пречистая Божия Матерь возлюбила тебя - устыдись пришествия ея». Смугился Михаил от неожиданной строго святительской речи, и твердость его поколебалась: он подошел в слезах к матери, желая в ней найти себе

Повозка царя Михаила, сохранившаяся в Макарьеве-Унженском монастыре

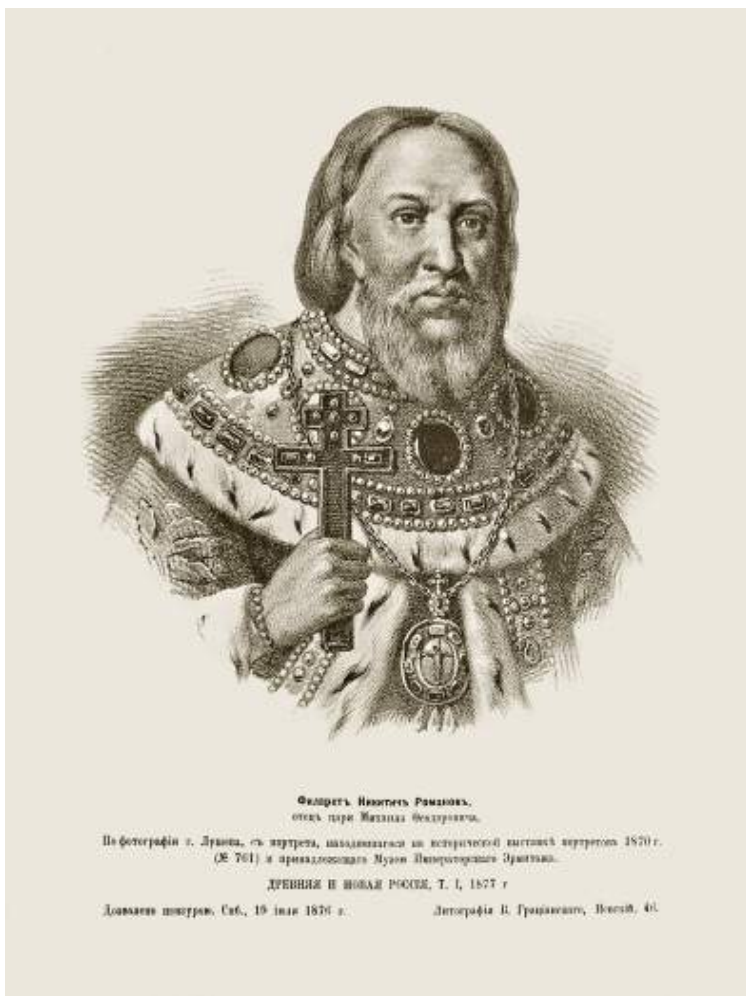

Вид Ипатьевского монастыря в 1613 г. Реконструкция 19 в. по описаниям 17 в. Рис. из книги "Ипатьевский монастырь"

подкрепление. Но в то же время и арх. Феодорит со всем собором, выборные бояре и народ пали на колена пред инокинею Марфою Иоанновною, рыдая и умоляя ее именем Бога, церкви и страждущаго отечества - отдать сына на утешение миллионов народа русскаго, на спасение церкви, веры и отечества». Смотри, говорили они в слезах, указывая на чудотворныя иконы, кто желает этого, кто пришел приветствовать тебя с избранным царем - сыном твоим». Сердце смиренной инокини Марфы Иоанновны, пре-

данное воле Божией, не могло устоять против таких сильных молений, соединенных с прещением на противящихся воле Божественной; она изъявила свое согласие и с твердостью сказала сыну: «Божие есть сие дело, а не человеческий разум». После этого и сын, воспитанный в страхе Божиим и покорности матери, повергся на землю пред чудотворными иконами Божией Матери и, рыдая, произнес: «еще есть на то воля твоя, я - твой раб, спаси и соблюди меня». Потом вставши и обратившись к послам, сказал: «еще есть

ванной скорой вестью о воцарении своего единокровного избранника Михаила Феодоровича.

В Костроме, в память этого великого события, близ Успенского собора в кремле была воздвигнута каменная церковь во имя преп. Геннадия, первого провозвестника славы Дома Романовых, и деревянная церковь во имя Московских святителей, как ходатаев за Россию о даровании ей царя Михаила Феодоровича¹⁰⁹.

Но не один праздник 14 Марта, с особенной торжественностью празднуемый в Костроме, напоминает жителям этого города о великом, воспоминаемом в этот день историческом событии. Благочестие наших предков, украшавшее изображениями священных событий ветхаго и новаго завета выстроенную через некоторое время после того галерею около Успенского собора, поместило среди них и изображение великого и особенно памятного для Костромы события 1613 года. Событие это разделено на три картины, написанные в южной половине соборной галереи: 1) торжественное шествие с иконами и хоругвями в Ипатьевский монастырь архиепископа Феодорита во главе духовенства, бояр и бесчисленного множества народа для приглашения Михаила Феодоровича на царство; 2) встреча посольства с Михаилом Феодоровичем и его матерью в Троицком монастырском соборе и упрашивание его принять царский скипетр и 3) Михаил Феодорович в Троицком соборе восседает на царском троне, уже как нареченный царь. Между картинами в особом клейме написано славянским текстом: «послание из царствующаго города Москвы к Михаилу Феодоровичу с молением о воцарении

на сие дело воля Божия буди тако». Тогда благочестивая мать царева взяла руку сына и вместе с ним, преклонивши колена пред ликом Заступницы рода христианскаго, со слезами сказала: «в твои пречистыя руци, Владычица, предаю чадо мое, наставь его на путь истинный, устрой ему полезная и всему православному христианству» (сказ. Авр. Палицына, с. 298).

Тотчас после этого был возложен на Михаила Феодоровича животворящий крест, поднесли ему царский жезл и предложили стул царский.

Так совершилось воцарение Михаила Феодоровича на царство в Костромском Ипатьевском монастыре в 14 день Марта 1613 года. С того самого времени по велению новопоставленного царя и установлен на 14 Марта праздник в честь Феодоровской иконы Богородицы, особенно торжественно совершаемый донныне в Костромском Успенском соборе. Событие 14 Марта было радостно не для одной Костромы, счастливой тем, что она первая приветствовала новоизбранного царя, но и для всей России, обрадо-

Верноподданническая хартейная грамота в свернутом виде, поднесенная государю Михаилу Феодоровичу

Глава V

его на московское государство»¹¹⁰.

В 1778 г. на праздник 14 Марта составлена костромским протоиереем Иоанном Красовским в честь Феодоровской иконы Богоматери особая служба, в которой во многих песнопениях прославляется и упомянутое указанное историческое событие. Служба эта, отправляемая и ныне в честь Феодоровской иконы Богоматери 14 Марта и 16 Августа, совершенно заменила собою прежнюю службу, составленную на 16 Августа, день явления в Костроме чудотворной иконы.

Отправляясь из Костромы в Москву вместе со своею матерью, новоставленный царь взял с собою копию с чудотворного образа Феодоровской Божией Матери, которую инокиня Марфа благословила своего сына, давая свое

Инокиня Марфа, мать царя Михаила Федоровича Романова

Феодоровская икона Божией Матери, которой инокиня Марфа благословила сына на царство

согласие на его воцарение, и поставил ее в придворной Рождества-Богородицы церкви в Московском кремле. Наконец, великий государь Михаил Федорович в благоговейном почитании чудотворного Феодоровского образа Богоматери, под покровительством которого он был отдан своею благочестивою матерью, до конца своей жизни не переставал оказывать свои милости Костромскому Успенскому собору и соборному духовенству. Тот знаменитый храм, в который он во дни своей юности, до избрания на царство, не раз, может быть, ходил из кремлевского дома своей матери на богослужение, и после вступления его на царский престол продолжал быть для него как бы родным.

Первым делом царя Михаила Федоровича по отношению к Костромскому Успенскому собору была забота о прославлении и украшении св. чудотворной Феодоровской иконы. Для украшения иконы он делал к ней дорогие приклады из серебра, золота, драгоценных камней и жемчуга, велел обновить в 1636 г. чудотворную икону и с усердием украшал взятую с собой из Костромы в Москву с нея копию¹¹¹. К глубокому сожалению, большая часть древних прикладов к чудотворной иконе стorerла в последующие пожары собора в 1654, 1679 и 1773 гг.

Таким усердием царя к Костромской святыне объясняется и составление в это время в разных редакциях повести о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери, и распространение этой повести в рукописном виде.

В тоже время начали распространяться, как в церквях

Костромы, так и в других храмах и знатных домах, и копии с чудотворной иконы Богоматери.

Из числа многих копий с чудотворной Феодоровской иконы Богоматери упоминаются две малоизвестные, но заслуживающие особого внимания. В Коломенском уезде Московской губернии в церкви села Феодоровскаго, старого родового имения гр. Шереметевых, построенной в половине XVIII столетия, находится особо чтимая икона Феодоровской Богоматери, в окладе, сохранившем явные признаки древности. Иванчин-Писарев в книге своей «Прогулка по древнему Коломенскому уезду» (с. 65-66) сообщает об иконе следующее: «С особенным чувством я посетил нынешний Николаевский храм, построенный в 1854 г. двоюродным правнуком старого владельца Александром Феодоровичем Шереметевым: в нем стоит икона Богоматери Феодоровския, которая в 1613 г. сопутствовала боярину из Костромы, когда он вел к трону предка наших монархов. Она списана по его усердию с древней, явившейся там в XIII ст. и стоящей в соборном храме Феодора Стратилата. Икона украшена им великолепно. У праваго клироса стоит второй снимок с этой Костромской иконы. Он также богато украшен, и вот о нем сказание, найденное между старыми записками: «В лето 1611, князь Дмитрий Михайлович Пожарский пришел в Кострому во время народного там бунта, спас от смерти воеводу Ивана Шереметева, выбрал другого и утишил бунт. Воевода Иван Шереметев положил обет перед чудотворным образом Феодоровския Божия Матери молебствовать ему, и, по отпетии и совершении Господу и чудотворной Матери Божией молебствия о здравии и спасении своей жизни, повелел с тоя святых иконы списать такую же и, украсив жемчугами и драгоценным каменьем, благословил оную иконою боярина Феодора Ивановича: сей в 1613 г. пришед с иконою Феодоровския Божия Матери, построил деревянный домовый храм во имя святителя Николая» (Иконопис. Сборн., вып. IV. Иконография Богоматери, ст. Н. Кондакова, с. 60).

Попечение Михаила Феодоровича о соборном храме выразилось и в том, что 1) денежное жалованье соборному причту было увеличено и дана ему хлебная руга, обеспечившая причт в потребностях жизни, так что в этом отношении Костромской собор был сравнен с Московским придворным Сретенским собором¹¹²; 2) данная соборному причту еще прежними царями Василием Ивановичем, Иоанном IV Васильевичем, Феодором Ивановичем и др. грамота о взимании протопопом с жителей Костромы и Костромского уезда пошрины за вечноное знамя, и дающая соборянам право быть свободными от суда гражданского и всех податей и пошлин, подтверждена и Михаилом Феодоровичем¹¹³.

Герб Романовых (по Кампенгаузену)

Успенский собор в несудимой грамоте Михаила Феодоровича назван большим, а быть в отличие от других существовавших Костромских соборов. Вечноное право соборян подтверждено грамотою царя Михаила Феодоровича и царя Алексея Михайловича в 7169/1661 г.¹¹⁴. 3) Для протопопа Успенскаго собора повелено давать подводы от Костромы до Москвы без прогонов под праздничныя святых воды на 18 Августа и 14 Марта¹¹⁵. 4) Самый штат соборнаго причта увеличен одним священником, так что со времени

Икона Феодоровской Божией Матери (над южными вратями Успенского собора). Вклад царя Михаила Феодоровича в Успенский собор

Михаила Феодоровича до 1769 г. штат собора состоял из протоиерея, четырех священников (из них один ключарь), двух диаконов и двух пономарей¹¹⁶.

5) Повелено давать из таможенных Костромских доходов к чудотворному образу Богородицы на неугасимую свечу воска 7 пуд., ведро церковного вина и 12 фун. ладана¹¹⁷.

6) Приходским священникам и диаконам повелено ходить в Успенский собор на молебны и в крестные ходы - в господские праздники вокруг города, а в храмовые с чудотворным образом - к приходским церквам. Воеводам приказано присылать в крестные ходы стрельцов и пушкарей для чести и охраны чудотворного образа¹¹⁸.

После заключения мира с Польшей и по возвращении из польского плена царского отца митрополита Филарета Никитича, поставленного тотчас же после этого всероссийским патриархом, Государь Михаил Феодорович пожелал сам непосредственно излить пред чудотворным образом Богородицы в Костромском Успенском соборе свои благодарные чувства и для этого в сентябре 1619 г., напутствуемый благословением и молитвами патриарха-отца, предпринял благочестивое путешествие в Кострому. 10 сентября он с матерью своею инокинею Марфою Иоанновною прибыл в г. Кострому и остановился, вероятно, в собственном доме Марфы Иоанновны близ Успенского собора. Первым делом высоких путешественников, по прибытии в Кострому, как писал державный сын 12 сентября своему родителю-патриарху, было принести пред чудотворным образом Богородицы в Успенском соборе благодарные молебные пения и выслушать всенощное богослужение и литургию. Пробыв в Костроме несколько дней и помолившись в это время в обителях Ипатьевской и Богоявленской, царь 15 сентября отправился в дальнейший путь в Макарьево-Унженский монастырь, захав и в свое отчинное село Домнино. На обратном пути Государь снова с 10 по 12 Октября останавливался в Костроме на два дня, и на память о посещении им Успенского собора оставил здесь небольшие (шестилистовой меры), украшенные серебром, жемчугом и драгоценными камнями, иконы Феодоровской и Владимирской Божией Матери. Иконы и до сего времени тщательно сохраняются, поставленные в иконостас над северными и южными дверями в Успенском

соборе¹¹⁹.

При царе же Михаиле Феодоровиче, по его высочайшему повелению и по благословению патриарха Филарета, 1636 г. совершилось в Костроме первое поновление чудотворной Феодоровской иконы Богородицы положением на нее новой олифы. Торжественное обновление святыни, празднованное со всем церковным благолепием и молитвословиями, сопровождалось для православных читателей святыни самыми утешительными последствиями. В древнем сказании о явлении и чудесах этой иконы (в первой полной ее редакции) очень подробно изложены как обстоятельства первого ее поновления, так и последовшие между 1636 и 1646 гг. чудесные исцеления в числе 34 по молитвам пред ликом Богородицы¹²⁰.

После этого обновления чудотворный образ Пресв. Богородицы был оставлен на прежнем же ее месте, направо от царских дверей, между образом Спасителя и правым клиросом, отдельно от иконостаса, в особом киоте, как бывает и ныне в церквах приходских, куда чудотворный образ приносится в храмовые их праздники. На этом же месте была поставлена чудотворная икона и после второго

Село Домнино, родовое имение Романовых

Начавшееся с первой четверти XVII в. интенсивное участие чудотворного образа в различных событиях, крестных ходах, заставило уже в 1636 г. заняться починкой его живописи. Реставрация 1919-1921 гг. выявила, что ко времени второго поновления в XVII в. чудотворная икона имела серебряный нимб и широкую красную опушку по периметру. Через 40 лет, в 1677 году, живопись чудотворной иконы вновь обновляли. В клеймах (иконы из церкви Спаса на Запрудне) автор воспроизводит ее с золоченым нимбом, вероятно, выполненным при поновлении 1677 года. Есть предположение, что автором второго поновления мог быть Гурий Никитин, в эти годы самый признанный иконописец Костромы, к тому же уже писавший с чудотворного образа списки. Если это предположение справедливо, то клейма исследуемой иконы фиксируют состояние живописи на время последнего поновления. Живопись точно воспроизводит основные черты образа, он выглядит светло и нарядно, вероятно, так, как возобновил его Гурий Никитин. В 9-м клейме видно, что образ стоит в специальном киоте с двойными створами, при этом у иконы накладной венец, выступающий за края киота поля

Макарьев-Унженский монастырь

ея поновления наложением тоже новой олифы в 1677 г., как об этом говорится в некоторых позднее написанных в конце XVII и XVIII вв. сказаниях об этой иконе. Только из описи соборной 1737 г., списанной с таковой же за 1702 г., видно, что в 1702 г. чудотворная икона помещалась уже в ряду местных икон на первом месте с левой стороны от царских врат, где она и донныне находится¹²¹.

Третье поновление иконы заграфством (т. е. поправкой иконописи) и украшением серебра и золота было произведено в 1745 г. при императрице Елизавете Петровне и Костром. епископе Симоне. Трудился над поновлением образа изограф г. Ярославля иерей Иоанн Андреев¹²².

Изображение Богоматери с Божественным младенцем, закрытое слюдою, и до сего времени сохранило краски от повреждения. Особенно хорошо сохранились самые лики. Только по краям иконы краски в некоторых местах уже попортились и настоятельно требуют поправки, да необходимо снять сильно сгустившуюся и по местам потемневшую олифу и наложить на всю икону олифу новую.

Заботы царя Михаила Феодоровича о Костроме простирались не только на Успенский собор, но и на благоустрой-

ство самого города. Это особенно выразилось в том, что в 1619 г. с разрешения Государя прежний Китай-город в Костроме, расположенный между кремлем и р. Сулой и занимаемый торговой площадью, лавками и Брагиной улицей, был на случай осадного положения обнесен деревянной стеной и рвами¹²³. Ныне в Костроме не осталось никаких признаков от укрепления нового города. В начале XIX ст. от рва видны были остатки вроде прудов около нынешних присутственных мест, но при Губернаторе Пасынкове около 1807 г. и те были завалены.

Ко времени путешествия Михаила Феодоровича в 1619 г. относятся и другие царские милости к Костроме. Много тогда же им было сделано пожертвований иконами и разными вкладами в монастыри г. Костромы - Ипатьевский, Анастасийн и Богоявленский. Вероятно, около того же времени им устроены или, по крайней мере, обстроены новыми зданиями и наделены пожертвованиями мужские мо-

Макарьев-Унженский монастырь

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МАКАРЬЕВО-УНЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ. Монастырь был основан преподобным Макарием Унженским и Желтоводским в 1439 г. В 1438 г., изгнанный из Орды Эдигеем, Улу-Мухаммед откочевал со своим родом вверх по Волге и основал Казанское ханство. На следующий год один из его отрядов выжег Макарьев-Желтоводский монастырь, высек иноков, оставив в живых лишь Макария. Улу-Мухаммед был поражен мудростью старца, приказал с почестями отпустить домой и вместе с ним он освободил 400 христиан, но с условием, чтобы он не возобновлял обитель на прежнем месте. Преподобный Макарий с честью похоронил убиенных в его обители и отправился за 240 верст в галичские края. Дойдя до города Унжа, преподобный Макарий поставил в 15 верстах от города на берегу реки Унжа крест и построил келию. На пятом году своей жизни в Унже преподобный заболел и скончался в возрасте 95 лет. Монастырь с течением лет расширялся и благоустраивался. Особое покровительство, которое оказывали обители первый государь из дома Романовых царь Михаил Феодорович (вместе со своею матерью великой инокинею Марфой Иоанновной дважды были в 1612 и 1619 гг.) и его преемники, привело к тому, что в XVII в. небольшой монастырь стал одной из известнейших российских обителей и даже именовался «Лаврой преподобного Макария». В 1664-1670 гг. здесь был возведен каменный Троицкий собор. В 1670-1674 гг. над местом погребения Макария построили каменную Макарьевскую церковь, при этом состоялось обретение святых мощей унженского старца. Позднее были воздвигнуты еще три каменных храма: Благовещенский (1680), Никольский (1685) и Успенский (1735).

Церковь Всехсвятская. 1757 г.

настыри - Вознесенский около Богоявленского монастыря¹²⁴ и Спасо-Подвязный на Мшанской улице¹²⁵.

Ограда Ипатьевского монастыря была несколько надстроена, но без изменения прежнего плана¹²⁶. Наконец, в конце его царствования на средства патриарха Иосифа и бояр И. Салтыкова и А. Вольинского с 1642 г. начаты постройки каменной ограды на 45 саж. с 8 башнями и 2 воротами вокруг Богоявленского монастыря, оконченные уже в 1648 г. при царе Алексее Михайловиче.

Таким образом, ко второй половине XVII в. г. Кострома во главе с Успенским собором, осеняемый покровом Феодоровской Божией Матери, состоял уже из кремля или ста-

раго города, нового города и трех посадов: Вознесенского во главе с главным Вознесенским храмом на Дебре¹²⁷, верхнего на северо-востоке за новым городом во главе с Троицким кремлевским собором (который в то время был уже очень ветх, и его значение для посада едва ли скоро не перешло к новой каменной приходской церкви около Богоявленского монастыря) и нижнего посада по берегу реки Волги и при устье р. Костромы с главной древней церковью Феодора Стратилата. Город окружали несколько слобод, разбросанных на окраинах: Ямская слобода в юго-восточной стороне города за церковью Всех Святых; Кирпишная слобода, расположенная кругом Власьевской церкви;

ЦЕРКОВЬ ВОЗНЕСЕНИЯ каменная с каменной колокольней. Один из старейших храмов Костромы, храм Вознесенского монастыря, построен в 1654 г. на месте предшествовавшего ему деревянного. Первоначально состоял из четверика на высоком подклете, трехчастной апсиды и отдельно стоявшей шатровой колокольни, к западу от четверика. С трех сторон был окружен открытым гульбищем на каменных арках. В 1701 г. между четвериком и колокольней была устроена одноэтажная трапезная со сводами, с Никольским приделом в юго-восточном углу. Одновременно было ликвидировано гульбище. Храм имел пятиглавое завершение с каменными луковичами, с тройными закомарами и водометами между ними. В XVIII в. кровля четверика была заменена на четырехскатную. В 1839 г. с северной стороны четверика добавлена двухэтажная паперть с лестницей внутри. В 1935 г. снесены главы четверика и завершение колокольни. Четверик, разделенный новым межэтажным перекрытием, использовался под жилье. Вскоре была окончательно снесена колокольня.

Кузнецкая - около нынешней Сенной площади; Гашеева - за церковью Алексея человека Божия, где ныне Калиновец; Полянская - за Богоявленским монастырем по направлению к реке Запрудне (эта слобода находилась в то время во владении Троице-Сергиевой Лавры) и Пищальная слободка, населенная воинами-пищальщиками и расположенная в близкой смежности к Богоявленскому монастырю и Полянской слободе¹²⁸.

В пределах города находились пять монастырей: Крестовоздвиженский, Ипатьевский, Спасо-Запрудненский, Богоявленский, Ризоположенский (женский) и 35 приходских церквей, не считая того, что при 19 из них было по два от-

Церковь Вознесения на Дебре (в Мельничном переулке). 1654 г.

ЦЕРКОВЬ БОРИСА И ГЛЕБА. Весьма примечательным местом старой Костромы была Муравьевка - шедший параллельно берегу, неширокий, но довольно протяженный бульвар, ограниченный с юго-запада откосом, круто ниспадающим к Дебринской улице. Удаленная от центра, она имела престижную обстройку. Здесь стоял дом губернатора, мужская классическая гимназия, Епархиальное училище. Отсюда открывалась необозримая панорама нижележащих кварталов, Волги, ее противоположного берега. Здесь стояли две церкви - Бориса и Глеба - в начале бульвара, у дома губернатора, и - Всех Святых - в конце, против гимназии ... В облик их было много общего. Высокие двухсветные четверики обоих храмов завершались пятиглавием; близкими по силуэту были трехъярусные колокольни. Первой была выстроена в 1757 г. Всехсвятская церковь, имевшая подклеть, и хоть отчасти сохранившая приемы декора начала XVIII в. Строже церковь Бориса и Глеба, освященная в 1800 г. Это уже классицизм, хотя и с отзвуками барокко.

Драгоценная цита из ризницы Успенского собора. Фото 1910 г.

дельных храма. Все церкви в городе были деревянные, кроме каменного Успенского собора; каменного, неизвестно когда построенного, второго Троицкого собора и главного каменного же Богоявленского храма в монастыре того же имени, построенного в 1559-1565 гг., по образцу Успенского собора, на подклетах и о пяти больших главах.

По архитектуре церкви были большею частью «деревяны клецки» (т. е. построены в клетку) об одном или пяти верхах (главах), но попадаются церкви и с шатровым верхом, например, храм в Крестовоздвиженском монастыре и церковь Власьевская. При многих церквях имелись уже шатровые колокольни с колоколами и кельи для призрения нищих и убогих.

При Успенском соборе существовала другая церковь, теплая, деревянная, во имя Похвалы Пресвятой Богородицы, довольно ограниченная в своем объеме и по украшениям. Место, где находилась эта церковь, не указывается даже преданием, на память о ней остается в соборном приделе Феодора Стратилата только образ Похвалы Пресвятой Богородицы, писанный на холсте. При Успенском соборе на юго-восточной стороне находилась и колокольня,

по преданию шатровая (как и при многих других городских церквях), по описи 1737 г. «о шти (6) жильях». На колокольне были 7 колоколов: «большой благовестный» в 200 п. дань Государя Михаила Феодоровича, в 24 п., 15 п., два по 8 п. и два по 4 п. В пожаре 1773 г. эта колокольня разрушилась и колокола расплавились.

Через несколько сажен посевнее Успенского собора, на месте нынешних триумфальных ворот ограды, стояла упоминаемая ранее разваливающаяся каменная церковь¹²⁹ другого собора (посадского) Живоначальная Троицы с приделом преп. Сергия. Что собор этот в то время с прихожанами, это видно, между прочим, и из того, что при нем было кладбище, чего не было при Успенском соборе и при старом деревянном соборе Феодора Стратилата на Мшанской улице¹³⁰. Несколько исправленная каменная церковь Троицкого собора существовала до пожара 1773 г., после которого совершенно разобрана.

Рядом же с Успенским собором, на месте нынешнего теплого Богоявленского собора, находился мужской монастырь Крестовоздвиженский, с двумя деревянными церквами и деревянной шатровой колокольней¹³¹.

Такова была Кострома в половине XVII века.

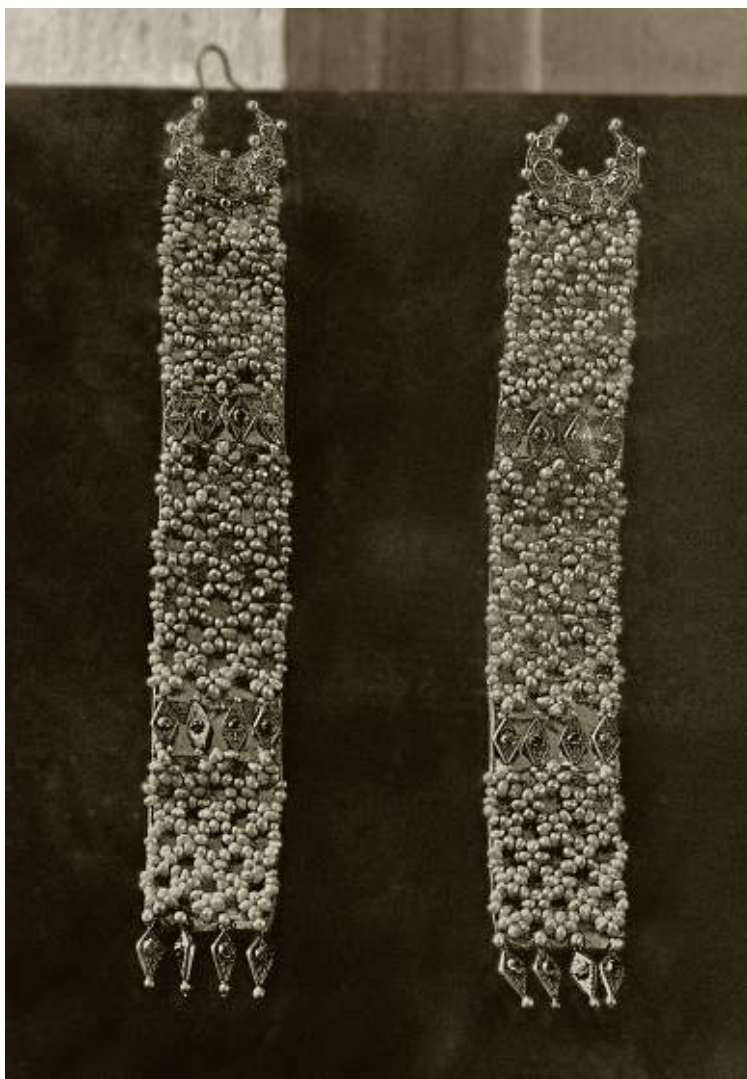
Вторая половина XVII в. отличалась в церковно-археологическом отношении усиленным строительством в Костроме новых каменных церквей на месте обветшавших деревянных. В это время были выстроены храмы:

1. Вознесенская церковь на Вознес. посаде около половины XVII в.
 2. Троицкая церковь около Богоявленского монастыря в 1645-50 гг.
 3. Воскресенская церковь на Дебре в 1652 г.
 4. Христорождественская церковь на Суле в 1655 г.
 5. Троицкий собор в Ипатьевском монастыре перестроен в 1652 г.
 6. Иоанна Богослова церковь за р. Костромой в Ипатьевской слободе в 1681-1687 гг.
 7. Спасская церковь за р. Волгой 1685-88 гг.
 8. Иоанна Богослова на Каткиной горе в 1686 г.
- В 1658 г. построены каменные кельи для настоятеля и

ЖЕМЧУЖНАЯ НАКЛАДНАЯ РИЗА. (до устроения золотой ризы на чудотворный образ, когда на нем была серебряная позлащенная риза, а жемчужное оглавление Богоматери имело несколько драгоценных камней), во дни праздничные он украшался накладною жемчужною ризою). На этой ризе по грунту мелкого жемчуга низаны травы и разводы самым крупным жемчугом. Между звездами восточного хрусталя устроены: эмалевый крест и золотые скобы, украшенные довольном количеством яхонтов и алмазов. Между многими цветными камнями считается особенного внимания ювелиров лазоревый с рельефным изображением Святого Николая. Этот камень в описи назван - «Баус». Риза оценивается в 2000 р. серебром.

Пр. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М. 1855, с. 74

Рясны. Хранились в ризнице Успенского собора г. Костромы. Старое фото

братии в Богоявленском монастыре.

Таким образом, каменное строительство в Костроме со второй половины XVII в. начало процветать.

Есть основание полагать, что в это время и каменный Успенский собор был обнесен с трех сторон глухой каменной галереей. Повод к этому был достаточный. В 1654 г. Успенский собор подвергся большому пожару, начав-

шемуся со стоящей на расстоянии от него в 4 сажнях теплой деревянной церкви при Троицком соборе и съезжей избы. Из истории обновления Успенского храма после пожара видно, что он до пожара имел кровли, очевидно, деревянные, и главы которых после пожара были частью опаяны железом. Подле собора стояла уже и упомянутая ранее колокольня с колоколами и колокольными часами¹³². Когда выстроена эта колокольня - неизвестно, но, во всяком случае, не ранее XVI или начала XVII в., потому что только около этого времени в Костроме начало развиваться каменное строительство: 1563 г., окончен постройкою главный храм в Богоявленском монастыре, в 1585-1590 гг. устроена каменная ограда в Ипатьевском монастыре, в 1603 г. устроена в том же монастыре каменная колокольня и т. д. При многих храмах г. Костромы в первой половине XVII в. были уже деревянные колокольни. Вероятно, при соборном храме колокольня устроена ранее, чем при приходских, и притом, каменная¹³³.

Начиная с царствования Алексея Михайловича, часто встречается при вновь строящихся каменных церквях пристройка каменных крытых галерей. В Костроме около этого времени, именно в 1652 г., были выстроены изящные глухие галереи на подклетах, с коробовым сводом с окнами и крыльцами при вновь выстроенной Воскресенской церкви на Дебре и при перестроенном Троицком соборе

РЯСНЫ. Рясны (более полуаршина длиною при ширине 1 верш.), низанные в решетку по золотой фольге (подложена в позднейшее время вместо красной обветшавшей) крупным жемчугом, с золотыми колодками и кольцами, из которых первые украшены цветными драгоценными камнями - изумрудами и яхонтами, и бурмицкими зернами. Эта драгоценность, независимо от цены вещественной, еще более драгоценна для собора, как памятник благочестиваго усердия и особенно - благоговейнаго внимания Царскаго Дома к чудотворному образу Феодоровския Богоматери, и как почти единственная драгоценность, от Царских щедрот, уцелевшая в соборе до нашего времени после трех пожаров, каким подвергался в течение прошлаго столетия. На колодках рясны надпись: «Божией милостию Великий Государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович, всея России Самодержец и Великая старица Марфа Иоанновна приложили сии рясны на Кострому в соборную церковь к чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Феодоровския, в пятое лето государства своего».

Пр. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М. 1855, с. 73

в Ипатьевском монастыре. Подобные с трех сторон галереи, но без подклетей, а прямо на земле, были устроены около того же времени в соседнем городе Ярославле: при церкви Иоанна Златоуста в Коровниках (устр. в 1671-1687 гг.) и при церкви Иоанна Предтечи в Толчкове (устр. в 1671-78 гг.). При Алексие же Михайловиче выстроены галереи и при некоторых церквях близ Москвы, напр. в с. Тайнинском и в др. городах. Вообще, устройство крытых галерей при каменных храмах можно считать одним из характерных признаков того времени.

Всего естественнее предположить, что при Успенском соборе в Костроме каменная галерея с трех сторон храма (за исключением придельного храма св. Феодора Стратилата, входной с севера ротонды и каменных сторожек, пристроенных позднее) выстроена при обновлении его после пожара 1654 г. Поводом и в некотором роде образцом для этой пристройки могли быть и вышеупомянутые галереи при Воскресенском храме и Троицком Ипатьевском соборе. Если при последних храмах галереи и отличаются гораздо большей стильностью и изяществом: обращают на себя внимание красивыми крытыми крыльцами, рундуками, шатровыми башенками, колонками русского стиля (раздутыми в середине) и разнообразными украшениями по наружным поверхностям, то это объясняется тем, что они строены одновременно со своими храмами по общему, тщательно выработанному плану, притом - галереи Воскресенской церкви и Троицкого собора не были после того перестраиваемы и сохранились в первоначальном виде и стиле XVII в., тогда как галереи Успенского собора не могли не быть тронуты при капитальных ремонтах собора после последних пожаров 1679 и 1773 гг. После последнего пожара составлен был даже новый план наружных и внутренних переделок и пристроек собора.

К тому же предположению о времени постройки галереи склоняет и сравнение размера и качества кирпича

Алексеевская церковь

в галереях Успенского собора и в построенных около этого времени других храмах г. Костромы. Галереи Успенского собора (южная к р. Волге) имеют кирпич красный, хорошо прожженный, размером $7 \times 3\frac{3}{4} \times 2\frac{1}{8}$ в.

АЛЕКСЕЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Церковь преподобного Алексия, человека Божия - одна из самых древних в Костроме. Первое упоминание о небольшой деревянной церкви относится к 1653 г. Сооружена она была в Гашеевой слободе, которая была жалована близ находящемуся женскому Свято-Анастасьиному монастырю в 1627 г. государем Михаилом Федоровичем Романовым. 19 марта 1629 г. у царя Михаила родился престолонаследник, получивший в крещении имя преподобного Алексия, человека Божия, - будущий царь Алексей Михайлович (Тишайший). Очевидно, именно последнее событие стало основанием для постройки в Костроме, колыбели династии Романовых, церкви в честь покровителя царственного младенца. В середине XVIII в. церковь была воздвигнута в камне, причем первый этаж ее был завершен в 1759 г., а уже в 1762 г. пожеланием прихожан был устроен второй этаж, позднее к храму пристроили высокую колокольню и обнесли церковь деревянной оградой. В храме два престола: на нижнем этаже - во имя преподобного Алексия, человека Божия, и святителя Василия Великого, на верхнем этаже - во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Круглая колокольня очень необычна: в ярусе звона обведена небольшой внешней площадкой, а к входу в нее ведет высокое двустороннее крыльцо. Весь облик храма имеет некоторые черты барокко, в столице к тому времени уже сошедшего на нет, а в провинции еще державшегося. Храм неширокий, высокий и очень стройный, с простыми украшениями и «двойной» главкой над основным объемом. Связь с царской династией особо подчеркивает ажурная кованая корона, которая увенчивает колокольню храма. Такой чести удостаивались немногие храмы на Руси. Еще в начале XX в. храм стоял на берегу небольшого пруда, называвшегося Медяным (Медным). На рубеже XIX-XX столетий старостой Алексеевского храма был купец Прянишников, на средства которого храм благоустраивался и украшался. В 1893 г. при церкви построили дом для священнослужителей. С 1886 г. при храме действовала церковно-приходская школа.

Церковь Рождества Христова на р. Суле.

Придел Феодора Стратилата, выстроенный в 1666 г. имеет кирпич алый, слабо обожженный $7 \times 3\frac{1}{2} \times 2$ в.

Воскресенская церковь на Дебре в 1652 г. -

$7 \times 3\frac{3}{4} \times 2$ в. и $7\frac{1}{2} \times 4\frac{1}{2} \times 2$ в.

Троицкая церковь около Богоявленского монастыря 1650 г. - $7\frac{1}{4} \times 3\frac{1}{2} \times 2$ в.

Стены Богоявленского монастыря 1642-1648 гг. - $7\frac{1}{4} \times 3\frac{1}{2} \times 2$ в.

Во всех храмах, ровно как и в соборных галереях, фундамент кладен по булыжному камню и известке; кирпич за исключением придела Феодора Стратилата, в котором он слабее обожжен, во всех храмах одного качества.

После пристройки галерей Успенский собор получил, за исключением пристроенного в 1666 г. храма Феодора Стратилата и пристроенных после пожара 1773 г. каменных сторожек и входной ротонды, тот план, который имеет и ныне.

Придел велик. Феодора Стратилата до этого времени находился, как ранее сказано, в правом предалтарии Успенского собора (в диаконнике).

Только через некоторое время после постройки галерей, именно в 1666 г., он пристроен с западной стороны собора в виде отдельного примкнутого храма, с особым ходом из окружающей собор галереи, со своей главой, с алтарем, обращенным на север, как и собор. Внутри же Успенского собора придел был после этого упразднен.

Власьевская церковь

ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ (на реке Суле). Церковь стояла позади пожарной каланчи, между ул. Царевской и Богоявленской. Каменная, с кованой оградой. Одна из старых церквей Костромы. Построена в 1685 г. на средства прихожан. В начале XIX в. перестроена. Были переделаны фасады четверика, расширена трапезная, с запада, перед колокольней, сделан шестиколонный тосканский портик с фронтоном. Имела три престола: в честь Рождества Христова, во имя мученика Артемия, святителя Митрофана. Разрушена в 1930-е гг.

ВЛАСЬЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ. С каменной колокольней и каменной оградой. Власьевская церковь построена в 1805 г. на средства прихожан. Стояла в конце Власьевской улицы и смежного переулочка. Сочетала в себе приемы классицизма (ордерное построение фасадов, колокольня со шпилем) и допетровских форм (пятиглавие четверика). В начале 1930-х гг. лишилась глав, колокольни, но сохранила четверик. Обстроена с трех сторон жильными домами. Имела три престола: во имя св. Власия, св. Николая, св. Иоанна Предтечи.

Сохранилась грамота Павла, митрополита Сарскаго от 1665 г., в которой, между прочим, читаем: «по указу великаго Государя Алексея Михайловича велено на Костроме в соборной церкви Пречистыя Богородицы приделать каменный придел во имя Феодора Стратилата ..., а приделать по стороне тое церкви особою статьею, чтоб предельные двери были в паперть, и вход в приделе был из паперти, а из церкви б в придел входу не было, а глава б той церкви была б нешатровая, и алтарь делать круглый, а в церкви в алтаре были б трои двери царские, южные, северные, а подле царских дверей с правую сторону в начале поставить образ Всемилостиваго Спаса, а подле Спасова образ поставить настоящей той церкви (т. е. Феодора Стратилата), а по левую сторону царских дверей поставить образ Пречистыя Богородицы, и иные образы по чину ... Писан на Москве лета 7173 г., августа в 1 день» (см. у Островскаго - Опис. Усп. соб., прил. 5, с. 192-193).

На основании этой грамоты можно предполагать, что при постройке храма Феодора Стратилата, галерея, окружающая собор и заменяющая паперть, уже существовала, и новый храм по постройке получил в существенных своих частях тот же вид, какой имеет и теперь. Он только расширил Успенский храм, но не разрушил его первоначального основания. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что свод придельнаго храма Феодора Стратилата своей восточной стороной опирается не столько на стену Успенскаго храма, сколько на свою собственную, примыкающую к сене основного ядра храма и закрывающую в подвальном этаже его небольшие с решетками окна, как это мы видели и при первом расширении собора после пожара 1493 г. Таким образом, стены Успенскаго храма в подвальной своей части теперь после первого его расширения в конце XV в. и позднейших пристроек галерей и храма в честь св. Феодора Стратилата оказались заключенными как бы в коробку, сжатыми со всех сторон. Вследствие этого, основное ядро храма, несмотря на его давнюю постройку из кирпича, не вполне хорошо обожженного, получило особенную прочность и устойчивость.

Драгоценная чаша из ризницы Успенскаго собора. 1910 г.

Придельная церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, устроенная из продолговатаго (алаго) кирпича (7 x 3¹/₂ x 2 верш.) в два этажа, на булыжном фундаменте, по известковому цементу, составляет со стенами правильный квадрат в 13 аршин, кроме алтаря - в одно полукружие. Первоначальное назначение нижняго этажа, в котором по высоте и поместительности мог бы быть устроен и другой храм, неизвестно. В настоящее время это помещение, ровно как и другие подвалы под галереями собора, сдаются в аренду торговцам для склада деревяннаго масла и др. товаров. Вышина всего Феодоровскаго храма в стенах 5 саж. 1¹/₂ арш., с крестом же 12 саж. 1¹/₂ арш., высота алтаря - 11 арш. Толщина стен внизу 2³/₄ арш.

Снаружи храма от 1666 г. до настоящаго времени сохранились некоторыя внешние украшения, свидетельствующие о древности его построения, таковы, например, - тройной круглый пояс посредине здания, под глухой главой цельный фонарь с кокошниками внизу, испещренный узкими, продолговатыми (фальшивыми) оконцами, с тонкими между ними колонками, перепоясанными переимами, которые имеют не меньшую толщину против самих колонок. Эти колонки оканчиваются вверху мысообразными двойными теремками.

Глава увенчивается восьмиконечным, прорезным крес-

СЕРЕБРЯНЫЕ СОСУДЫ. Редкую драгоценность Собора составляют серебряные сосуды, с ониксовою чашею и кожухом потира, щедрою рукою благочестиваго доброхота и чителя святыни вызолоченные - весом в 9 ф. 53 золотника. Трудно указать преимущество каждой вещи из этих сосудов, отдельно взятой, одной пред другою по равносильному изяществу их отделки; не менее затруднительно определить, чему в самом устройении потира должно более дивиться и отдать первенство: счастливой ли идее благоговеинаго сына Церкви, принесшаго этот дар (потир образуют виды веществ, преобразующие таинственныя потребности для Евхаристии: - хлеб в виде пшеничнаго снопа, составляющаго средину или рукоять потира, вино - в виде винограднои ветви, раскинувшей кисти полных ягод по поддону потира, и - воду в камне оникс, составляющем самый кожух потира, укрепившийся в пшеничном снопе), или редкости самаго оникса, или, наконец, изяществу выполнения этой превосходной идеи ... Утешительно передать потомству, что благочестивый сын церкви, принесший этот редкий дар в храм Феодоровския Богоматери, есть уроженец Костромский, известный Христовой Церкви своим усердием, Платон Васильевич Голубков... Он прислал из Москвы в Кострому в 1841 г. с нарочным в ночь на 14 Марта - светлый праздник Феодоровской Богоматери, как знак своей глубокой и благочестивой благодарности к покровительнице его родного края, благословившей и его смелыя предприятия и великие труды на поприще Сибирской золотопрмышленности.

Пр. П. Островский. Историческое описание Костромскаго Успенскаго кафедральнаго собора. М. 1855, с. 116

Вид Костромского кремля. Гравюра

АРХИЕРЕЙСКОЕ ПОДВОРЬЕ В КРЕМЛЕ

По замыслу архиепископа Симона Лагова для нужд соборного духовенства и для нового архиерейского дома планировалось выстроить в кремле четыре каменных здания, которые были бы расположены симметрично по отношению друг к другу и имели бы одинаковое архитектурное решение. Однако этот интересный проект, предусматривающий создание в кремле ансамбля «архиерейского подворья», не был реализован полностью - были выстроены только два дома. Оба дома построены в 1795-1796 гг. по «высочайше конформированному плану и фасаду». Их строили популярные в то время в Костроме большесольские подрядчики П. А. и Е. С. Воротиловы, к 1795 г. почти полностью закончившие строительство в городе Гостиного двора и Больших Мучных рядов. Один из домов предназначался под духовную консисторию с церковью, в другом должен был разместиться архиерейский дом. От одного к другому, а также от домов к тепловому Богоявленскому собору планировалось выстроить крытые переходы. «Картинный вид этих домов, - писал краевед П. Ф. Островский, - должен был довершиться городским регулярным садом, который предполагалось было разбить ниже домов по отлогой ложбине между валом (что ныне бульвар) и корпусом соляных магазинов. Но сад не состоялся...» Выстроенные дома долгое время пустовали. Затем их отдали под духовное училище и квартиры соборных священнослужителей. В цокольной части домов разместились кухни, кладовые и помещения для прислуги. Дома построены в стиле раннего классицизма. В их убранстве применен так называемый большой ордер - широкие выступающие пилястры, объединяющие оба этажа. Цокольный этаж рустован, его окна размещены в глубоких стеновых нишах. Окна верхних этажей имеют легкие наличники в виде прямоугольной кирпичной рамы с замковым камнем, под окнами выложены фигурные кирпичные выступы и филенки. Фасады венчает широкий классический фриз, образующийся из чередующихся лепных розеток и триглифов и большого выноса карниза с модульонами.

Е. В. Кудряшов. Костромской кремль.
Альманах «Памятники Отечества». № 1. 1991, с. 22

Глава V

том, имеющим в своем подножии полулуние. Прочия украшения, или вообще наружный вид придельной церкви, и особенно трапезы, ясно дает знать о возобновлении ее в позднейшее время.

Последняя перестройка придельного храма сделана в 1834 г.: полукруглый небольшой алтарь, в верхней половине храма, начиная от пола, несколько расширен, и в стенах его пробиты три окна; на боковой наружной стене вместо трех, пирамидальным положением своих составляющих два света окон, сделаны новые большого размера три окна в близком одно от другого расстоянии, завершенные четвертым полукруглым окном. Узкий притвор, или непра-

вильной формы трапеза, образовавшаяся при построении придельной церкви из галереи, облежавшей Успенский храм с трех сторон, расширен прикладкой новой продольной стены с пятью на ней окнами. Теперь этот притвор является как бы продолжением самого храма. Из пяти боковых трапезных окон средняя своим положением симметрируют с церковными. На новой стене трапезы устроен трехугольный фронтон, мало гармонирующий с общим стилем храма.

Задняя стена придельного храма, отделявшая его от галереи или притвора и имевшая в прежнее время тесную и низкую арку, высечена по прямой линии на протяжении

Иван Васильевич МИЛОВИДОВ - выпускник Петербургского университета, он был удостоен золотой медали за диссертацию «Письма Петра Великого», а теперь преподавал историю и географию в Костромском реальном училище. Его интерес к прошлому не был праздным, это было убеждение профессионала в том, что пора покончить с компиляциями в краеведении, а для этого необходимо заново изыскать и исследовать целые группы источников. Поэтому он составляет описание рукописей Ипатьевского монастыря, ведет археологические раскопки, собирает сведения по этнографии и создает музей. Все началось 15 июля 1885 г. в древней Костроме, гордившейся своими 300-летними связями с домом Романовых; именно тогда была учреждена Костромская губернская ученая архивная комиссия. Главной задачей своей ее члены считали приведение «в известность и сохранность документов, которые находятся, но без того подлежат уничтожению в разных здешних архивах». А еще - образование при комиссии местных музеев.

Успенский собор и храм Св. Ф. Стратилата в XV-XIX вв. в связи с топографией г. Костромы

9 арш., высотой в $4\frac{1}{2}$ арш., и висит, опираясь на 4 круглые, подставленные под нее квадратом, массивные колонны, покрытые искусственным мрамором. Храм, состоящий внутри из 10-ти аршинного квадрата, имеет высокий котловый свод, утверждаемый на четырех стенах и при ярковызолоченном изящной архитектуры и отделки, при тщательной живописи св. икон, при обильном свете и т. д., во многом превосходит своим благолепием многие другие храмы в городе.

Пожар 1654 г. коснулся не только Успенского собора и соседних с ним деревянных строений, но повредил и стены кремлевских укреплений.

Поэтому, по повелению Государя Алексея Михайловича с 1662 г. приступлено было к основательной поправке стен и башен валов и рвов, как в старом, так и в новом городе. К этому были привлечены, кроме костромичей, монастырские крестьяне Ипатьевского и Богоявленского монастырей, и посадские люди из Нерехты и Больших солей¹³⁴. Не много прошло времени после обновления костромских укреплений и постройки придельного храма святого

великомученика Феодора Стратилата: в 1679 г. Успенский собор подвергся новой опасности от пожара, который истребил множество окружающих собор деревянных построек, большую половину нового города и посадов, и, между прочим, кельи 40 проживающих при соборе монахинь, питавшихся подавниями богомольцев. Эти монахини после пожара были переведены в сохранившийся от пожара кремлевский Крестовоздвиженский монастырь, преобразованный после того из мужского в женский. Монастырь этот существовал потом в кремле же до 1773 г., когда он сгорел и был упразднен.

Исторические памятники не указывают, чтобы пожар 1679 г. причинил и собору какая-нибудь серьезные повреждения. Это могло быть, между прочим, и оттого, что еще после предшествовавшего пожара 1654 г., по челобитью соборного протопопа Никиты, патриарх Никон грамотой от 12 сентября 1654/1656 г. на имя костромского воеводы Василия Михайловича Еропкина повелел, «чтобы около соборных церкви деревянного строения ближе 20 сажен со всех четырех сторон строить не велеть; те же деревянные

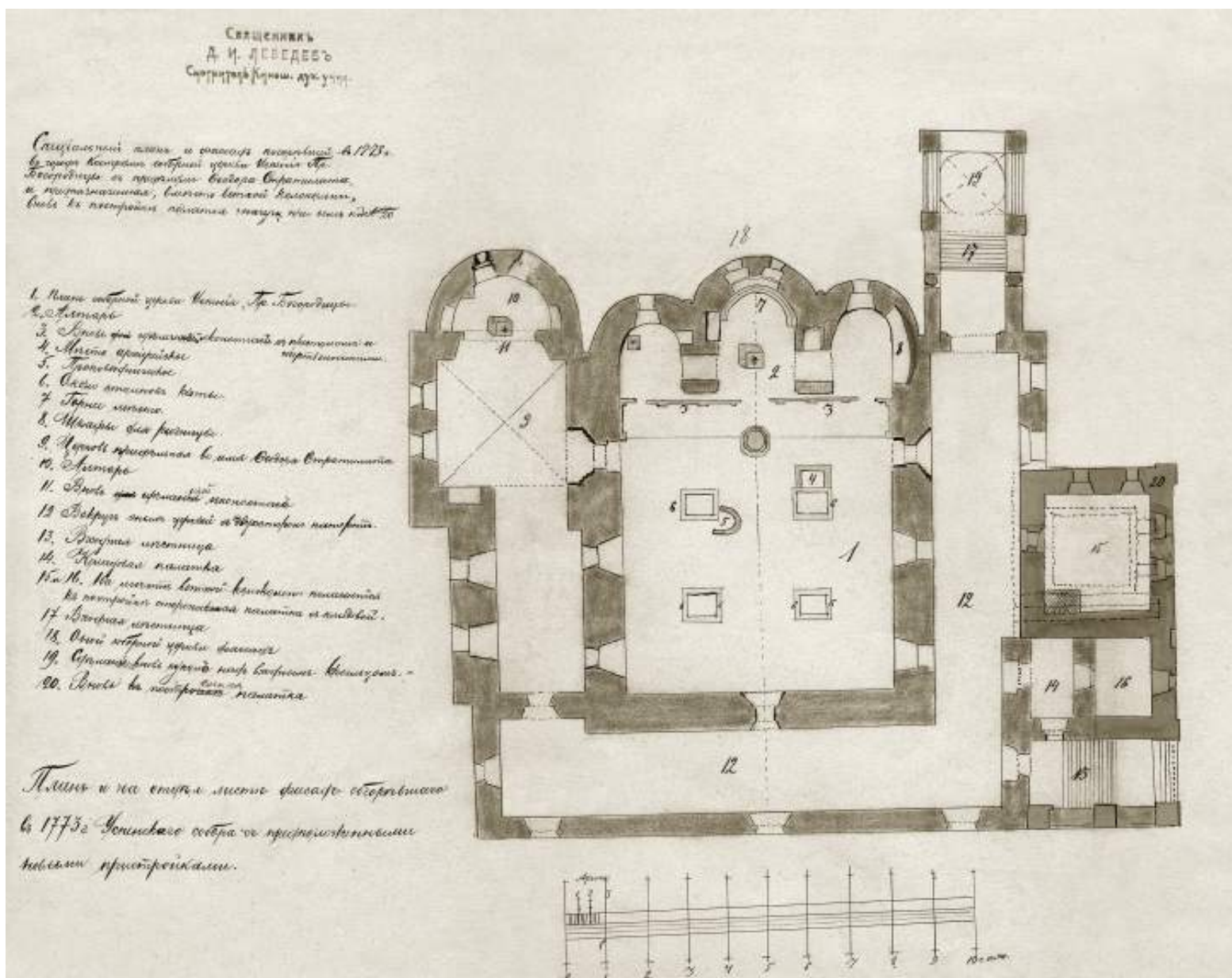

Глава V

строения, из ранее построенных, какие окажутся около соборной церкви ближе 20 сажен, снести дальше, за указанное число сажен, чтобы от тех хором впредь соборной церкви порухи не было». Эта мера предосторожности и спасла собор от опустошительного пожара 1679 г., когда сгорело в кремле множество келий и осадных дворов¹³⁵.

Сохранившаяся при соборе опись соборного имущества, составленная в 1702 г. и проверявшаяся в 1737 и 1745 гг., представляет Успенский собор уже очень близким к тому виду, в каком он находится и в настоящее время. По описи 1702 г. собор назван уже прямо «церковью Успения Пресвятой Богородицы». Внешний вид его таков: собор каменный на подклетах, о пяти главах. На средней главе

крест железный, золоченый сусальным золотом по меди, цепи железные, луженые. Самая глава опаяна белым немецким железом. На остальных четырех главах кресты железные, опаяны белым немецким железом, с цепями. Самыя главы обиты муравленой зеленой черепицей. Галереи с коробковым сводом, имеющие по наружным стенам высоты с восточной стороны 11½ арш., а с юго-западной - 17 арш. Церковь и паперть крыты тесом. Стены церкви снаружи в некоторых небольших углублениях под крышей расписаны стенным письмом. В соборную церковь к приделу, устроенному и примкнутому к собору с западной стороны, в 1666 г. устроены каменные лестницы со сводами, и крыльцо четырехугольное на четырех столбах

Вид с Волги. Ледоход

с висячими на гирьках арками (ср. Диев - 112 л., Костр. Епархии). «Над входом (главным) шатер деревянный, на шатре глава небольшая опаяна белым немецким железом; крест железный вызолоченый ... Из паперти в собор два входа: с восточной и южной стороны, затворяющиеся железным глухим и железно-решетчатым затвором. Церковь освещается 12 окнами, со слюдяными оконцами. Своды собора, увенчанные пятью главами, изнутри поддерживаются четырьмя четырехгранными колоннами. Вышина собора внутри определяется приблизительно тем, что стены и колонны для стенной живописи от полу до сводов были разделены, как и теперь, на пять частей (поясов). Словом, собор с начала XVIII в. представляет, в общем, положительное сходство с нынешним собором¹³⁶.

Наконец, с учреждением в 1774 г. самостоятельной Костромской епархии, в соборе устроено было особое архиерейское место с резной золоченой сенью, особым амвоном на середине храма для архиерейского служения и отдельно - проповедническое место.

Колокольня костромского кремля

СОБОРНАЯ КОЛОКОЛЬНЯ. Большой интерес представляет соборная колокольня, выстроенная также по проекту С. А. Воротилова. У нее имелись черты сходства с проектом 1748 г. неосуществленной колокольни Смольного монастыря в С.-Петербурге. К. Б. Растрелли известным по чертежам из музея «Альбертина» в Вене и национальной библиотеки в Варшаве. В то же время у костромской колокольни было много и своеобразных черт. При взгляде на колокольню создавалось впечатление, что ее нижний ярус как бы входит в композицию Богоявленского собора, сливается с ним, имея общую с ним систему убранства (пилястры тосканского ордера на рустованном фоне, венчающий карниз с фризом из чередующихся метоп и тригфлов). Обращает на себя и такая особенность колокольни, как приземистость пропорций ее второго яруса. Воротилов применяет открытые площадки-галереи, образованные болюстрадай и пьедесталами для декоративных ваз и обходящие каждый из ярусов колокольни. Границы между ярусами оказываются, таким образом, более отчетливыми, а горизонтальные членения более явственными. Усилено и живописное начало костромской колокольни, повышенная пластичность ее убранства, лейтмотивом которого служит пучок белоснежных колонн, эффективно воспринимающихся на голубом фоне стены. Колокольня Богоявленского собора встала в самом центре кремля, возвышаясь над ним в высоту примерно на 64 м. Она была уникальным для города зданием, имевшим кроме культового и большое общественное значение. Через колокольню ходили в соборную общественную библиотеку, с открытых площадок ее верхних ярусов можно было любоваться окрестными деталями, а в 1820 г. в ее куполе поместили часы тульской работы, бой которых можно было слышать из любой части города. Художники Г. Г. и Н. Г. Чернецовы, побывавшие в Костроме в 1838 г., были поражены красотой и грандиозностью этого сооружения. «Это произведение, - писали они, - имея отпечаток великого дарования, удивляет своею красотою всякого беспристрастного человека... Если это собственность художественная зодчего, то человек этот мог бы стать великим архитектором».

Е. В. Кудряшов. Костромской кремль. Альманах «Памятники Отечества». № 1. 1991, с. 19, 22

В таком виде Успенский собор существовал до страшного пожара города в 1773 г. Этот пожар имел для всего города не меньшие последствия, как и пожар 1413 г., и об нем следует упомянуть более подробно.

Но, прежде чем говорить об этом страшном бедствии, посмотрим, какова была судьба за это время (в XVII и XVIII вв.) древнего соборного храма Феодора Стратилата, что на Мшанской площади. К сожалению, сохранилось слишком мало данных, чтобы можно было ясно проследить судьбу этого храма за этот период его существования. По Писцовым книгам 1628-30 г. он существовал уже только в виде небольшой деревянной ветхой церкви, без отдельного клира и без богослужения. В настоящее время на том месте, где в древности стоял собор великомученика Феодора Стратилата, находится каменная церковь в честь Феодоровской Божией Матери с двумя приделами - в честь праведных Богоотцев Иоакима и Анны и преподобного Симеона Столпника.

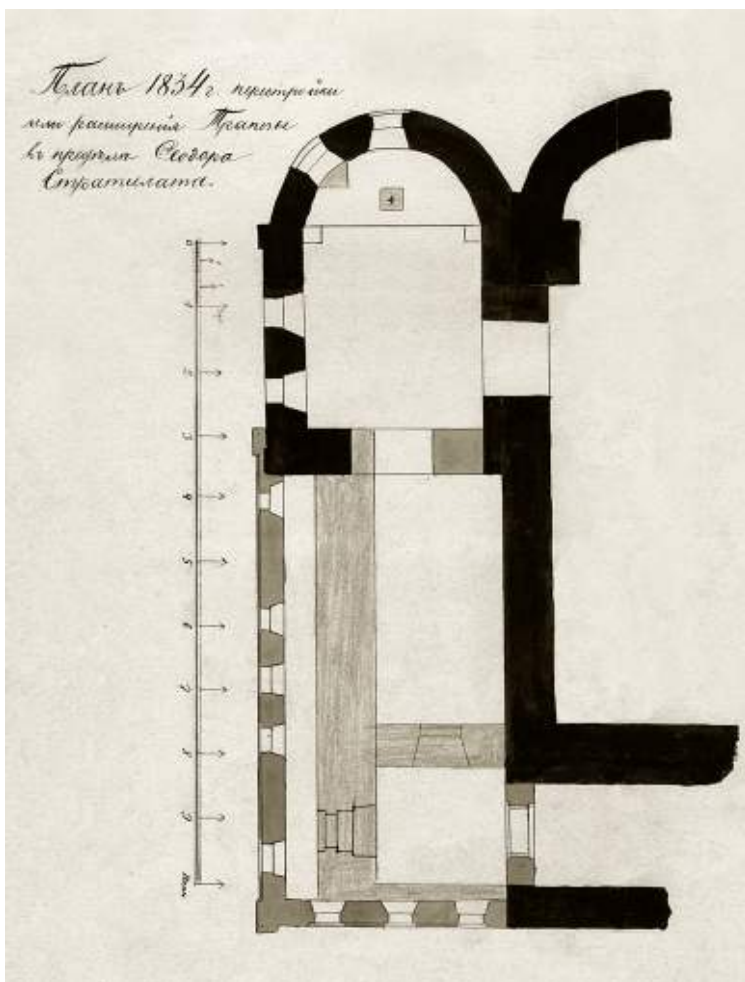
Подтверждением того, что этот каменный храм выстроен вместо Феодоровского собора, и на той же площади, где стоял и последний, служит, между прочим, один колокол, висящий на юго-восточной стороне колокольни этой

церкви. На этом колоколе вылита такая надпись: «вылит сей колокол в бывой Костромской Феодоровский собор, а ныне к ружной церкви во имя Пресвятой Богородицы, нарицаемая Феодоровския собранием доброхотных дателей, вес 65 пуд. 35 фун. Лета 1796. Лил сей колокол мастер ... Алексей Синцов». Из смысла этой надписи видно, что колокол этот перелит из прежнего колокола, принадлежавшего Феодоровскому собору, и что этот, «бывый Феодоровский собор», был в честь Феодора Стратилата, а не в честь Феодоровской иконы Божией Матери, так как далее говорится, что «в церковь во имя Пресвятой Богородицы» этот колокол вылит только ныне, т. е. в конце XVIII в.

В какое время и по каким обстоятельствам эта каменная церковь заменила Феодоровский собор, на это бросает некоторый свет церковная летопись этого храма, написанная наиболее известным настоятелем его Протоиереем Ник. Гавр. Вихревым, служившим при нем более 50 лет (с 1825 г.). Летопись эта предваряется таким введением (л. 1): «в древния времена в г. Костроме стояла соборная церковь во имя св. великомученика Феодора Стратилата, и в менее отдаленные от наших дней времена были церкви Богоотцев Иоакима и Анны и монастырь преп. Симеона

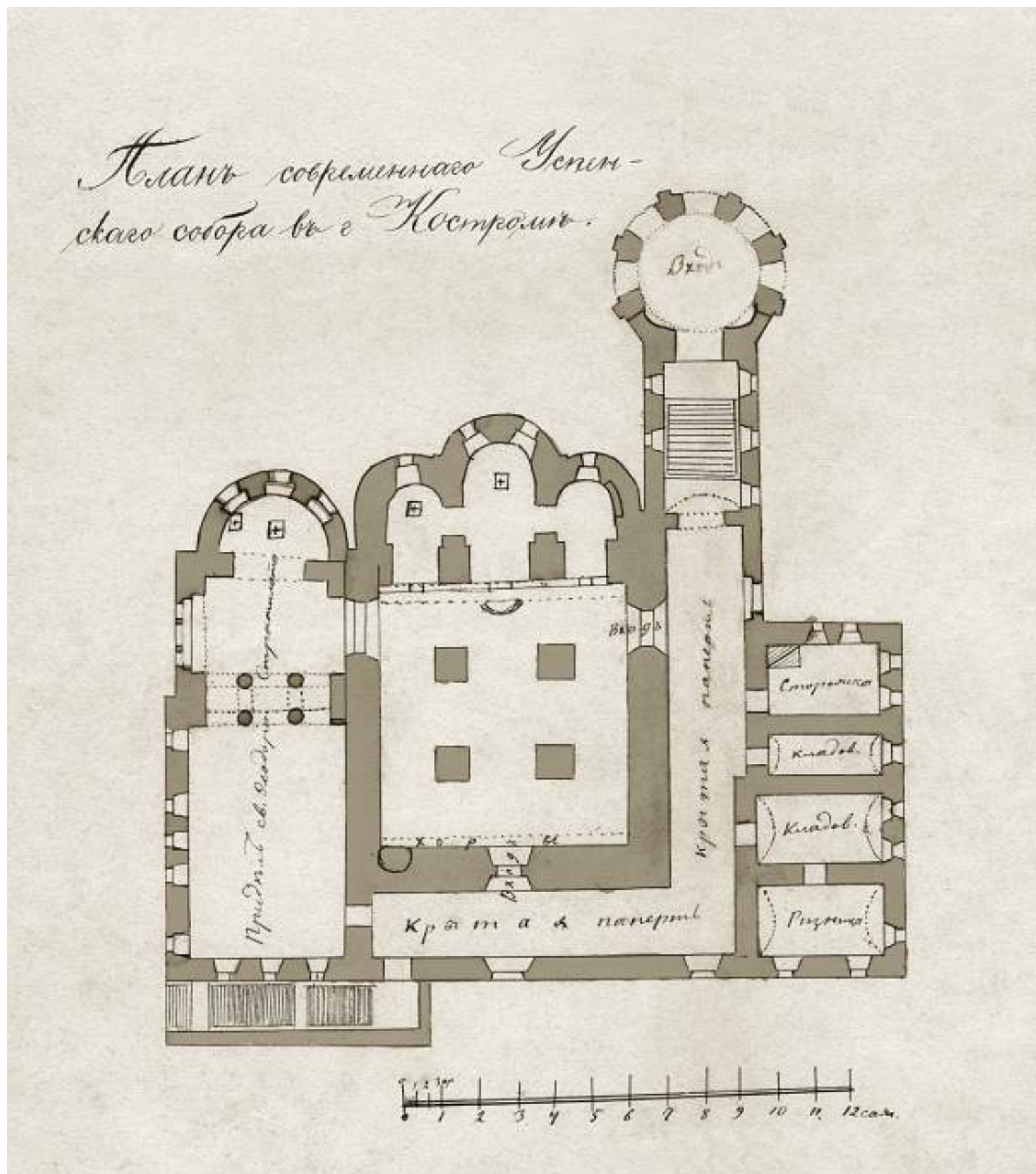

Вид на Святые врата со стороны Успенского собора

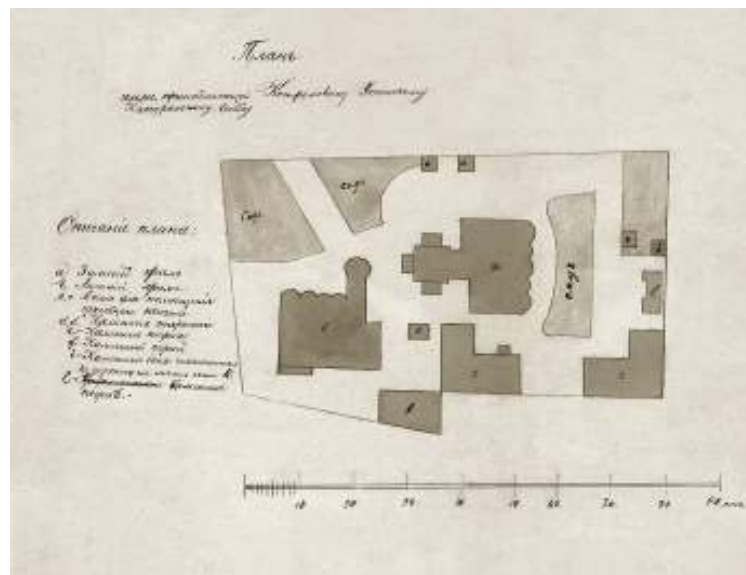
Столпника. Церкви эти соединены в одну во имя Феодоровской Божией Матери, более известную жителям Костромским под именем Богоотцевской. О каждой из этих церквей излагаются здесь сведения, собранные из письменных документов и преданий, сохранившихся в народе¹³⁷. Затем следуют три главы летописи: 1) «древняя соборная церковь во имя святого великомученика Феодора Стратилата», 2) «монастырь Симеона Столпника» и 3) «церковь Богоотцев Иоакима и Анны» (ружная, деревянная «за жильем» близ р. Костромы). Далее (л. 11) следует записка из консисторского дела и копия с самого дела за № 179 (л. 17-23): «о построении каменной церкви Феодоровской Божией Матери вместо ветхих деревянных церквей Феодоровской Богородицы и Богоотцев Иоакима и Анны, с назначением 50 рублей руги» (доклад консистории епископу Дамаскину от 14 мая 1768 г.). Наконец, в копии - жалоба причта от 2 июня 1862 г. начальнику губернии на городскую управу о невыдаче причту положенной руги на содержание.

Из всех упомянутых документов видно, что в XVIII ст. на месте упомянутого в Писцовых книгах 1628 г. ветхаго, приписного к Успенскому собору деревянного храма Феодора Стратилата, стояла тоже весьма ветхая деревянная церковь «во имя Феодоровской Божией Матери» (л. 8), в коей служить можно было не без утеснения (л. 11). Возможно, что церковь эта была поставлена на месте сломанного по ветхости после 1630 г. небольшого храма Феодора Стратилата, но, скорее всего, это был, тот же самый храм в честь святого Феодора Стратилата, который в память первоначального пребывания здесь чудотворной иконы Богоматери, в XVIII в. был более известен под именем церкви Феодоровской Богородицы, подобно, как и Успенский собор до конца XVII в. был более известен под другим названием, а теперь точно также каменный

Феодоровский храм на Мшанской улице более известен под именем своего придельного храма Богоотцовского. Надпись на перелитом в 1796 г. колоколе каменного Феодоровского (Богоотцовского) храма тоже склоняет нас более к той мысли, что упомянутая в летописи ветхая деревянная церковь Феодоровской Богородицы, вместо которой построен существующий ныне каменный храм, не была новой церковью, построенной на месте прежнего Феодоровского собора и переименованной при его перестройке, а представляла тот же самый безклирный собор во имя Феодора Стратилата, о котором упоминают и Писцовы книги, в противном случае, и на колоколе была бы надпись, что он был ранее не в Феодоровском соборе, а в Богородицкой же церкви. Только теперь, с половины XVII в., этот храм Феодора Стратилата или (он же) Феодоровской Пр. Богородицы принадлежит, по-видимому, уже не Успенскому собору, как прежде, а присоединен к стоящему рядом Симоновскому монастырю, монахи которого служили и в этом малом храме.

Когда и кем построен был монастырь во имя преп. Симеона Столпника, об этом до нас не сохранилось ни письменных сведений, ни устных преданий. В Писцовых книгах 1628 г., при перечислении церквей и монастырей г. Костромы, о монастыре преп. Симеона Столпника еще совсем не упомянуто, а упоминается лишь переулочек «за Сулою Симеона Великого, присуд, т. е. приписан или состоит в ведомстве Анастасьина монастыря». Летописец Феодоровской церкви прот. Н. Вихрев и местный археолог И. В. Баженов (см. его - Кост. гор. церкви и мон. по Писц. книгам XVII в., примечание 48) относят построение Семионовского монастыря ко времени между 1630 и 1666 гг. (по преданию монастырь был несколько на западе от нынешней Богоотцевской церкви к Ипатьевскому монастырю, а от Мшанской ул. - к Волге, где теперь находится лесной двор куп. Кулакова; см. план 1755 г. хранящийся в Романовском музее г. Костромы; памятка

под № 32 и 35)

Из дальнейшей истории этого монастыря известно, что в 1753 г. епископ Костромской Геннадий поместил в нем семинарию, которая находилась тут до 1759 г., когда епископом Дамаскиным была перемещена в Спасозапрудненский монастырь.

В 1764 г., в силу II пункта Высочайше подтвержденного учреждения о духовных местах, Симоновский монастырь по бедности упразднен и обращен в приходскую церковь, при которой составлен причт из перемещенного от Предтеченской церкви священника Иоанна Петрова и двух причетчиков, бывших при Симоновском монастыре.

Вскоре, после получения указа о закрытии монастыря, он был почти дотла уничтожен пожаром, о котором долго существовало в народе сказание, заканчивающееся евангельскими словами: «се оставляется дом ваш пуст»¹³⁸.

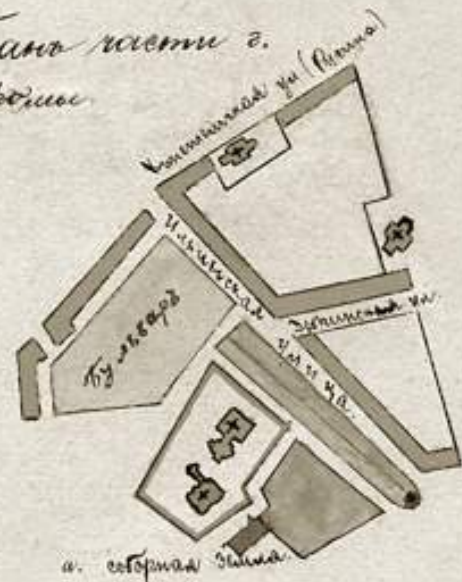
Феодоровская же церковь Богородицы, или точнее Феодоровский собор, в этот пожар сохранилась, хотя и

ПРОТОИЕРЕИ ИАКОВ АРСЕНЬЕВИЧ АРСЕНЬЕВ. Иаков Арсеньев родился в селе Бедарево от священника Арсения и жены его Вассы ... С добрым запасом ума, от юности наученный страху Божию, как началу всякой Премудрости, Арсеньев в 1777 г. поступил в Костромскую семинарию, а в 1785 г. с полным успехом кончил полный курс учения семинарского, как человек замечательно даровитый и образованный, определен учителем Семинарии и в продолжении 12 лет преподавал там латинский синтаксис, Поэзию, Риторику и Философию ... 1795 г. февраля месяца в 8 день (память Св. Великомученика Феодора Стратилата - меньший праздник в Костромском Успенском Соборе рукоположен Преосвященным Павлом Зерновым, епископом Костромским во священника (младшаго) в Успенский Собор. Через два года Арсеньев оставил службу семинарскую, требовавшую от него, как Префекта, ближайшаго и неопустительнаго наблюдения; но взамен этого, в тоже время определен Ключарем Собора. Эту должность он проходил семь лет. 1804 г. Марта в 14 день Арсеньев произведен Преосвященным Евгением Романовым, Епископом Костромским, в Протоиерея в Успенский Собор. С этого дня Арсеньев в сане Протоиерея управлял Соборною церковью Пресвятыя Богородицы сорок четыре года ... Арсеньев постоянно старался и редко не успевал быть всем для всех, и словом, и делом ... Выгодная и счастливая обстановка внешней стороны жизни Арсеньева могла вести почти к безошибочному заключению, что в руках его всего было довольно, если нельзя сказать - много для земной жизни, но он не имел лучшей в жизни радости, не имел утешения - видеть у себя родное семейство, которое одно могло дополнить счастье, не покидавшее его во все течение 80-летней жизни. В 1812 г., на 44-м от своего рождения, Арсеньев овдовел и остался бездетен.

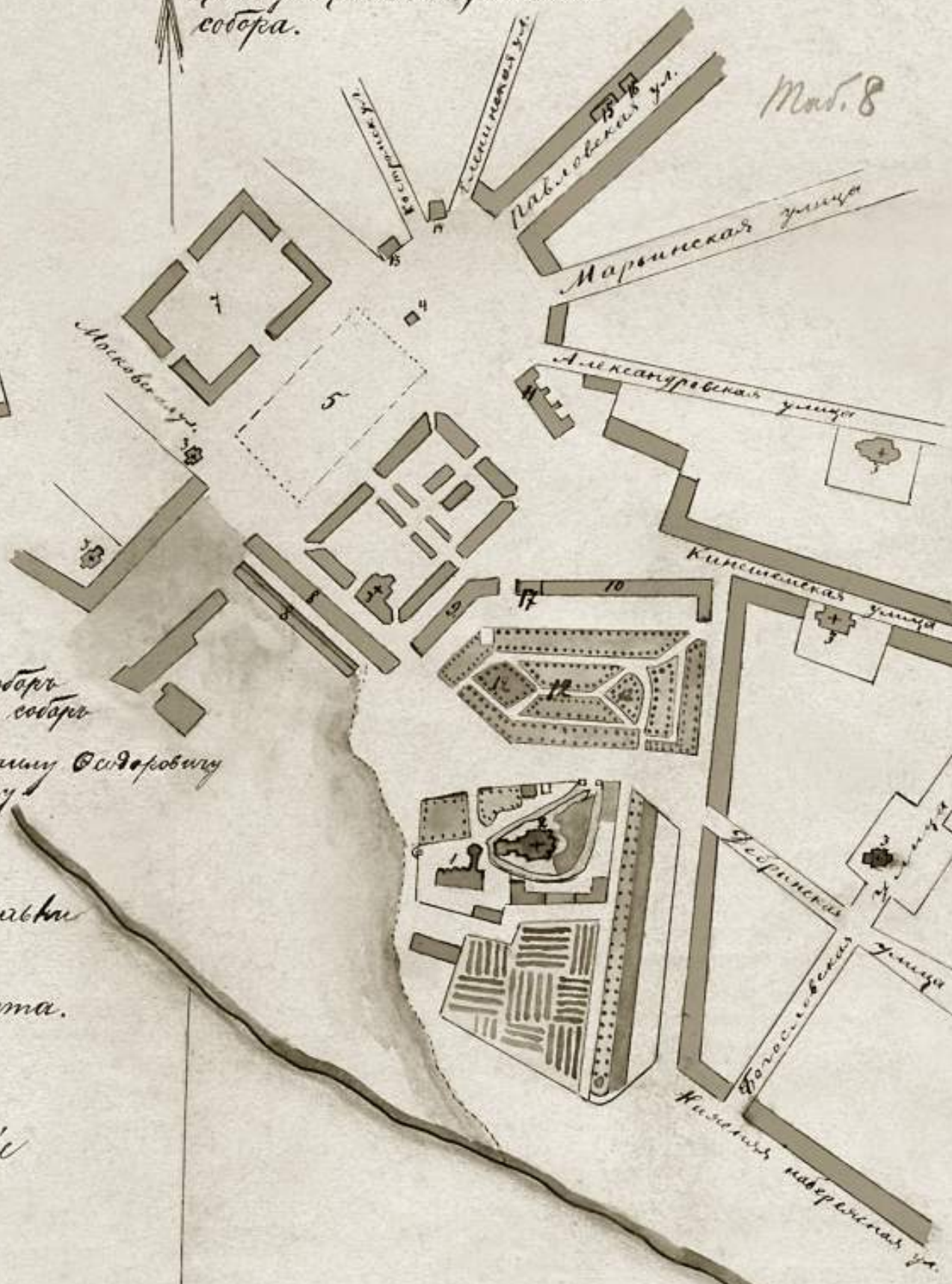
Пр. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М. 1855, с. 173-182

Выкопировка из Высочайше
утвержденного плана в Костромии,
с показанием на одной из сторон ру-
сствующаго Кафедральнаго
собора.

Планъ части г.
Костромии

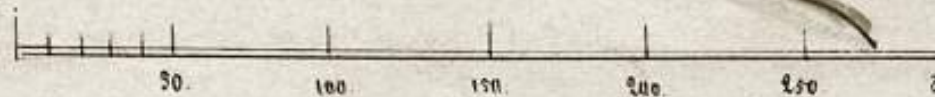
Мас. 8

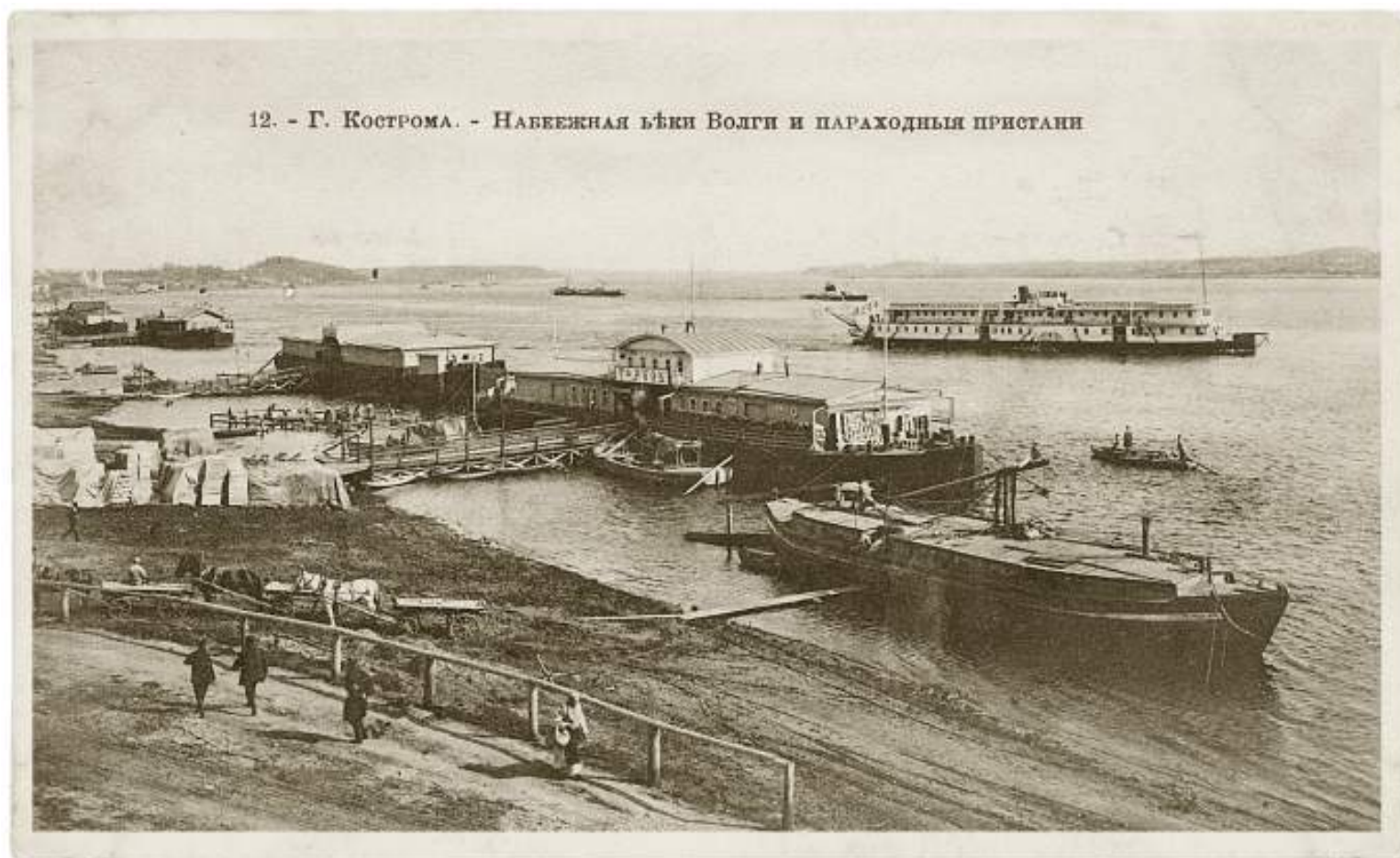

Объяснение плана.

1. Кафедральной Успенский соборъ
2. " " Богоявленский соборъ
3. Приходская церкви
4. Мощи святаго Марко Мавромии Сидоровича
и мощи святаго Сусанны
5. Площадь - парадъ.
6. Гостиный дворъ
7. Мушкетерскіе ряды
8. Рыбный и мясной рынок
9. Мясные ряды
10. Масляные ряды
11. Присутственный мѣсто.
12. Общественный садъ
13. Каланча
14. Табакшанка
15. Школьное собрание
16. Театръ
17. Городская фирма.

Священникъ
Д. И. ЛЕБЕДЕВЪ
Сториталь Кинеш. дух. училищ.

пришла к тому времени уже в совершенную ветхость.

Поэтому, в 1768 г. указом Костромской Духовной консистории (дело № 179), согласно прошению почетных граждан г. Костромы купцов Угличаниновых, Ашастина и др., повелено было эту ветхую Феодоровскую церковь разобрать и лес употребить на обжиг кирпича для нового каменного храма, который, согласно указу Консистории, построен на Мшанской улице взамен - а) деревянного Феодоровского храма, б) Симеоновского упраздненного монастыря и в) ружной, предназначенной по ветхости к упразднению же, Богоотцовской церкви, стоявшей до сего времени «за жильем» близ реки Костромы.

О первоначальном построении Богоотцовского храма

сохранилось следующее достойное внимания сведение. В 1655 г. Кострому постигло ужасное бедствие - моровая язва (чума), похитившая в городе 3461 человек, кроме жен и детей. В Костроме осталось жителей только 1895 человек, дворов и келий жилых 1122, а пустых дворов и мест 1276. С этого времени и в память того страшного бедствия, по преданию, жителями Костромы установлены были те три генеральные крестные хода, которые и до сих пор совершаются в три воскресные дня после недели всех святых всем городским духовенством при громадном стечении народа¹³⁹. Каждый крестный ход обходит один из тех трех посадов, начиная с Вознесенского, на которые город разделялся еще в начале XVII в. Кроме того, для прекращения

АРХИТЕКУТОР С. А. ВОРОТИЛОВ. В начале XX века исследователь русского зодчества Г. Лукомский писал: «Имена строителей XVII и даже XVIII века, производивших здания в провинции, вообще трудно определимы. Напротив, имена живописцев, закрепленные на клеймах, оставленных при окончании работ по росписи храмов, дошли до нас, и мы знаем десятки имен лучших мастеров-изографов и их помощников, и даже купцов, жертвовавших на постройку церквей... но имена зодчих - казалось, никому никогда не нужных - мы не знаем совсем». Эти слова относятся к талантливому архитектору-самоучке С. А. Воротилову, по проектам которого в последней трети XVIII в. в Костроме и ее окрестностях построено немало зданий... Следует отметить, что Воротилов брал подряд на сооружение почти всех проектируемых им сооружений... Интересно отметить, что вся постройка собора и колокольни (крема) обошлась в 12000 рублей, а С. Воротилову в награду за добросовестное выполнение работ приказано выдать 15 рублей.

С. В. Демидов. *Экология Культуры*. М., с. 4

Вход в Успенский собор. Старое фото

СВЯТЫЕ ВОРОТА. Считается, что они выстроены около 1767 г. к приезду в Кострому императрицы Екатерины II, то есть именовались иногда Триумфальными» не случайно. Г. К. Лукомский писал о них: «Ворота эти блестящий пример фантастической архитектуры пресыщенного «барокко», попавшего на провинциальную почву. Все архитектурные формы этого стиля получили здесь самое курьезное развитие. Провинциализм этого барокко выражается и в приподнятой середине ворот с волютами, и в боках, украшенных двумя пирамидами, покоящимися на шарах, окрашенных в ярко-синий цвет и усыпанных крупными ярко-золотыми звездами. Все свободное пространство внутри ворот заполнено орнаментальной лепкой. Особенно любопытны два грифона посередине, по бокам арки; капители очень удлинены и украшены листьями каких-то небывалых растений» ... Любопытно, что ворота в ограде Успенского собора имели кованую железную решетку, совершенно идентичную той, которая сохранилась в ограде 1765 г. церкви Иоанна Богослова неподалеку от Ипатьевского монастыря. Следует думать, что решетки у этих двух сооружений изготовлены одним и тем же мастером. Они представляют собой высокохудожественные произведения кузнечного искусства XVIII в.

Е. В. Кудряшов. Костромской кремль. Альманах «Памятники Отечества». № 1. 1991, с. 23

эпидемии жители решили вновь соорудить деревянную церковь во имя Богоотцев Иоакима и Анны, которая, и поставлена была в один день на конце города близ реки Костромы, повыше нынешнего Чумаковского пруда, где и сейчас существует участок земли принадлежащий каменной Богоотцевской (Богородицкой) церкви. Построивши церковь, жители города обещались на содержание ее и священнослужителей давать из своих городских доходов денежную ругу. Ко времени освящения храма, по обету граждан, написана была храмовая икона Богоотцев Иоакима и Анны, носимая потом с молебнами и в дома жителей. На сей иконе, существующей в каменном храме и в настоящее время, в клейме внизу находится такая надпись: «1665 г. посла Господь на град Кострому моровую язву. Для

От Святых врат до самого церковного входа на протяжении 21-й саж., при ширине 12 аршин, по каменной мостовой, середина которой выложена путиловскою плитою, лежит путь, между двумя, огражденными балюстрадаю, красивыми садами, насажденными трудолюбивою рукою Протоиерея собора Иакова Арсеньева. Сады, довершая картинность вида, вместе с тем доставляют тень прохлады от зноя солнечного и место приятного отдыха от трудов пути для богомольцев-странников, которые, достигнув цели благочестиваго путешествия, не всегда решаются вступить в самый храм прежде, нежели соберутся с силами, утомленными в пути, более или менее дальнем.

Пр. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М. 1855, с. 56-57

Глава V

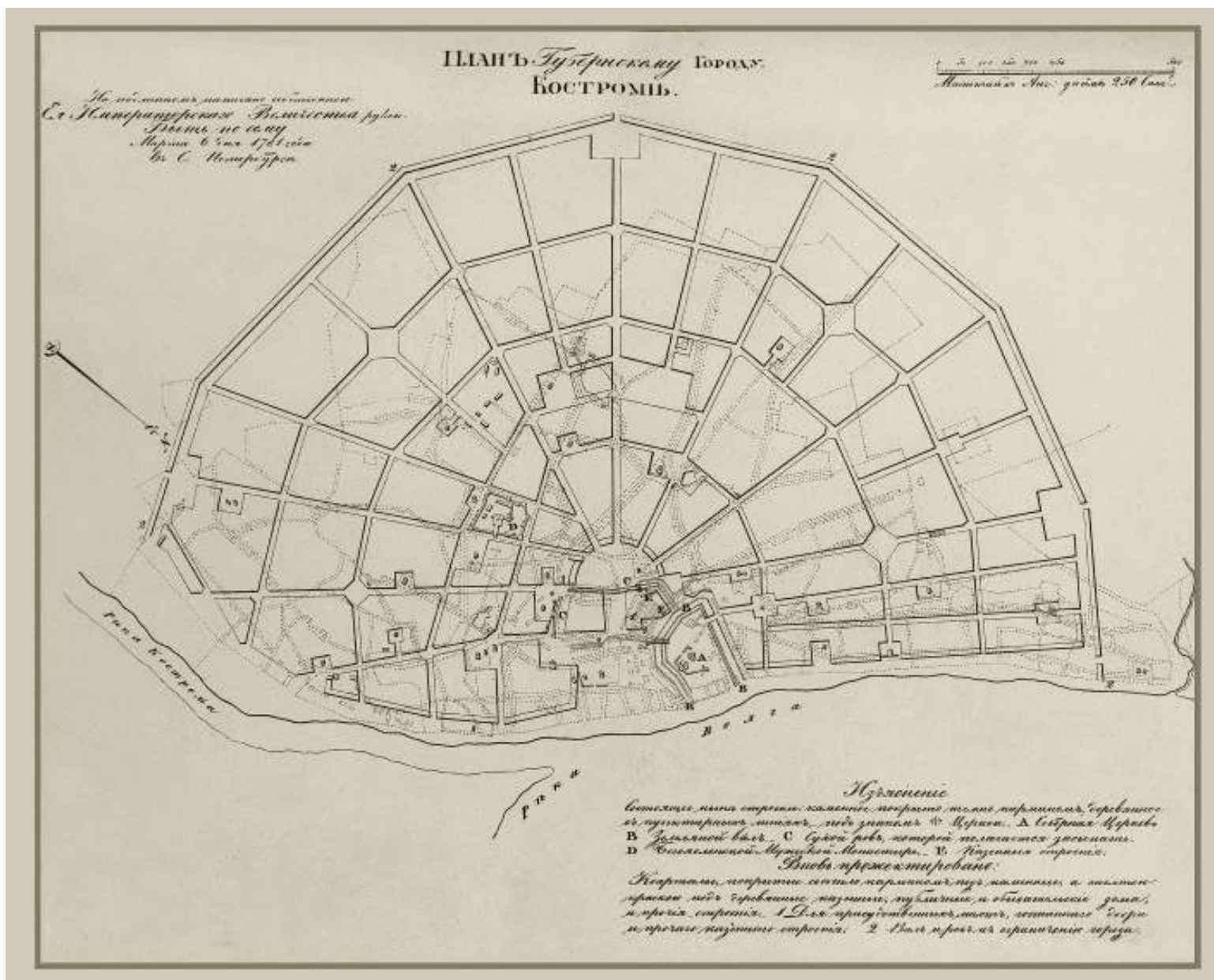
уничтожения (ея) граждане с согласия строили близ реки Костромы один день деревянную церковь во имя Богоотцев Иоакима и Анны, икона написана в то же время и находится невидимо до сих пор. Сие было при Государе Алексее Михайловиче»¹⁴⁰.

Эта обыденная ружная Богоотцовская церковь существовала на своем месте более ста лет. К 1768 г. она пришла в значительную ветхость, и в этом году усердствующие к ней костромские почетные купцы и фабриканты - Кузьма, Петр и Григорий Угличаниновы, Алексей и Федор Ашастинны и другие граждане подали костромскому епископу Дамаскину прошение о разрешении им вместо нея построить новую каменную церковь. Так как место этой церкви было отдаленное от центра города и мало заселенное, неудобное

из-за больших сугробов снега зимою и из-за сильной грязи весной и осенью, и опасное от воров, то, по предложению преосв. епископа Дамаскина и по предварительном обсуждении в общем собрании костромского купечества, решено было построить каменный храм не на месте прежнего Богоотцовскаго, за городом, а на подворье упраздненного и сгоревшаго Симеоновскаго монастыря по Мшанской улице (на месте ветхой бывшей соборной церкви Феодора Стратилата или Феодоровския Пр. Богородицы. Этот новый каменный храм о пяти главах, с папертью, колокольнею и полукруглым главным алтарем, был выстроен в 1770 г. и освящен в 1771 г. во имя Феодоровской иконы Богоматери, в память того, что она принесена была вначале, по явлении ея на Запрудне, сюда и стояла до построения каменнаго

Вход в Успенский собор. Старое фото

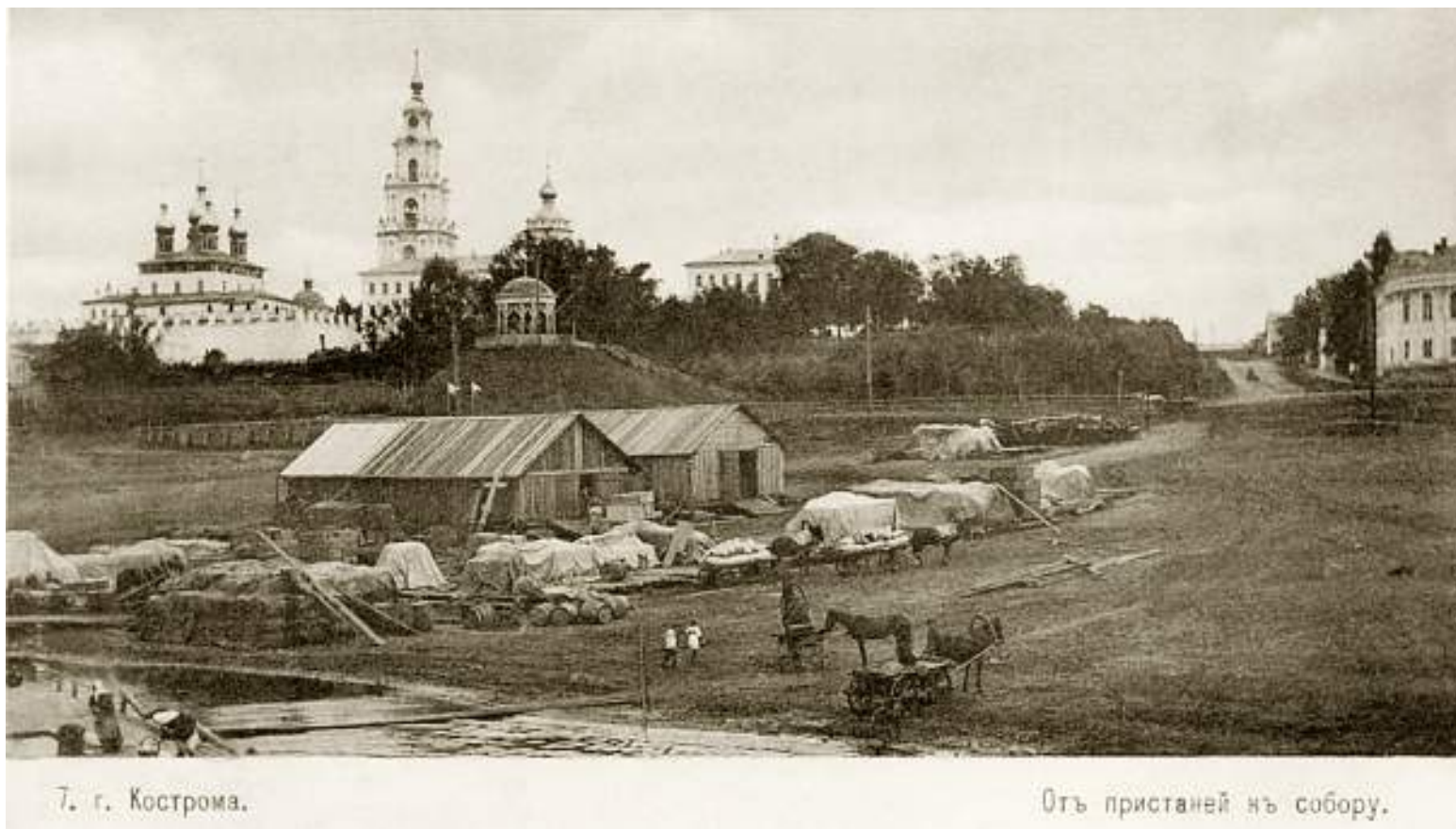

Успенскаго собора здесь, в древнем Феодоровском соборе. К новому храму были одновременно пристроены выдающиеся по сторонам, позади главнаго его алтаря, и в настоящее время, два четырехугольные придела: по правую сторону теплый - во имя богоотцов Иоакима и Анны и по левую сторону холодный - во имя преп. Симеона Столпника¹⁴¹.

В Богородицкой (Богоотцовой) церкви и до сего времени сохранились два древние антиминса, из которых один «за последовавшей кончиной Дамаскина (1769 г.) епископа Костромскаго святил Божией милостию смиренный Симон, епископ Костромской и Галичскій ... лета от Рождества Христова 1770 ... священнодействовати во храме преп. отца нашего Симеона Столпника, что в Суле - другою

священнодействован тем же епископом Симоном лета от Рождества Христова 1772 в храме Пресвятой Богородицы, явленныя ея иконы, нарицаемыя Феодоровскія». Годы 1770 и 1772 есть, очевидно, даты времени освящения Симеоновскаго придела и каменнаго Богородицкаго (Феодоровскія иконы) храма.

С построением и освящением в 1771 г. новой Феодоровской каменной церкви, деревянная Богоотцовская церковь на р. Костроме была упразднена, антиминс и утварь были перенесены в новую каменную церковь, но ветхое здание оставалось на том месте до 1773 г., когда стены этой церкви, по указанию консистории и согласно желанию граждан, перенесены на место сторевшей Николаевской

церкви, что в Кузнецах (см. № 19 в плане 1755 г.)

Что касается древнего деревянного Феодоровского храма, то, хотя вследствие его ветхости, указом Консистории и дозволено было в 1768 г. (дело № 179) его разобрать и стены его отдать на обжиг кирпича для вновь строящегося каменного Богородицкого храма, но есть основание предположить, что жителям Костромы все еще жалко было разставаться с этой древней церковью и она, по-видимому, некоторое время продолжала существовать

и после освящения нового каменного храма. Только колокол был снят для переливки в новый Богородицкий храм. На это указывает третий древний антиминс, хранящийся в ризнице каменного Богородицкого храма, есть третий древний антиминс, освященный тем же епископом Симоном «лета от мироздания 7282, от Рожд. Христова 1774 месяца июля в 17 день ... священнодействовать во храме св. великомученика Феодора Стратилата». Иного храма близ Богородицкой каменной церкви в честь велик.

ПРОТОИЕРЕЙ ДАНИИЛ МАТВЕЕВИЧ ГРУЗДЕВ. Даниил Груздев родился в 1767 г. от священника Костромской епархии, Галичского уезда, села Олешы. Кончив курс учения в Костромской семинарии, 1 октября 1789 г. Груздев рукоположен Преосвященным Павлом Зерновым во священника в Костромской Кафедральный Троицкий собор, где и продолжал свое служение до декабря 1835 г.: восемь лет в звании священника, девять в звании Ключаря и двадцать девять в звании Кафедрального протоиерея, в тоже время, проходя и другие должности, именно: экзаменатора 1 год, цензора проповедей уездных священнослужителей 17 годов и Присутствующаго в Духовной Консистории 48 годов (1791-1839). В декабре 1835 г., по случаю учреждения Успенского собора Кафедральным, Груздев, по определению Св. Синода, переведен в Успенский Собор в прежнем своем звании Кафедрального Протоиерея. Во внимании к долговременной, усердной и полезной службе Груздева по церкви и епархиальному управлению, начальство отличало его наградами, белому Духовенству усвоенными, в следующем порядке: в 1802 г. - набедренником, 1803 г. - скуфьею, 1808 г. - камилавкою, 1814 г. - наперсным крестом, 1825 г. - палицею, 1827 г. - сопричислением к ордену св. Анны 3-ей степени и 1833 г. наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями. Свидетельством трудов Груздева на поприще пастырского служения остались 4 тома его проповедей, в разные времена изданных им в свете печатным тиснением по одобрению духовной цензуры. Проживши целый век свой в супружестве бездетным, семидесятилетний старец Груздев был поражен параличом. Вне всякой возможности исправлять должность, он, по распоряжению Св. Синода, пользовался штатным Протоиерейским жалованьем; во время тяжелой болезни, продолжавшейся слишком два года, он овдовел и, лишенный добраго призрения родственников, разсеянных по разным сторонам, на дальнем от него разстоянии, он кончил жизнь свою на 74 г. от рождения, в горестном состоянии безотраднaго одиночества. Пр. П. Островский. *Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора.* М. 1855, с. 170-172

Успенский собор и храм Св. Ф. Стратилата в XV-XIX вв. в связи с топографией г. Костромы

Феодора Стратилата, кроме вышеупомянутого ветхого деревянного, не известно. Долго ли после того просуществовал этот ветхий деревянный храм, пока окончательно не был разобран, сказать что-либо определенно невозможно. Во всяком случае, он в последней четверти XVIII в. был уничтожен. (В настоящее время только перелитой колокол на колокольне Богоотцовском храме своей надписью свидетельствует, что он прежде благовестил с колокольни Феодоровского собора.

Так кончилась в конце XVIII в. история древнего соборного храма во имя великомученика Феодора Стратилата, славного в истории г. Костромы, как первый соборный храм, место погребения великого князя Василия Квашни и место первого пребывания чудотворной Феодоровской иконы Богоматери.

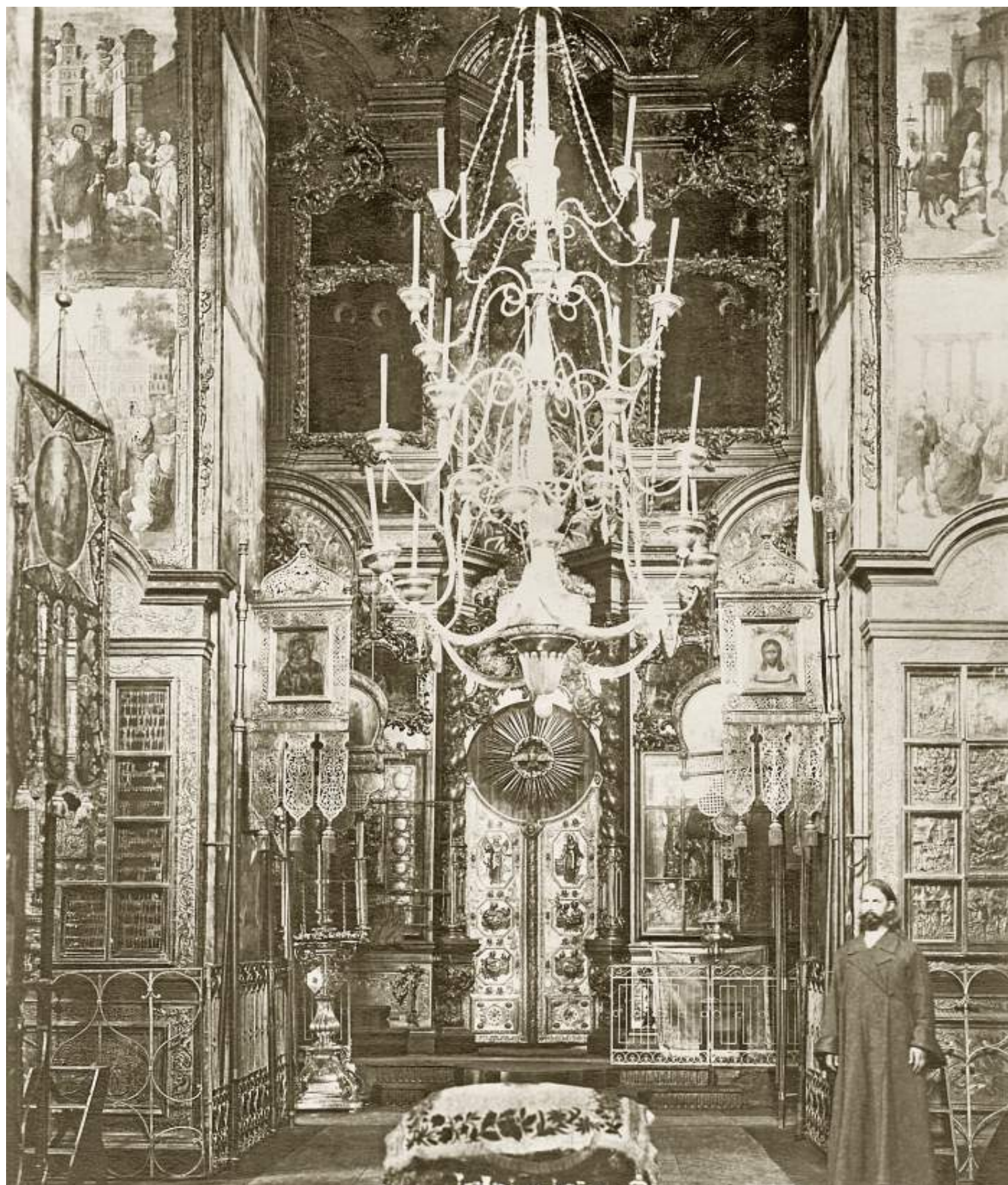
С давних пор и до половины XIX столетия в Костроме существовал обычай, по которому Феодоровская чудотворная икона Богоматери, относимая утром 16 августа из Успенского собора с крестным ходом на место своего явления в Запрудненский храм, затем, при возвращении

из последнего в Успенский собор в тот же день заносилась, в память своего первого местопребывания в Костроме, генеральным же крестным ходом при участии всего Костромского духовенства и при многочисленном стечении городских жителей в каменный Богородицкий храм на Мшанской улице, где и оставлялась до следующего дня; в следующий день, 17 августа, здесь правилась торжественная служба Феодоровской иконе Божией Матери¹⁴². Распоряжением Костромского архиепископа Платона уже в половине XIX в. этот древний традиционный обычай был уничтожен.

И до настоящего времени в Костроме держится несколько измененное в народной памяти предание, что прежде собором в Костроме был Феодоровский Богородицкий (Богоотцовский) храм, а о прежнем древнем соборе Феодора Стратилата уже забыто.

Кончилась судьба древнего соборного храма святого Феодора Стратилата, но около того же времени сгорел и почти весь город Кострома. Кончил свое существование и последний костромской кремль, исчезли все костромские укрепления, и старый город слился с новым городом,

Успенский собор и храм Св. Ф. Стратилата в XV-XIX вв. в связи с топографией г. Костромы

Чудотворная Федоровская икона
Божией Матери в иконостасе Успенского собора. 1910 г.

посадами и слободами, начался новый последний период в топографии г. Костромы.

Полным изменением своего внешнего вида и совершенно новой перепланировкой своих улиц город обязан трем сильным пожарам, бывшим на протяжении всего двадцати лет: 1773, 1779 и 1789 гг.

Достаточно взглянуть на два плана г. Костромы: от 1755 и 1781 гг., чтобы видеть полную перемену города, перестроенного и доселе существующего по утвержденному Верховною властью плану 1781 г. (см. планы).

Последующие планы города 1843 г. и 1904 г. не вносят в картину города почти ничего нового. До 1773 г. город, как это можно видеть по плану 1755 г. и объяснительной к нему записке, оставался в том же виде, как он описан в Писцовых книгах 1628-30 гг.; он разделялся на старый (кремль) и новый город. Те же посады и слободы, между которыми была масса пустопорожной земли, занятой огородами. Сохранились прежние земляные валы и рвы кремля и нового города, но деревянных стен с воротами и башнями уже не было, они, очевидно, по ветхости были сломаны, а возобновлять их не было надобности. В городе было по-прежнему, кроме Успенского собора и совершенно обветшавшей Троицкой кремлевской церкви, более тридцати приходских церквей, из которых было много уже каменных; существовали и монастыри - Крестовоздвиженский, Богоявленский и Ризоположенский Анастасийн монастырь (закрытый). В упраздненном Запрудненском монастыре помещалась семинария, за рекой Костромой существовал Ипатьевский монастырь. В городе было уже несколько правительственных зданий и частных каменных учреждений. Не был засыпан еще и ручей Сула, тянувшийся на 500 сажен от нынешней сенной площади до Волги.

По Высочайше подтвержденному в 1781 г. плану указано, чтобы в кремле никаких частных зданий уже не

Чудотворная Федоровская икона Божией Матери. Старое фото

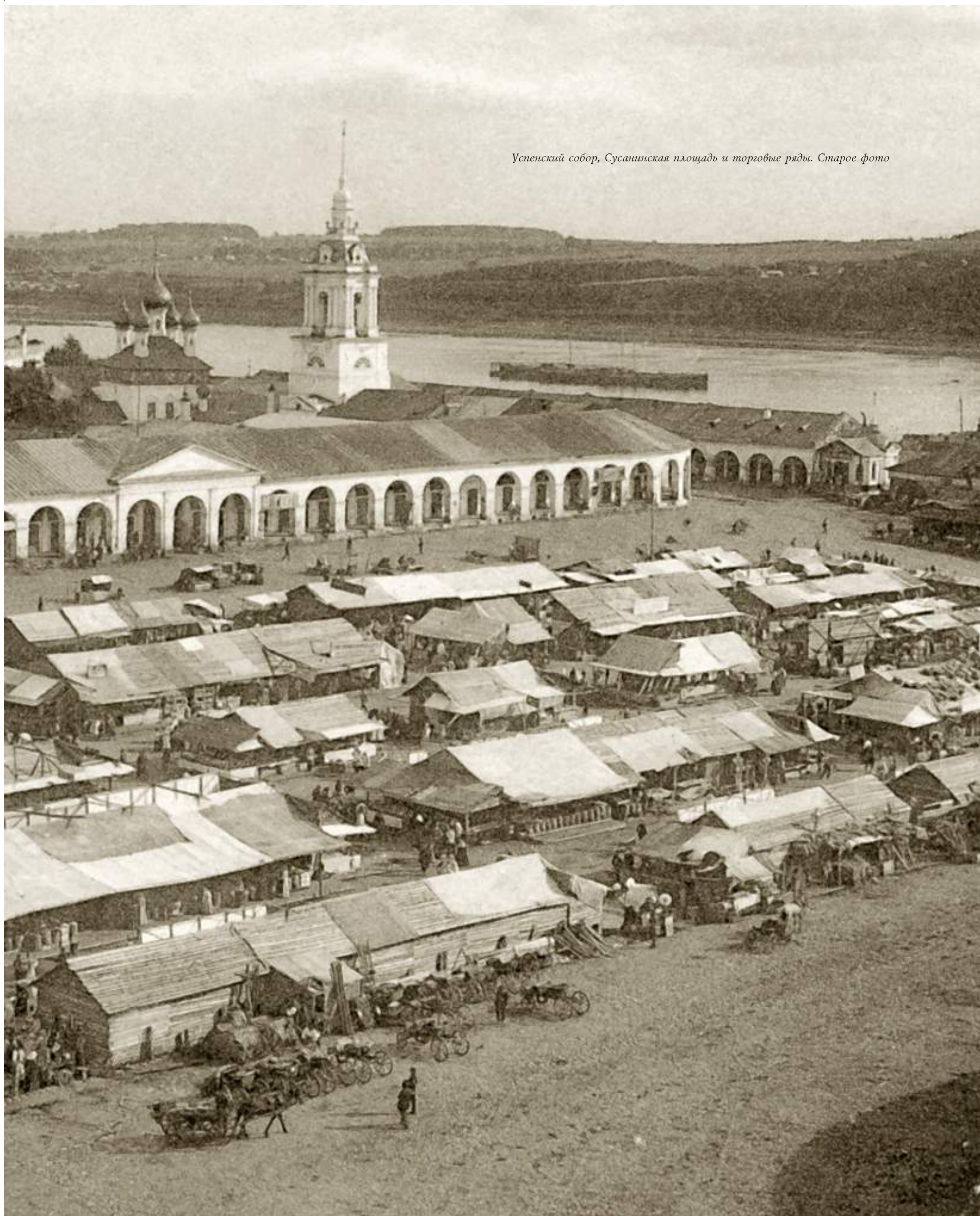
было, улицы были разбиты радиусами на главную городскую Екатеринославскую (Сусанинскую) площадь, которая была раскинута амфитеатром, с открытою к Волге и спускающеюся на берег по Молочной горе стороною. С 1778 г. открыто в Костроме управлением генерал-губернатора

ИКОНОСТАС СОБОРА. Из четырех ярусов иконостаса, увенчанного шестью (в разных орнаментах) клеймами, изображающими Праотцев, составляют два поперечных пояса, разделенные между собою узкою полоскою икон, живописующих страсти Господни, средину коих составляет распятие, в круглом клейме, украшенном серебряным окладом. Первый из поясов - нижний содержит в себе, так называемые местные образа и над ними, мерою в половину, образа Пророков. Царские врата, по обе стороны, до самого верха иконостаса, имеют витые колонны, а северная и южная двери - каждая по одной и той же колонне к стороне царских врат так, что промежутки между царскими вратами и теми дверьми, в двух поперечниках составляют четыре отдельные, один над другим, киоты, заключающие в себе - каждый по четыре образа (два внизу и два над ними), разделенные между собой пилястрами; самые киоты, окаймленные витыми колоннами, венчаются красивыми, в полуциркуль, фронтонами, из коих каждый содержит в себе клеймо в разных орнаментах, а каждое клеймо, поставленное над пилястрою, разделяющею главные образа киота, имеет форму овала, уступающего свою правильность прихотливому рисунку орнамента, украшающего клеймо. Точно такими же фронтонами венчаются и десять киот с трубами у столпов храма. У переднего правого столпа против иконостаса Архиерейское место, с четырьмя витыми колоннами и с живописными с трех сторон клеймами в орнаментальной резьбе, внутри убранный кармазинным сукном ... Своды, стены и столпы храма украшены живописью альфреско, которая при богатой, золотой уборке, составляла в свое время дивное великолепие храма, где Монархия щедроты - главные деятели великолепного возобновления его нашли себе достойных сподвижников в мудрых строителях, глубоко проникнутых духом благочестия.

Пр. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М. 1855, с. 66-67

Успенский собор, Сусанинская площадь и торговые ряды. Старое фото

наместничество, преобразованное в 1797 г. в губернию. С тех пор задачей губернаторов было - постепенно осуществить в новом устройстве города план 1781 г. По этому плану, с незначительными изменениями, город существует и доселе.

Самым большим бедствием в конце XVIII в. для города Костромы, и в частности для Успенского собора, был ужасный пожар 1773 г. До этого пожара Успенский собор состоял из двух зданий: нынешнего холодного собора с приделом Феодора Стратилата и каменной низкой шатровой колокольни, стоявшей на месте нынешней каменной сторожки и пристроенной к восточной галерее храма. Собор был стеснен с северо-запада деревянной церковью преп. Геннадия Люблимоградского и деревянным воеводским домом, а с востока на большое пространство - Кресто-

воздвиженским девичьим монастырем, обнесенным низкой деревянной оградой, с небольшими такими же башнями. Монастырь вмещал внутри небольшую каменную церковь в память воздвижения креста Господня, с небольшой каменной шатровой колокольней, и 10 бедных, деревянных, кое-где раскиданных иноческих келий. Все эти здания сгорели в ужасный пожар 1773 г. Пожар начался в 10 часов утра 18 мая близ церкви Козмы и Демиана в Кузнецях, от топившейся бани, при сильном северо-восточном ветре, обратившемся от пожара в бурю. Огненная река, пройдя мимо уцелевших церквей Алексея человека Божия, Иоанна Златоуста, монастырей Бого-явленского и Анастасьина к Волге, обратила все прочее на юго-востоке до самой Черной реки в пепел. Набожный соборный протоиерей И. И. Красовский, несмотря на то,

СТЕНОПИСЬ КОСТРОМСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА представляла большой историко-художественный интерес, так как была выполнена в XVII в. по следам более древней росписи, относившейся к 1669 г. Расписывали собор в 1775-1778 гг. ярославские живописцы братья Дмитрий и Кузьма Иконниковы, Федор Илларионов Потопугев и другие. Роспись собора относится к числу не дошедших до нас работ ярославской школы стеного писания XVII-XVIII вв., документированных по настенным летописям.

Вид на кремль с Волги

что его собственный дом на Мшанской улице был в сильной опасности от пожара, вынес из собора чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери на те места, где наиболее угрожала опасность, но, увидев собор, неожиданно со всех сторон окруженный горевшими зданиями, едва успел с иконою отплыть на небольшой лодке в Ипатьевский монастырь. Собор и все почти имение его сгорело от загоревшагося сначала на паперти, а потом и в обеих церквях, деревянного из дубовых брусьев пола. Успели некоторую часть

имения из собора вынести к Волге, но и там многое пригорело, потому что разъяренная стихия истребила почти все, вынесенное к Волге; сгорели даже многия суда на Волге и несколько селений за Волгою. Народ на берегу Волги старался спастись от жара, вбегая в Волгу и сидя в воде¹⁴³.

В кремле сгорели воеводский дом, множество казенных зданий, каковы: съезжая изба, тюрьма, губная изба, караульная изба, житницы государевы и т. д., множество осадных и жилых домов, принадлежавших разным кост-

ПЕРВОЕ СОКРОВИЩЕ, которое содержит в себе Успенский собор, или лучшее, - которым держится Собор в цветущем состоянии, есть явленный чудотворный Феодоровский образ Богоматери - сокровище выше всякой земной вещи, драгоценнейшее, как небесный дар и знамение особенного благоволения всеблагаго Промысла к городу Костроме. Чудотворный образ, имевший в прежнее время серебряный позлащенный оклад с такими же венцами и жемчужным оглавием, украшенным несколькими драгоценными камнями, в последнее время, а именно в 1805 г. по силам и средствам, доступным человеку, украшен окладом и ризою с венцем, вычеканенным из чистаго золота 92 пробы («...в царствование Императора Александра I при епископе Евгении, тщанием Костромских граждан при протоиерее Иакове Арсеньеве с братиею мастера Московскаго Трифона Добрякова»).

Пр. П. Островский. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М. 1855, с. 70-71

Глава V

ромским помещикам, каковы Волконский, Куракин, Козловский, Бярятинский, Вяземский и другие. Сгорел, наконец, и Крестовоздвиженский монастырь со всеми своими зданиями и оградой. Несколько инокинь скрылись от огня в своей обители в клетках кирпича от разобранной пред тем каменной церкви Введения Богородицы, но найдены были задохшимися от жара и дыма. В окне соборной галереи лежал полубгорелый, так называемый, Иванушка

дурачек, живший при соборе в сторожке и думавший сохранить жизнь свою, уцепившись за железную решетку.

Более 20 церквей лежало в пепле; из них 7 после того уже не были возобновлены по малому числу прихожан и вследствие отдаленности их жилищ от своих церквей. Костромской епископ Симон II Лагов не позволил уже на пепелище строить деревянные церкви, а только каменные; прихожанам от упраздненных церквей дозволено было

Успенский собор и вход в него. Старое фото

распределиться к другим церквям, согласно их местожительству и желанию.

Окончательно разрушилась от пожара и ветхая каменная церковь древнего второго Троицкого собора, и после того не была восстановлена.

После пожара уже никого из частных людей в кремле строить не допустили.

Для новых домов были раскинуты новые улицы на пустырях от Богоявленского монастыря ко Власьевской церкви, также к дорогам Вологодской, Галичской и Кинешемской. По этому расширению город соединился с селениями, бывшими до пожара отдельными: с севера с слободами Кирпичною и Полянскою, а с востока с селом Крупеники, вскоре после этого приписанным к городу, и находившимся тут, где ныне Покровская церковь¹⁴⁴.

В кремле после пожара остался только Успенский собор с колокольней, да и на них жалко было смотреть: они стояли одиноко, обгорелые, почерневшие; колокольня была без колоколов, и ежеминутно готова была рухнуть.

Строительная комиссия по обновлению собора после пожара 1773 г. доносила в 1775 г. костромскому епископу о последствиях пожара следующее¹⁴⁵:

1) Во время пожара в Успенском соборе сгорели - пол деревянный, иконостас, престол, жертвенник; при колоннах, поддерживающих своды собора - место архиерейское, место проповедническое, киоты для образов, шкафы в стенах, слюдяные оконцы в деревянных переплетах, словом, все деревянные поделки внутри и снаружи. От жару разорвались пять железных связей. На церковных стенах и сводах нижних палаток образовались трещины и язвы. Штукатурка под стенным письмом по стенам и сводам в церкви и в алтаре от жару во многих местах обвалилась, и живопись испортилась.

2) В придельном храме святого великомученика Феодора Стратилата сгорели деревянный пол, иконостас, престол, жертвенник и оконницы в деревянных рамах.

Входные железные двери изломались.

3) Во всех папертях, окружающих собор, сгорели деревянные полы, входные лестницы, двери, оконницы и деревянные крыши. Стенное письмо тоже повреждено.

4) Каменная колокольня, имеющая деревянные полы, перила и колокольные балки, обгорела так, что большой 1004 пуд, колокол, немного более десяти лет повешанный на колокольню, упал с верхнего яруса донизу, проломив своды, и разбился. Несколько малых колоколов растопились. Шатровый верх на колокольне с главою свалился. Железные колокольные часы сгорели и сломались. Все железные связи разорвались, отчего на стенах образовались трещины. Стены колокольни стали настолько непрочны и опасны, что их после пожара пришлось совершенно разоборать.

В соборе сгорело множество икон, книг и документов, церковной утвари и облачений, всего 459 предметов на сумму 28544 рубля 73 коп. (Ведомость погоревшим вещам находится в связке соборных дел 1776 г.).

В числе вещей, которые удалось выхватить из пламени, особенно ценны:

1) чудотворный Феодоровский образ Божией Матери в серебряной чеканной ризе, украшенной многочисленными драгоценными камнями и жемчугом; при образе: а) особая дорогая жемчужная цата, украшенная камнями - дар царя Михаила Феодоровича с инокиней Марфой Ивановной, б) две рясы жемчужные, тоже дар царя Михаила Феодоровича и его матери, в) поперек чудотворного образа возглавие, низанное по вырезу на золоченой доске крупным и мелким жемчугом и разных цветов камнями;

2) образ Спасителя, сидящего на престоле, в серебряной позолоченной ризе, украшенной драгоценными камнями и жемчугом;

3) образ Успения Божией Матери, покрытой серебряной позолоченной ризой, драгоценными камнями и жемчугом;

КОСТРОМА. по заключающимся в ней интереснейшим и прекрасным памятникам - архитектурной и художественной старины - давно могла бы занять одно из лучших мест в ряду исторических городов России. В основанной сравнительно поздно Костроме не могло быть строительства такой глубокой древности, как во Владимире, Ростове или даже Ярославле, о котором в летописи упоминают в 1076 г. ... а в XIII в. славился уже Преображенским монастырем, в то время когда в Костроме мурза Четь только основал Ипатьевскую обитель. В Костроме не было столь значительных по власти и богатству удельных князей, как в других городах того времени, которые бы пеклись о красоте города и возводили златоверхие храмы; никто здесь не делал богатых вкладов для построения таких зданий, которые передали бы потомству память о первых шагах зарождающегося города; не было здесь и таких каменных крепостных стен, какие еще уцелели во Пскове, в Нижнем Новгороде, в Изборске, а в виде остатков - в Казани, Смоленске, Остроге. Существовавшие ранее в Костроме земля-

ные стены, подобные хорошо сохранившимся в Переяславле, являлись наглядным выразителем древнего вида города, единственными свидетелями угасшей исторической жизни и придавали облику города вообще живописный вид. Стремясь придать Костроме новый, более благоустроенный вид, преобразователи города наложили свою руку и на эти земляные валы и насыпи, составляющие столь характерную черту древнего вида Костромы. Просуществовавшая 400 лет крепость постепенно в 1809, 1817, 1818 и 1824 гг. была срыта в уровень с площадью у Триумфальных ворот. Позже на этом месте был разбит сквер, английский сад, убрали находившиеся на валах пушки, из которых палили еще в честь прибытия Екатерины Великой.

Г. К. Лукомский. *Об архитектурных памятниках Костромы и их художественном значении. Альманах «Памятники Отечества».* 1991. №1, с. 59-60

Глава V

4) образ штилистовый Федоровской Божией Матери, обложенный серебром чеканным, золоченым, с украшениями в венцах из камней и жемчуга, дар царя Михаила Федоровича, и некоторыя другия иконы.

В приделе Феодора Стратилата сохранились из иконостаса иконы: 1) образ Спасителя, сидящего на престоле в чеканной серебряной позолоченной ризе и 2) образ Пресвятыя Богородицы Толгския, обложенный басменным серебром, золоченый, украшенный драгоценными камнями и жемчугом.

Сохранилось несколько архиерейских и священнических облачений¹⁴⁶.

Но при всем страшном несчастье, самый собор в основных своих устоях и плане остался неприкосновенным. Правда, по обновлении в конце XVIII в., собор является с некоторыми до сих пор остающимися новыми постройками, каковы: входная каменная ротонда, три палатки для ризницы и сторожей (на месте прежней колокольни) и многия новыя внутренния поделки и украшения и т. д. Но все это не нарушило тот план, какой собор имел до пожара 1773 г. и коснулось более наружного вида собора.

Возобновление собора требовало немало времени

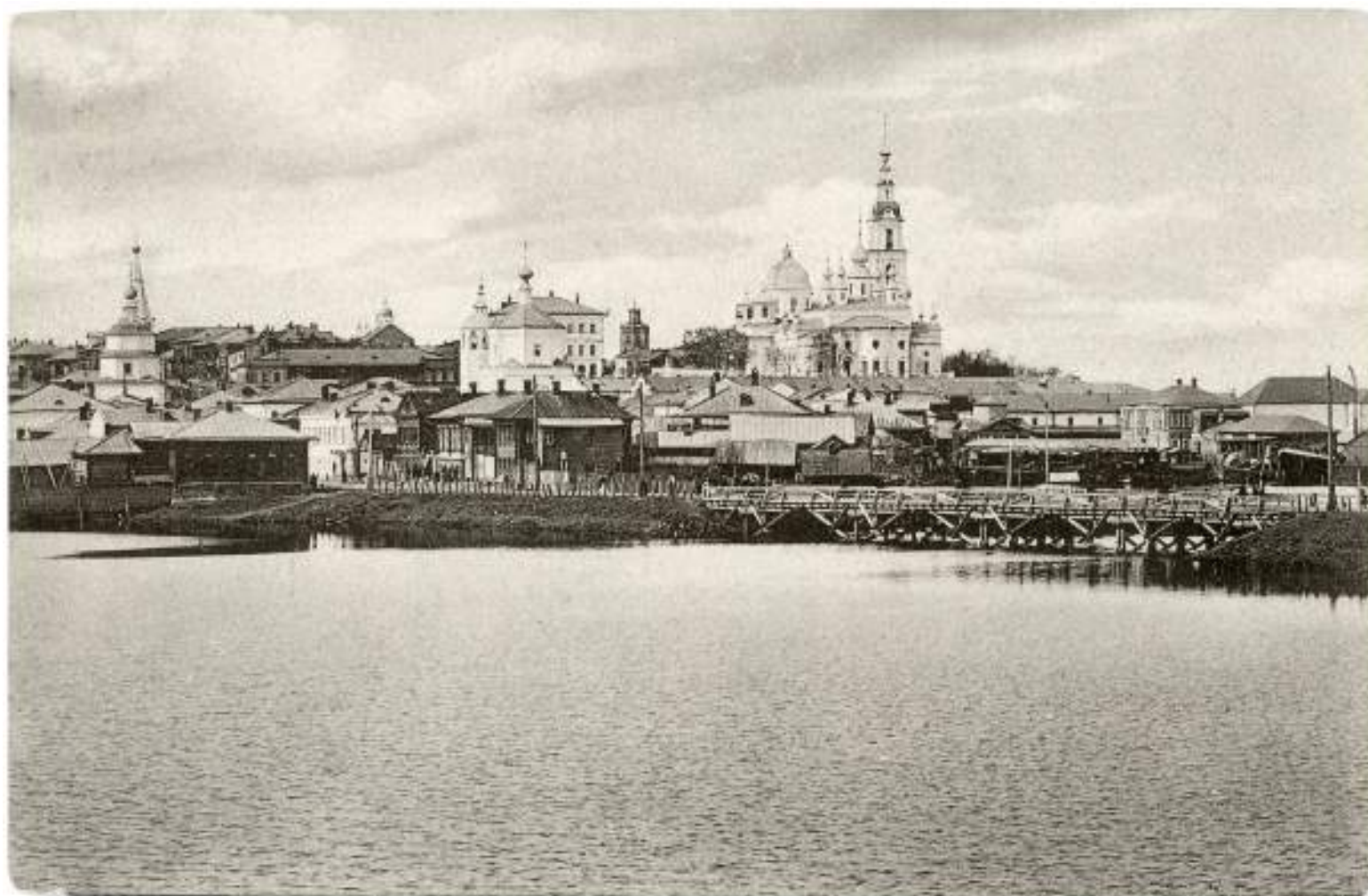
и очень больших средств, каковых у собора почти не было. Поэтому несколько лет собор оставался без богослужения. Явленная чудотворная Федоровская икона Богородицы через неделю после пожара из Ипатьевского монастыря отнесена была на древнее свое место пребывания в новую Федоровскую (или так называемую Богоотцовскую) церковь на Мшанской улице, где и пребывала до осени 1776 г., т. е. Федоровский (Богоотцовский) храм, в течение трех лет. Тут же поместились на временное жительство и соборяне. Т. о. Федоровский (Богоотцовский) храм а течение трех лет (1773-1776) действительно был, согласно и народному преданию, городским собором до возобновления Успенского собора.

Императрица Екатерина II, узнав о постигшем Кострому бедствии, повелела в 1775 г. выдать на возобновление сгоревшаго собора из Государственной Коллегии Экономии 12 000 рублей.

Обрадованный такой Высочайшей милостью, соборный причт с благословения своего епископа Симона немедленно приступил к возобновлению погоревшаго Успенского собора. Была разобрана разгоревшаяся каменная колокольня и на месте ея выстроены каменные палатки для сторожей

Вид на город Кострому с волжских пристаней. Старое фото

и ризницы; сломано ведущее в собор четырехугольное каменное с висячими на гирьках арками крыльцо и вместо его устроено с северной стороны круглое крыльцо, в виде красивой, но нарушившей общий стиль храма ротонды, с пятью открытыми для входов арками, с купольным покрытием, которое возвышается от помоста на $9\frac{3}{4}$ арш., при диаметре 11 арш. и увенчивается сверху главою (Прот. П. Островский. - опис. Успенского собора, с. 63-64). Из ротонды под аркою, имеющей 6 арш. и 1 вер. вышины, и 5 арш. 5 вер. ширины, идет крытый с пятью широкими полукруглыми окнами ход через лестницу в 14 ступеней при ширине $5\frac{3}{4}$ арш. Он ведет в устроенную на высоких подклетьях и окружающую собор с трех сторон проходную высокую галерею или паперть, крытую коробовым сводом. Все галереи и пол внутри Успенского собора и придела устланы чугунными плитами. Древняя узкая окна в Успенском храме и алтарях его расширены, слюдяные оконницы заменены стеклячатыми, а некоторые окна (три на север и 1 на запад) совсем заделаны, так что осталось

из 12 только 8 окон. Кровли и главы собора покрыты новым железом.

Для богослужения прежде был приспособлен придельный храм святого Феодора Стратилата, в 1776 г. он освящен, и чудотворный образ Богоматери возвращен из Богоотцовского храма сюда. В 1777 г. был освящен уже и Успенский храм.

В том же 1777 г. на месте прежнего женского Крестовоздвиженского монастыря был торжественно заложен теплый каменный Богоявленский собор в одной связи с такою же огромною (30 саж. высоты), четырехярусною колокольнею¹⁴⁷. А в 1777 же году и в Успенском соборе началась поправка стеного письма. Стенопись писали Ярославские иконописцы во главе в живописцами Дим. Коптеловым и Ан. Денисовым. Около того же времени в соборе поставлен изящный многоярусный, существующий и до сего времени, иконостас, высотой $16\frac{3}{4}$ арш. В этом же десятилетии площадь, занимаемая соборами, была обнесена красивою каменною оградой с троими въездными воротами¹⁴⁸.

Не успела Кострома вздохнуть от страшного бедствия в 1773 г., как в 1779 и затем в 1789 гг. она подверглась новым пожарам. К великому счастью оба этих пожара не коснулись соборных зданий, уже защищенных к тому времени каменной оградой. Более истребительен для города был пожар 1789 г. Он уничтожил в новом городе почти все лавки и за валом в кремле все оставшиеся деревянные здания. Осталось здесь после этого пожара только четыре частных дома, но и те скоро были снесены. Во время того же пожара сгорел и главный Спасский деревянный через ров мост из нового города в кремль. Вместо моста устроена земляная гать, которая существует и доселе.

После этих пожаров, в конце XVIII и начале XIX вв., Кострома приняла совершенно новый вид. Рядом с Успенским собором, вместо прежних деревянных храмов и домов, выстроен величественный теплый Богоявленский собор и два большие каменные дома для архиерейского приезда на время водополья и для жительства причта. Все эти здания были окружены довольно высокою (с берега Волги до 4 сажень) оградой, имеющей в окружности 200 саж., внутри которой разбито несколько садов.

Весь город разбит совершенно по новому плану¹⁴⁹.

В XIX в. единственной капитальной перестройкой Успенского собора было расширение в 1834 г. придельного храма св. Феодора Стратилата за счет составляющей его притвор западной галереи; но об этом нами было говорено выше. В 1835 г. Успенский и Богоявленский соборы были признаны кафедральными, взамен Троицкого собора в Ипатьевском монастыре, бывшего кафедральным со дня учреждения костромской епархии в 1744 г.

В 1855 и 1882 гг. живопись на стенах внутри Успенского собора и в галереях была поправлена, а в начале XX в. были заново позолочены и все главы собора¹⁵⁰.

В настоящее время площадь, занимаемая соборными зданиями, есть самое лучшее в целом городе, самое центральное, и, вместе, живописное место. Песчаный крутойярь, выдавшийся из самой середины города, возвышенный над берегом Волги четырехсаженной каменной оградой, на котором издали виднеется белая группа массивных соборных зданий, блестящих золотыми главами, граничит с юго-восточной стороны с красивой, тянущейся по сохранившемуся древнему земляному валу аллеей малаго бульвара, усаженной высокими деревьями. С северо-восточной стороны отделяет соборную площадь

Успенский собор и храм Св. Ф. Стратилата в XV-XIX вв. в связи с топографией г. Костромы

от города, вместо прежнего кремлевского вала и рва, Английский сад и большой бульвар; с северо-западной - над крутым оврагом разбита ровная площадь, обнесенная балюстрадай. На эту площадь с северо-западной же стороны гостиного двора идет главный въезд через мощеную насыпь, устроенную над рвом, окружающим в прежнее время земляные валы. Другой въезд ведет с восточной стороны из Нижнедебринской и Ильинской улиц отлогою дорогою между малым бульваром, разбитым на оставшемся юго-восточном кремлевском валу, и большим городским садом. Таким образом, малый бульвар, городской сад и площадь над оврагом, занятым овощными лавками, точно также, как и прежние валы, совершенно отделяют соборный участок или кремль от города и делают это место среди города как бы красивой цитаделью, величественно возвышающейся над Волгой. На этом-то, во всех отношениях прекрасном

и возвышенном от Волги месте, ровном со стороны города и совершенно безопасном на случай пожара, и красуется Костромской кафедральный древний Успенский собор, славный не столько сам по себе, сколько своей великой древней Святыней, чудотворным образом иконы Божией Матери. Против святых ворот в соборную ограду с северной стороны от Успенского собора на широкой площади строится в настоящее время, в память 300-летия царствования Дома Романовых и величественный красивый памятник по проекту архитектора Адамсона.

Троицкий собор в Ипатьевском монастыре

Интерьер Успенского собора в Костроме. Старое фото

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V

- 100 Более подробное описание топографии г. Костромы по Писцовым книгам см. в К. Е. В., 1899 г. - «Костр. церкви и монастыри по Писцовым книгам XVII в.» И. Баженова, и его же «Костромской кремль», историко-археол. очерк, Кострома. 1905.
- 101 И. Баженов. «Костромской кремль», с. 20.
- 102 Здесь находились дома князей: Барятинских, Волконского, Вяземского, Гагарина, Збарецкого, Козловского, Куракина, княгини старицы инокини Ирины Ивановны Мстиславской, княгини Троекуровой, бояр Салтыковых и Шереметевых; стольников Годунова и Карпова; дьяков Головина, Данилова и Лихачева. Больше же число осадных домов составляло собственность разных дворянских семейств числом 84. См. там же, с. 21.
- 103 Там же, с. 20; ср. Пр. П. Островский - Ист. записки, с. 40-42.
- 104 У Иоанна были сыновья: Андрей Кобыла и Федор Шевялга, у Андрея

был сын Федор Кошка, у Федора - Иван, у Ивана - Захария, у Захарии - Юрий, у последнего - Роман, у Романа - Данило, Долгат и Никита. Сын Никиты - Федор и был родителем Михаила Федоровича Романова. Карамзин, т. VIII, примеч. 164.

- 105 Летопись о мятежах, с. 302.
- 106 Пр. П. Островский - Истор. зап. о Костр., с. 59.
- 107 Собр. Госуд. грам., I, 619.
- 108 Там же, I, с. 620-625.
- 109 Обе эти церкви в 1773 г. от сильного пожара разрушились и по недостатку средств не были восстановлены.
- 110 Текст послания см. в кн. Пр. Островского - Истор. зап. в прил. под лит. А.
- 111 Все приклады Чудотворной Феодоровской Богоматери описаны в Писцовых книгах 1628-30 г.; см. Костр. гор. церкви и мон. по Писцовым книгам XVII в. И. Баженова; и у пр. Сырцова - Костр. Усп. соб., в К. Е. В., 1908 г., № 21.
- 112 Пр. П. Островский - Истор. опис. Костр. Усп. соб., прил. 8 и II грамоты царя Михаила Федоровича от 17 янв. 7122/1640 г. и от 14 мая 7144/1663 г.
- 113 Там же, прил. 7, с. 195-201 и пр. 10, с. 207-213.
- 114 Там же, прил. 10, с. 213-216.
- 115 Там же, прил. 9, с. 205.
- 116 Там же, с. 131.
- 117 Там же, прил. 11, с. 216-219.
- 118 Там же, прил. 12, с. 220.
- 119 Пр. П. Островского - Истор. зап., с. 71.
- 120 См. сказ., напечатанное в «Вестнике археол. и ист.», вып. XIX. Все известные чудеса от иконы Феодоровской Богоматери изложены в книге Пр. П. Островского - Ист. зап., с. 84-94. Пр. И. Сырцов - Сказ. о Феодоровской иконе Божией Матери, Кострома. 1908, с. 26-45.
- 121 Пр. П. Островский - Описан. Усп. соб., с. 20-22.
- 122 Там же, с. 23 и пр. И Сырцов - Костр. Усп. соб., в К. Е. В., 1908 г., № 21, с. 554-557.
- 123 Такое усиленное укрепление в г. Костроме в это время было вызвано тем, что в 1618 г. Польский королевич Владислав, осаждавший с войском Троице-Сергиеву Лавру, отправил отсюда сильный отряд в Галичские, Костромские и Ярославские места. К счастью это войско не достигло ни Костромы, ни Галича: 24 ноября оно было истреблено воеводою Бутурлиным в Ильине, в поместье Нефедьева в Ярославском уезде (Лет. о мятежах, с. 323 и дворц. разр., напеч. 1850 г., т. I). Вероятно напуганные этим обстоятельством жители г. Костромы и испросили у царя Михаила Федоровича позволение построить на севере от кремля кругом торговой площади и рядов, «на случай осадного положения», деревянную стену с 23 башнями и 6 воротами, выкопав около нея с восточной и северной стороны ров с перекидными мостами. Постройка была кончена в 1727 г.: (1619), т. е. около времени посещения Государем Костромы. Местность эта, прежде называемая Китай-городом, теперь стала называться «новым городом», в отличие от кремля, который получил название «старого города». «Новый град» отличался тем, что в нем не было вала, существовавшего в старом городе или кремле. Он простирался от кремля до речки Сулы и Анастасина монастыря, и от Волги - до церкви Воскресенской и Благовещенской.
- 124 В Писцовых книгах Ивана Бутурлина 1628 г. о Вознесенском монастыре сказано так: «Пастором Богоявленского монастыря Вознесенский ружный, а в нем церковь преп. Варламия новгородского чудотворца, да место церковное, а церковь была Вознесение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а в церкви образа местные, и книги, и ризы, и колокола и все церковное строение государево царя и вел. кн. Михаила Федоровича всея русии». Этот монастырь, занимавший место нынешней второй полицейской части, не су-

- ществует, и когда уничтожен неизвестно; вероятно - при учреждении монастырских штатов в 1764 г. В 1788 г. оставшаяся на месте монастыря деревянная церковь перенесена за город, на место нынешнего Лазаревского кладбища.
- 125 В Писцовых книгах 1628 г. о Спасо-Подвизном монастыре сказано: «Идучи во Мшанскую улицу монастырь словес Спасо-Подвизный (получил название от росших на этом месте вязовых деревьев), а в монастыре церковь Преображения Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, да церковь другая со трапезой Входа в Иерусалим древяна клецки, а в церквах образа, свечи и книги, и колокола и всякое церковное строение Государево да приходных людей». Монастырь этот в 1691 г. по указу патриарха Адриана обращен в приходскую церковь, а строитель с братиею переведен в Богоявленский монастырь. Приходская та церковь, впоследствии перестроенная на каменную, существует и теперь.
- 126 Основатель святой обители Четь окружил построенные им церкви и др. здания монастыря дубовою деревянною оградою. В 1585-1590 гг. потомки его бояре Димитрий и Борис Годуновы соорудили на протяжении 243 сажень новую каменную ограду с 6 боевыми башнями, переходами между ними и амбразурами. Ограды и башни вооружены были пушками (часть которых сохраняется в садике Михаила Феодоровича и доньне). К этой ограде в 1642-3 гг. по повелению царя Михаила Феодоровича пристроена на северо-западе новая каменная ограда, на четырехугольном пространстве 144 саж., с двумя наугольными башнями и третьей на середине западной стены, называемой «зеленою» (потому, что в отличие от других башен, крытых тесом, она была покрыта зеленою черепицей). Зеленая башня устроена на том месте, до которого братия Ипатьевского монастыря духовенство и граждане г. Костромы крестным ходом сопровождали новоизбранного царя Михаила Феодоровича 19 мая 1613 г. в г. Москву на царство (Ив. Баженов - Костр. Ипат. мон., Кострома, 1909 г., с. 9)
- 127 Вознесенский храм (выстроенный в XVII в. был для Вознесенского посада своим соборным храмом, что видно из того, что в конце XVII в. при нем был Протопоп, чего в то время в простых приходских церквах не допускалось: см. Костр. Десятина в прил. к К. Е. В. 1904-1905 гг.
- 128 Ив. Баженов - Костр. город церкви и мон. по Писц. кн. XVII в. в прил. к К. Е. В., 1889 г., с. 22, 26, 27, 44, 46, 48 и прим. 20, 30, 32, 56, 57 и 66.
- 129 Вероятно церковь развалилась от плохой кладки из плохого кирпича, что было не редкостью, и от прежних пожаров.
- 130 Там же, с. 17, 36; Костромская десятина жилых церквей 1628-1746 гг., ч. 32, прил. К. Е. В. 1904-1905 гг.
- 131 Когда и кем основан этот монастырь - неизвестно. При нашествии поляков на г. Кострому в 1608 г. обитель эта подверглась разорению, но затем снова была восстановлена. В 1681 г. она была обращена в женский монастырь, а после большого пожара 1773 г., уничтожившего монастырские здания, была совсем упразднена, и сестры переведены в Анастасийн монастырь, который с тех пор стал известен именем Крестовоздвиженского женского монастыря.
- 132 Пр. П. Островский - истор. опис. Костр. Усп. соб., с. 189, прим. 3 и с. 36; срав. Прот. И. Сырцов - Костр. Усп. соб. в К. Е. В., 1908 г., с. 510.
- 133 Во время пожара 1654 г., вероятно, также подверглись истреблению дом великой инокини Марфы Иоанновны и разные монастырские дворы с другими зданиями. Я. Крживоблоцкий - матер. для географии Росс.; Кострома, с. 580.
- 134 Описи документам Архива Большесельских посадских избы и ратуши, XVII-XVIII ст., сост. Н. Селифонтовым, изд. Костр. Арх. Ком., см. № 123 - Челобитная царю Алексею Михайловичу 1661 г. об укреплении г. Костромы деревянными с башнями стенами и земляным валом», № 206, 7173/1664 г. ноября 22 дня. «Список с царской грамоты костр. воев. о исправном докончании городского дела, предпринятого по г. Костроме с 1662 г.
- 135 Пр. И. Сырцев - Костр. Усп. соб. с. 583. См. в К. Е. В., 1908 г., № 22; ср. опис. соб., с. 36 и прим. 3, с. 189, указ патр. Никона от 12 сентября 7164/1656 г.
- 136 Там же. К. Е. В., 1908 г., № 19, с. 511.
- 137 Летопись Феодоровской (Богоотцевкой) церкви имеет весьма близкое сходство с рукописью *Мих. Ст. Травьянского* (1845 г.), напечатанной под заглавием - историко-археологическое описание (некоторых церквей г. Костромы - в К. Е. В., 1888 г., № 13, 14. В начале I-III главы летопись прот. Вихрева представляет нечто иное, как распространенную несколько копию с рукописи Травьянского, но далее она содержит копии с важных официальных документов, касающихся построения и дальнейшей судьбы каменного Феодоровского (Богоотцевкого) храма.
- 138 А. Титов - Упраздн. монастыри Костр. епархии, 1909 г., с. 16. Летопись Феодоров. ц., с. 43.
- 139 Прот. П. Островский - ист. зап. о Костроме, с. 109.
- 140 Летопись Феодоровской (Богородицкой или Богоотцевской) церкви, лис. 9; ср. К. Е. В., 1888 г., № 13, рукоп. *Травьянского*, с. 363.
- 142 Прот. П. Островский - опис. соб., с. 31, примеч.
- 143 Прот. М. Диев - «112 л. Костр. епархии», рукопись №15, прот. А. В. Горского из библ. Москов. Дух. Акад.
- 144 Там же.
- 145 В соборном архиве хранятся в двух переплетенных томах: а доклады строительной комиссии Костр. епископу Симону по обновлению погоревшего собора и по устройству 1776-1787 гг. нового Богоявленского собора с колокольней, и б. записная тетрадь по вкладам и договорным письмам о построении теплого собора и архиерейского дома и некоторые другие. По этим документам можно нарисовать довольно полную картину пожара 1773 г. и обновления после этого пожара собора.
- 146 Краткий список вещей, спасенных при пожаре 18 мая 1773 г., составленный по ведомости, представленной настоятелем собора Прот. И. Красовским Костромскому епископу Симону при рапорте от 7 июня 1773 г. и проверенный в 1776 г. по наличности особой комиссией, напечатан. прот. И. Сырцовым в его опис. Усп. соб. в К. Е. В., 1908 г., № 23, с. 613.
- 147 Колокольня спроектирована была в пять ярусов, но при исполнении один ярус не доделан. Она строилась подрядчиком каменных работ мецц. пос. Больших Солей Ст. Воротиловым.
- 148 Подробное описание ограды см. у Пр. П. Островского - Опис. соб., с. 54-56. Там же и подробное всего современного собора с занимающими соборную площадь другими зданиями. Повторять обстоятельный очерк современного собора, напечатанный в 1885 г. Пр. П. Островским и в 1908 г. в К. Е. В. Пр. И. Сырцовым излишне.
- 149 О благоустройстве после пожаров города, особенно позаботился губернатор Ник. Феод. Пасынков (1807-1815). При нем были завалены все рвы около прежних укреплений. Срыт северо-восточный кремлевский земляной вал, засыпан проходивший около него земляной ров, и на месте него положено начало городскому (Английскому) саду. Окончательное устройство сада принадлежит следующему губернатору Баумгартену. На лучших местах Пасынков приказал строить и лучшие здания. При нем выстроены кам. здания - корпус присутственных мест, острог, гостиничные ряды и т. д. Он же приготовил место для Муравьевки против губернаторского дома и нынешней гимназии, городские площади выстлал камнем, завел в городе освещение. При нем устроены улицы - Еленинская, Никольская и некоторые другие.
- 150 Подробное описание живописи Усп. собора напечатано пр. И. Сырцовым в К. Е. В. 1908 г., № 10, 11. Есть и отдельные оттиски.
- 151 Проф. А. Голубев - Автор древ. повести о Феодоровской иконе Божией Матери, Богословский Вестник. 1911 г., окт., с. 370.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, центр г. Костромы с существующими в нем величественными соборными храмами, древним златоглавым Успенским собором и зимним Богоявленским, где находится и чудотворная Феодоровская икона Богоматери, несомненно после основания города и явления в нем чудотворного образа занял свое настоящее место. Прошло не одно столетие, пока часть жителей постепенно разросшаяся древнейшего поселения естественно отлила от устья р. Костромы в направлении теперь существующего города. Потребовалось несколько пожаров, во время которых два раза сгорел и древний собор св. Феодора Стратилата, первое обиталище в Костроме чудотворной городской святыни, и кремль, его окружавший, чтобы связанные с этим старым палладиумом города священные воспоминания сами собой перешли в новый каменный «Пречистыя Богородицы чудотворныя иконы Феодоровския» собор, выстроенный в центре уже нового городского кремля не ранее XV в. Будучи поначалу как бы филиальным отделением, возобновленной после пожара церкви св. Феодора Стратилата, каменный собор долгое время был, по существу, лишь своего рода выставочной или придворной церковью, и не имел первостепенного церковно-богослужебного значения в городе. Даже во второй половине XVI в. и в самом начале XVII в. царские жалованные и разного рода святительския грамоты по-прежнему пишутся и посылаются в Кострому на имя протопопа «соборныя церкви Феодора Стратилата». Слов нет, с конца XVI в. в некоторых грамотах изредка Костромской собор от пребывающей в

нем чудотворной иконы Богородицы называется и Пречистенским, или Богородицким, но необходимо было, помимо благоговения жителей пред иконою Царицы Небесной, какое-либо стороннее и сильное воздействие, чтобы поставить Успенский собор рядом с Феодоровским и даже выше его. И такая могущественная поддержка была, несомненно, оказана ему Москвой, точнее царем Михаилом Феодоровичем, который «милости ради Пречистыя Богородицы, чудотворныя иконы Феодоровския», явленной его дому, начал оказывать ему явное предпочтение. В своих грамотах на Кострому он писал уже протопопу «соборныя церкви Пречистая Богородицы и Феодора Стратилата» (придел, во имя которого устроен был в Успенском соборе). А сын великаго Государя Михаила Феодоровича, царь Алексей Михайлович, исходя, конечно, от московских предков, именовал Костромской Успенский собор уже «большим собором». Алексей Михайлович имел, вероятно, при этом ввиду и высокое, постепенно выросшее религиозно-общественное значение Успенскаго собора и его главенствующую в то время роль в ряду других соборов города - Феодоровскаго, Троицкаго и Вознесенскаго¹⁵¹. Особенным вниманием к Успенскому собору и находящейся в нем святыне чудотворнаго Феодоровскаго образа Богоматери следует объяснить и появление именно в XVII в. нарочито составленной в честь этой иконы особой службы и нескольких письменных повестей о ея явлении и чудесах.

Свящ. Д. Лебедев

